Д6
П685

ПРАВО и ЖИЗНЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ПРОФ. А. М. ВИНАВЕРА, ПРОФ. М. Н. ГЕРНЕТА, ПРОФ. А. Н. ТРАЙНИНА.

ЖУРНАЛ

посвященный вопросам права и экономического строительства.

КНИГА ВТОРАЯ.

1923 г.

Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ".
МОСКВА,
Пречистенка, 17. Телефон 1-63-64.

„ПРАВО и ЖИЗНЬ“

под редакцией проф. А. М. ВИНАВЕРА, проф. М. Н. ГЕРНЕТА и проф. А. Н. ТРАЙНИНА.

Журнал издается в об'еме 6—7 печатных листов в месяц.

В № 1 1922 г. Журнала было напечатано: проф. А. Н. Трайнин—„О революционной законности“, проф. Н. М. Тоцкий—„Право и революция“, проф. А. М. Винавер—„Свобода договоров и порочные сделки по Проекту Положения об обязательствах“, В. Ю. Вольф—„О монополии внешней торговли“, Д. И. Иваницкий—„К выработке земельного уложения“, проф. Б. Д. Плетнев—„Государственная структура Р. С. Ф. С. Р.“, В. И. Куфаев—„Правонарушения и беспризорность несовершеннолетних в России“, Д. П. Родин—„Рабочие профес. дисципл. товар. суды“, проф. Н. Н. Полянский—„И. А. Покровский“, проф. И. Б. Новицкий—„Договор поручительства“, проф. М. Д. Загряцков—„Право застройки и жилищный вопрос“, проф. М. Н. Гернет—„Система карательных мер в Угол. Кодексе“, Н. Н. Гедеонов—„Досрочное освобождение“, проф. С. А. Котляревский—„Кризис международного права“, проф. П. И. Люблинский—„Восстановление прокуратуры“ и друг.

Содержание № 2, 1922 г.: Я. А. Канторович—„Правовые идеи в советском законодательстве“, проф. И. Б. Новицкий—„Имущественный наем“, проф. М. М. Агарков—„Юридическая природа железнодорожной перевозки“, проф. М. Д. Загряцков—„Коммунальный Банк и его роль в деле восстановления города“, проф. Б. Д. Плетнев—„Законодательство о языках в многонациональном государстве“, проф. С. А. Котляревский—„Русско-германский договор в Рапалло“, проф. Н. Н. Полянский—„Уголовный Кодекс Р. С. Ф. С. Р. и Германск. Проект Угол. Улож.“, проф. П. И. Люблинский—„Восстановление прокуратуры“, проф. М. Н. Гернет—„Народовольцы на эшафоте“, акад. А. Ф. Кони—„С. С. Манухин“ и друг.

Содержание № 3, 1922 г.: проф. И. Б. Новицкий—„Безвалютность займа“, проф. М. М. Агарков—„Юридическая природа ж. д. перевозки“, проф. Б. Д. Плетнев—„Земельн. законод. и государств. структура России“, проф. А. М. Ладыженский—„Основные тенденции новейших Западно-Европейских конституций“, проф. Н.Н. Голубев—„Новые задачи современного международного права“, проф. Н. Н. Полянский—„Уголовный Кодекс Р. С. Ф. С. Р. и Герм. Проект Угол. Улож.“, проф. П. И. Люблинский—„Международный союз криминал. за время войны и после нее“, проф. М. М. Гродзинский—„Допрос обвиняемого в новом процессуальном Кодексе“, проф. М. Н. Гернет—„Очерки тюремной психологии“.

Содержание № 1, 1923 г.: Н. П. Дмитревский—„Развитие законод. о внешней торговле“, проф. А. М. Винавер—„Ответственность продавца за недостатки проданного имущества“, проф. Г. М. Колоножников—„Основные типы иностр. кооперат. законодат.“, В. С. Малченко—„Вопросы кооперативного права“, В. И. Куфаев—„Повторные правонарушения несовершеннолетних“, И. Л. Лури—„Сокрытие коллекций и памятников старины“, А. С. Гагер—„Заметки об адвокатуре“, проф. М. Н. Гернет—„Очерки тюремной психологии“, акад. А. Ф. Кони—Юридический и бытовой характер самоубийства“. Приложение: Проект Итальянского Угол. Код. 1921 г. Перевод с итальянского проф. М. Н. Гернета.

- - МАЯ 2008

Б. Черемисин
1923 г.

„ПРАВО и ЖИЗНЬ."

КНИГА ВТОРАЯ.

1923 г.

Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ".
МОСКВА.
Пречистенка, 17. Телефон 1-63-64.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Стремясь, в целях наиболее успешного достижения задач, преследуемых Журналом (см. № 1, 1922 г., стр. 3, ст. „Наши задачи"), к всестороннему и полному освещению научных проблем, Редакция не стесняет сотрудников и членов своей коллегии в возможности высказывать на столбцах журнала „ПРАВО и ЖИЗНЬ" теоретические воззрения, которые не вполне совпадают с точкой зрения редакционной коллегии.

2500 экз. (Главлит.) Москва, № 5886. от 25/I-23 г.

Типо-Лит. „Рабочее Дело" В. Х. В. Ульяновская ул., Крутояр. пер.. д. 2.

Наше литературное наследство.

Наука права—это барометр общественной жизни. Она не стоит вне ее, но пребывает внутри нее. Разумеется, она стремится преодолеть время и окружающие условия, имеет неуклонное желание подняться на те горные высоты об'ективности, которые завещал ей,ушедший от жизни шлифовальщик стекол, Б. Спиноза; она пытается „не плакать, не смеяться, а понимать", рассматривать общественные вопросы с тем же спокойствием духа, как если бы речь шла о предметах математики, но ей до сих пор эта позиция абсолютной невозмутимости и пребывания в вечности никогда не удавалась. Под внешней оболочкой формально-логических конструкций в науке права всегда билась струя живой общественной жизни.

Вот почему трудно понять русскую науку права 1905—1917 г.г., не имея в виду той общей кон'юнктуры, на фоне которой она развивалась. И в свою очередь при наглядном воспроизведении этой кон'юнктуры ненадо забывать, что она слагается из двух, находящих одна на другую, картин: обще-мировой и туземной.

Что касается первой, то о ней уже столько писалось и говорилось, что характеристика ее стала банальным общеизвестным местом: это всяческий и всеобщий мировой тупик, жестокий кризис экономического и даже шире—культурного развития европейских стран; трагическое разложение исторически-сложившихся условий жизни, разделение общественной среды и борение ее элементов, расщемление государственного единства и развал духовных основ жизни. На фоне этой мировой картины как то сам собой подымается вулкан Европейской Войны; а вслед за ним и тот европейский хаос который имеет и сейчас место, несмотря на окончание войны.

Но, памятуя мировой фон, не надо забывать и местного колорита. Только в их взаимной связи можно уразуметь то драматическое положение проблемы права в русской теоретической юриспруденции междуреволюционного периода, который трудно иначе характеризовать, ***как множественную относительность и суб'ективность предметно-правовых воззрений и, как гнилой купол этих воззрений, принципиальный предметно-методологический плюрализм теории права.***

Если мы, в качестве контрастной картины, вспомним основные черты русской юриспруденции второй половины 19 века—юриспруденции, развившейся на почве законодательной кодификации М. М. Сперанского и реформ 60-х годов,—то ее можно характеризовать в двух словах. Это—*юриспруденция положительного права.* Цельный образ этой юриспруденции отнюдь не нарушается двумя методологическими в ней течениями: социологическим и позитивно-догматическим. Спор

между обоими течениями идет о широте научных задач юриспруденции, о целесообразности сравнительного изучения положительного права или предпочтительности догматики, о значении истории для систематики действующего права и т. п. Но все эти разногласия и споры только содействуют углубленному и всестороннему изучению положительного права. В вопросе же о том, что предметом юридического знания служит положительное право, в этом предметном вопросе юридической науки, никаких разногласий не существовало. Правда, одни полагали, что норма права есть продукт государственной власти; другие считали, что истинным творцом этих норм надо признать общество, роль же государства сводится к охране путем принуждения, выросших из общественных отношений норм. Но и это расхождение не устраняло общности предметного понимания права. Право для обеих школ мыслилось тождественно, как *положительная норма, обусловленная государственным принуждением.*

В 90-х годах и на Западе и у нас начался кризис этой государственной теории права. Этот кризис, касавшийся в начале методологической стороны науки права, в скором времени распространился и на более глубокую область критики самых предметных воззрений на право, на государство и на все основы общественно-правовой и политической идеологии [1]).

В жизни России конец 90-х годов в то же время характеризуется прибоем общественного движения, на горизонте которого уже виднеется революционный пожар 1905—1906 г.г. Перед русской общественностью встает задача конденсирования своей революционной энергии, накопления идеологических сил и энергичного обращения их против той формы государственного строя, реформа которого является насущной потребностью российской общественности. Однако, инерция слагавшегося веками русского абсолютизма громадна. Он обладает могущественными средствами идеологической и физической защиты и сопротивления. Понятно, что этой инерции должна была противостать столь же мощная сила общественного толчка, чтобы преодолеть ее и преобразовать государственный строй России. А так как всякое накопление физических сил в условиях старого режима было невозможно, то единственный путь развития революционной энергии—это путь идеологической конденсации, путь творчества ярких *революционных* лозунгов, об'единяющих массы.

Русская наука права не остается безучастной к этому общественному движению. С бодрым чувством и верой в будущее она выступает в начале 900-х годов с дружным лозунгом *возрождения естественного права.* Государственному повелению, как источнику права, она противопоставляет веление нравственного сознания личности, как формально-неизменного, но приспособляющегося к времени и месту источника нравственной, личной и общественной, жизни; государственному абсолютизму она вчиняет иск индивидуальной свободы; против голой вынужденности правового поведения она выставляет лозунг согласия поступка с совестью лица, его совершающего; гетерономной воле государства она противопоставляет автономный императив личности; на место суверенитета государственной власти она выдвигает суверенитет права, которому должно подчиниться и государство; абсолютизму последнего она противополагает высшую безусловность нравственного

[1]) Сущность этого кризиса прекрасно изложена у *П. И. Новгородцева.* „Кризис современного правосознания", М. 1909 г.; методологическая сторона того же кризиса разобрана в книге *Н. Тоцкого*: «Кризис в науке государственного права». СПБ. 1914 г.

сознания [1]). Таким образом идеологические основы положительного права неограниченного самодержавия оказались разбитыми в самых основах; трудами русских юристов они были поставлены в рамки исторической относительности и случайности, нравственно отвергнуты и унижены, а идея права была вырвана из рук государственной власти, схвачена общественным прибоем, связана с личностью каждого общественного бойца, и, что самое главное, восстановлена во всей своей широте и лучезарности.

Наряду со школой возрождения естественного права и нога в ногу с нею, в русской науке права выростала родственная ей по общественной роли и способу предметного нахождения права психологическая теория *Л. И. Петражицкого* [2]). Как и *„возрожденцы“*, он срывает с права мистически-авторитарный покров государственной гетерономности; освобождает право от „фетишизма“ позитивности; мастерски расправляется с „фантазмами“ об'ективного права, государственной воли, источника права и т. п., и переносит нас в близкий и дорогой нам мир наших внутренних переживаний, в нашу душевную жизнь. Там среди многочисленных иных импульсов человеческого поведения он находит своеобразную *эмоцию долга*, как некий эмбрион этического поведения. От этого эмбриона идут два широкие ростка—мораль и право. Нравственное переживание имеет место в том случае, если наш долг мыслится только как *наш*, как свободное самоопределение лица; правовое—если то, к чему мы считаем себя обязанными, мыслится в то же время *закрепленным* за другим „я“, как нечто ему причитающееся. Таким образом, и теория *интуитивного* права Л. И. Петражицкого и возрожденная *П. И. Новгородцевым* теория *естественного* права переносят мир подлинного бытия права в *сознание* личности. Там ее истинное седалище; и там, окрепнув и набравшись новых свежих сил, она должна обрести свой общественный смысл—могущественной революционной идеологии. Разница между обеими ветвями одного и того же правового течения заключается в том, что в то время, как Л. И. Петражицкий в интуитивном праве *видит эмпирическое* явление сознания, П. И. Новгородцев усматривает в праве некую *способность* нравственной воли, преодолевающей *то, что есть*, и устремляющейся *к тому, что должно быть*, к чистому долженствованию.

С такими воззрениями на право шла русская интеллигенция навстречу грядущих реформ. Не успело завершиться вполне движение естественного права, как, вместо желанных реформ, грянула революция. Надо признать, что формы ее проявления—огонь, прошедший по помещичьим усадьбам и материальное разрушение городов, жестокости, насилия, кровь—едва ли соответствовали тем идеальным чаяниям мирного перехода в золотой век нравственного состояния общества,

---

[1]) Идея возрождения естеств. права была обоснована, гл. образом, трудами *П. И. Новгородцева*: Нравственный идеализм в философии права. Сб. „Проблемы идеализма“, М. 1902 г.; О задачах современной фалософии права. „Право“, 1902 г. № 2; Государство и право. „Вопр. Фил. и Псих.“ 1904 г., кн. 74, 75; Из лекций по общей теории права М. 1904. См. также *Е. Н. Трубецкого, В. Н. Гессена, Н. И. Палиенко, Б. А. Кистяковского* и др. Когда печатаемый отрывок был уже давно написан, я встретил аналогичную общественную оценку революционной роли, этико-нормативной теории возрождения естественного права в статье *С. Л. Франка*: О задачах обобщающей социальной науки. „Мысль“, 1902, № 3, стр. 49.

[2]) *Л. И. Петражицкий*. „Очерки философии права“. СПБ. 1902 г. „К вопросу о возрождении естественного права и нашей программе. „Право“ 1902, № 41, 42, 43; „О мотивах человеческих поступков“. СПБ 1904 г. „Введение в изучение права и нравственности“. СПБ. 1905 г. В законченном виде теория Л. И. Петражицкого: „Теория права и государства в связи с теорией нравственности“, т. I, СПБ 1907 г., т. II, СПБ. 1908 г.

ктоорое ожидала русская интелигентская мысль. Невольно возникало сомнение в правильности обоснования права на суб'ективной форме мышления и воления. На ряду с идеально конструированным понятием нравственной личности, революционная гроза дала богатый опыт эмпирической личности с ее необузданным своеволием, разнузданностью страстей, духом разрушения и зла. Все это заставляло поставить вопрос об об'ективно должном, о необходимости на ряду с автономным нравственным определением воли также гетерономных и принудительных норм регулирования и общественного дисциплинирования индивидуальной воли. Но проблема об'ективно *должного* ставила немедленно вопрос об об'ективно *необходимом*, об их соотношении, о признании непреложных путей истории и т. п. Юридическая мысль, мало-по-малу, возвращалась от естественного права к праву положительному, от „журавлях в небе" идеальных политических стремлений к „синице в руках" существующего правопорядка, к приятию в его исторической необходимости некиих, хотя бы и несовершенных, начал об'ективно должного. Таковы были те „Вехи", которые наметила себе русская пореволюционная правовая мысль.[1])

Навстречу этому движению—этому раскаянию в собственном пособничестве революции, желанию примирения с существующим и готовности довольствоваться малым настоящим—шло и издание „Основных Законов" 1906 г. В них заключалось частичное удовлетворение, хотя бы в форме лже-конституционализма, общественных требований русской интеллигенции, абстрактное признание суб'ективных публичных прав и провозглашалось введение народно-представительного строя.

Нет ничего удивительного, что под влиянием духовной реакции и в то же время благодаря изданию Осн. Законов русская наука права, рано или поздно, должна была притти к борьбе против „падения у нас авторитета закона и права за последнее десятилетие", к утверждению того, что реформа 1906 г. „создала те формальные предпосылки, которые необходимы для того, чтобы авторитет права был незыблимо утвержден в нашей государственной, частной и общественной жизни". „Это очень медленный путь, но всякий путь права медленен, зато он и наиболее прочен"[2]).

Но раз так, то возникала проблема: как возможно примирить принципы „возрождения естественного права" с положительным правом, каким образом методологически соединить этико-нормативное направление с позитивной догматикой? Прямо вернуться к классической государственно-принудительной теории права для тех лиц, кои не оставили в ней камня на камне, было невозможно. Это было бы жестокой изменой тому, что с такой энергией и убедительностью трактовалось на протяжении нескольких лет. Собственных новых путей создано не было, а прекрасный образчик германского происхождения несколько опоздал и только в 1913 году привлек внимание русских юристов[3]).

За неимением другого выхода пришлось прибегнуть к Р. Штаммлеру[4]) и пониманию права, как нерушимой, самовластной, связыва-

[1]) Сборник „Вехи", Москва, 1909 г.; в частности статья *Б. А. Кистяковского*: В защиту права.

[2]) „Юрид. Вестник" кн. 1, 1913 г. Вступ. редакционная статья.

[3]) *H. Kelsen.* Hauptprobleme der Staatsrechtslehre, entwickelt aus der Lehre vom Rechtsatze. 1911.

[4]) Русск. перевод его книги „Хозяйство и право". Спб. 1907 г. Попытка применения понятий Марбургской школы в учении о праве сделана *В. А. Савильским* в диссертации: „Основы философии права в научном идеализме". Варшава. 1908 г.

ющей социальной воли, права формирующего общественную материю. Однако, у этого автора было слишком много элементов, роднивших его с общественными течениями дореволюционной эпохи. Кроме того, его философские предпосылки и со стороны близости их к школе Когена-Наторпа и со стороны его марксизма были чужды руководящим философским воззрениям русских юристов.

Но если не те же лица, которые выбросили лозунг возрождения естественного права, то другие—скептически к нему относившиеся и твердо стоявшие на почве позитивного права и государственной его обусловленности—могли почувствовать, что настало время и место вновь поднять испытанный в боях и окруженный ореолом традиции флаг государственно-принудительной теории права. Этот флаг, с гордым сознанием верности ему на протяжении 20 лет плодотворной научной деятельности и с окрепшей уверенностью в ложности и праздности всякого к нему сомнения и критики поднял *Г. Ф. Шершеневич*[1]).

С нарочитой резкостью, с непоколебимой верой, с полной логической неустрашимостью он последовательно проводит ту точку зрения, что „право—это функция государства и потому оно логически немыслимо без государства и до государства", „что вне государства нет права, и что действие норм права ограничивается пределами власти государства". Для него нет ни малейшего сомнения, что право „есть происшедший во времени, факт", „выраженного властвующими в определенной форме приказа" подвластным, воспринимаемого ими „посредством слуха или зрения".

Труд проф. Шершеневича встречен был снисходительно, скорее даже сочувственно[2]). Если к его научным воззрениям не присоединились руководящие группы русских юристов, то, как сказано было выше, только потому, что такая прямолинейная реставрация доктрины государственного абсолютизма в учении о праве, хотя и гармонировала с общим уклоном правосознания, тем не менее не давала легкого спуска с высот естественного права к русской правовой действительности.

Наряду, однако, с реставрацией, произведенной Г. Ф. Шершеневичем, не следует забывать и о других течениях общественной мысли и иных проблемах русской пореволюционной жизни. Подавление русской революци только у *части* общества вызвало раскаяние в прошлых грехах, стремление примириться с настоящим и на его основе развивать далее свои правовые требования. Другие общественные группы либо торжествовали по случаю возвращения в основных чертах к прошлому строю; либо, наоборот, затаили в себе муки неосуществленных желаний и ждали момента, чтобы с еще большей энергией броситься в новую борьбу [3]).

Независимо от этого отношения к революции, практика обновленного строя была такова, что не могла вызвать ни особого энтузиазма, ни даже простой, но сердечной лояльности. Если общественную атмо-

---

[1]) *Г. Ф. Шершеневич.* Общая теория права. г. Москва вып. 1—1910 г., вып. II—III—1911 г., вып. IV—1912 г,

[2]) Ср., например, рецензию в „Юрид. Вестн.", 1913 г. книга IV.

[3]) Это расположение юридической мысли по политическим лагерям лучше всего можно проследить в вопросе о сущности Осн. Законов 1906 г. и характере госуд. строя в России: см. *Н. И. Лазаревский.* „Лекции по русскому госуд. праву". СПБ. 1908 г. *М. А. Рейснер.* Идея легитимизма в действующем русском праве". Совр. Мир. 1909 г. № 12; *Н. А. Захаров.* „Система русской госуд. власти". Новочеркасск, 1912 г.; *С А Котляревский* „Юридические предпосылки русских основных законов. Москва 1912 г. *Н. И. Палиенко* „Основные законы и формы правления в России" и др.

сферу 1908—1917 г. можно уподобить сжатому в котле пару, то трудно сказать, чтобы русское правительство отличалось умением во время открыть клапаны и перевести пар в полезную работу. Наоборот, если одной рукой оно подписывало акты, углубляющие конституционные реформы, то другая в это же время готовила контр—акты, направленные к реставрации сомодержавия; если какие—либо мероприятия, казалось, глубокой бороздой вспахивали русскую государственную ниву, то методы их проявления были таковы, что вызывали всеобщее раздражение и недовольство; там где нужен был или решительный запрет, или предоставление свободы—мы встречаем нерешительность, колебание, уступки и репрессии, шаг вперед—два назад. Казалось, что русское правительство нарочито взяло подряд на раздражение масс и подготовку новых государственных бурь.

Обстановка еще более осложнилась с началом Европейской Войны. Чем больше длилась война, чем многочисленнее жертв она требовала, тем язвы русской государственности становились все обнаженнее и отвратительнее. Над русским государством с каждым месяцем и годом все сильнее и сильнее звучал вопрос: быть или не быть?

Нет ничего удивительного, что при таких общественных условиях реставрация государственно—принудительной теории права не могла увенчаться значительным успехом. Предполагаемое ею признание безусловного авторитета государственной власти не встречало общественного отзвука, вследствие чего и общественно—правовой смысл труда проф. Шершеневича остался непонятым и безответным. И труд его, будучи поставлен в год войны на книжную полку, невидимому только теперь из'емлется оттуда, но уже другими руками и уже другие головы вкладывают в него *формально* все тот же, но по содержанию иной смысл.

Общественная обстановка была такова, что вновь назревала почва для возрождения естественного права и его революционизирующей роли; но для этого не было ни достаточной бодрости, ни веры в свои силы. Вместе с тем итти нога в ногу с правительством; не за страх, а за совесть исповедывать принцип государственной обусловленности права и нравственной беспрекословности его—значило, в ближайших перспективах русской истории, способствовать дальнейшему разложению власти и итти на ту же государственную Голгофу. Nec sine te, nec tecum vivere possum—такова была трагедия русского гражданина, а тем более мыслящего юриста к кануну второй революции.

Неудивительно, поэтому, что страшный тупик общественного бытия положил свою резкую печать и на философско—правовые построения и способы разумения и обоснования права. Элементы философского отчаяния и желание вообще вырвать идею права из реальной жизни, перенести ее в мир чистой логики и интерпретировать в этом идеальном ряду,—„вполне отвлечься от всякой временности и действительности“ и не видеть в праве „чего—либо реального ни в каком отношении“[1])—эти теоретико—правовые настроения, возникшие еще в начале 20-х годов, к концу их значительно усилились. Право шаг за шагом в его постижении отрывалось и от нравственного сознания лица, и от гетерономной личности государственной воли, и от социальной среды, и превращалось все более и более в пустую и бессодержательную „форму мышления“, без всякой мысли, в „логическую кате-

---

[1]) *И. А. Ильин.* „Понятие права и силы“. „Вопр. Фил. и Псих.“ кн. 101.

горию", неизвестно как, в ком и для чего существующую[1]). Если даже право не трактовалось более как голая формальная способность нашего разума, то, во всяком случае, оно все же из мира реальной общественности переносилось в мир идей и понятий[2]), в мир только суб'ективных и социально—психических переживаний, и уже оттуда спускалось к практической деятельности и, порою по неведомым причинам, вдруг остановилось коварным и изменчивым регулятором социального поведения. В этих философски—правовых течениях, в этом желании уйти из мира практической деятельности, замкнуться в себе и остаться наедине с собой нельзя не усмотреть аспекта общественного тупика в жизни России.

Таковы, в самом беглом и сжатом обзоре, судьбы русской юридической мысли за истекшие 20 лет. Если мы теперь на мгновение остановимся в потоке трансформаций правовных идей за истекший период и попробуем на основе всего сказанного задаться элементарным вопросом: что же такое право и какова его сущность?—то нам невольно придется присоединиться к тем характеристикам русского правоведения, которые давались ему с 1910 по 1915 г. неизменно чутким Б. А. Кистяковским: „ни в одной иной области духовной культуры мы не находим такого отрицания ее об'ективных или реальных элементов, как в области права"[3]), „теперь стало уже общим местом, что юриспруденция переживает кризис"[4]), „ни в какой другой науке нет столько противоречащих друг другу теорий, как в науке права... Спор между теоретиками права возникает уже в начале научного познания права: даже более того, именно по поводу исходного вопроса—*к какой области явлений принадлежит право*—начинается непримиримое разделение направлений и школ в интересующей нас науке"[5]).

Действительно, русская наука права, сбитая с твердого фундамента ее основ, заложенных Лабандом и Иерингом, вовлеченная в водоворот общественных течений и настроений, гонимая революционными приливами и реакционными отливами с места на место,—пришла в странное состояние хаотического разногласия мнений без капли знания. Как это ни покажется невероятным любителю здравого смысла, и как ни парадоксально это звучит для всякого стороннего юриспруденции лица, но, однажды остановившийся и оглянувшийся назад русский юрист, который попытался бы подняться выше уровня взаимной критики и пожелал бы составить себе точное представление о праве и науке ее изучающей, пришел бы к странному, заключению:

---

[1]) Эти элементы „логизма" обнаруживаются у *Д. Н Хлебникова.* „Введение в общее учение о праве" Екатеринодар, 1919 г.; особенно сильны у *Э. Э. Понтовича* „Философия права". Кинешма 1920 г.

[2]) Это сказывается у *К. А. Кузнецова*, „Теория права", В. I Одесса 1918 г.; *Е. В. Спекторский* „Пособие к лекциям по энциклопедии права". Киев 1917 г., идет еще далее. Он самую науку права желает превратить в „гносеологию юриспруденции": „вместо принятого руководства к познанию законов, кафедра энциклопедии права должна давать, так сказать, руководство к познанию познания законов". (стр 11). Социально—психологическому пониманию права отдал дань *И. А. Покровский.* Основные проблемы гражданского права П г. 1917 г. стр. 32: право, это некоторая (?) социально—психологическая сила, регулирующая поведение людей; оно есть некоторое (?) состояние общественного сознания и общественной воли, заключающее в себе психическое принуждение индивида к известному действию".

[3]) „О реальности об'ективного права". „Логос" кн. II. 1910 г.

[4]) „Кризис в юриспруденции и диллетантизм в философии"—„Юрид. Вестник" 1914 г. кн. У (I).

[5]) „Методологическая природа науки о праве",—вместо предисловия к книге *Радбруха.* Введение в науку права. Москва, 1915 г.

юриспруденция оказалась prudentia sine iuris, ибо ius куда-то безнадежно потерялся. У каждого теоретика было свое ius и он решительно уверял, что это и есть оригинал; но все остальные убежденно отрицали его подлинность и со своей стороны претендовали на то, чтобы их копия была признана оригиналом.

Трагедия науки права начиналась еще глубже, чем указывал Б. А. Кистяковский: споры и разногласия начинались даже не с вопроса о той области *явлений*, к которой принадлежит право, а гораздо раньше: есть ли вообще ***право явление***, как об'ект нашего познания, или же право не что иное, как ***способность*** разума познающего суб'екта об'единять своеобразным путем данные познавательного опыта. Одни представители правоведения стали именно на последнюю точку зрения и утверждали, что наука о праве есть ***беспредметная наука***, формальная способность нашего мышления, логическая категория.

Другие—не отрицали реальности права, но в вопросе о характере се радикально расходились друг с другом, утверждая, что право есть: либо ***явление нашей психики***, либо ***социально-психологическое*** явление, либо ***социальный факт***, либо ***функция воли*** метафизической личности ***государства*** и т. п. Но и в этих широких областях реального и идаального мира наука права не находила опорной точки, а продолжала блуждать в поисках своего предмета. Так, например, те авторы, которые готовы были согласиться, что право, как реальность дано в нашем сознании, в дальнейшем резко расходились друг с другом, утверждая, с одной стороны, что право есть *эмоциональное* переживание, с другой—что право есть *идея*, интеллектуальный факт нашего сознания; с третьей—что право есть *воля, способность* воли и т. п. Иными словами, если в первом случае правоведение оказывалось беспредметной наукой в силу того, что право рассматривалось, как формальная способность познающего суб'екта, то во втором случае правоведение становилось столь же ***беспредметным*** по той причине, что об'ект его одновременно находился всюду вообще и нигде в частности.

Совершенно, вместе с тем, очевидно, что в зависимости от того или иного решения предметной проблемы права и самые способы его познания, методология права, должна строиться различным образом. Если, например, право есть ***психологическое явление***, то очевидно, что его методология целиком определяется методологией психологии. Тогда для его познания необходим в первую очередь метод самонаблюдения, метод аналогии при наблюдении внешних проявлений жизни сознания других лиц, экспериментально-психологические методы, методы сравнительной психологии, эволюционной психологии, биопсихологии[1]) и т. п. Если ученому исследовтелю угодно будет отказаться от этих научных способов „суб'ективной" психологии и поискать вместе с В. М. Бехтеревым[2]) методов „об'ективной психологии", то ничто не помешает ему создать по примеру „индивидуальной" и „коллективной рефлексологии", также и „рефлексологию права".

Если мы признаем, что право есть по преимуществу *социальное* явление, то в таком случае у теоретика права в руках окажутся

---

[1]) См. даже любопытную попытку приложения метода психоанализа *З. Фрейда* к наукам о духе: D-r O. Rank und d-r H Sachs. Значение психо-анализа в науках о духе. Пер. д-ра Кобылинской. СПБ, год не указан (1914). Очерк VI посвящен „философии, этике и праву".

[2]) *В. М. Бехтерев.* „Об'ективная психология," во 2 изд. „Общие основания рефлексологии" II г. 1918 г. *Его же*" Коллективная рефлексология II г. 1921 г.

широкие возможности одной из многочисленных школ в социологии и, следовательно, методы его будут определяться этой последней; т. е. он может применить к изучению права исторический, сравнительно—исторический, генетический, диалектический, социально-психологический, органологической и т. п. методы.

Если, наконец, мы признаем в нем, как непосредственную данность, *норму*, то, в зависимости от философской школы и широты поставленных целей, мы можем либо ограничиться догматикой позитивного права, т. е. его критикой, толкованием, систематизацией, аналогией и формально-логической конструкцией; либо же уйти в беспредельную область чистого потока долженствования, искать его истоков у чистого духа, в социальном волении, в практических требованиях нашего нравственного „я“ и т. п.; или, наконец, отказаться от поисков этого источника и, ориентировавшись на логику и гносеологию, заняться рассмотрением не того, *кто, к чему*, и по какому *основанию* должен, а *как* он должен, каковы формальные особенности долженствования, суждений о должном и т. п.

Какой же выход из создавшегося, *совершенно недопустимого* с научной точки зрения, положения? Если каждое мнение выражает какую-то часть истины, и как-то относится к предмету правового знания, то из этого следует возможность двух неравноценных путей: путь философского бессилия и научной слабости—это путь релятивизма, прагматизма, и плюрализма; или же путь могучего взлета обобщающей мысли, творческого преодоления „точек зрения“, глубокого проникновения в предмет знания и достижения адекватности познавательного опыта с познающим умом.

Второй путь не дается в эпохи общественных кризисов и духовной анархии. В эти эпохи в той или иной форме родятся эклектические построения, нелогическое соединение явных противоречий и поверхностное их примирение.

Для этого пути русскому обществу готова была дать образец для подражания западная мысль в виде философии *У. Джемса*, который в междуреволюционное десятилетие столь усиленно переводится и изучается. Его философия как-бы воспроизводила горькую иронию сатаны в „Дон-Жуане“:

Что всем системам без из‘ятия
Есть в беспредельности простор,
И что куда мы наш не кинем взор
Мы, метя в круг неизмеримый,
Никак попасть не можем мимо.
В той области, где центра нет,
Где центром служит каждый пункт случайный...
Там все воззрения возможны,
Все равно верны, иль равно ложны.

(А. Толстой.)

На этот *ложный* путь принципиального предметного и методологического релятивизма и плюрализма одновременно, но исходя из разной философской подготовки, вступили два теоретика права *Б. А. Кистяковский*[1]) и *А. С. Ященко*[2]), оба проникнутые одним и тем же жела-

---

[1]) „О реальности об‘ективного права“. См. также другие очерки и статьи собранные в книге: „Социальные науки и право“, Москва 1916 г.

[2]) Синтетическая точка зрения в юридических теориях. „Журн. Мин. Юст“. янв. 1912 г., Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства Юрьев, 1912 г.

нием синтетического обобщения многообразия правового опыта. И для того и для другого основной грех теории права заключается в том, что каждая „точка зрения", познавая только одну сторону предмета и вследствии этого являясь ограниченной, в то же время претендует на всеобщность ее положений. Оба они отвергают всякое одностороннее абсолютизирование и ищут способов всестороннего рассмотрения предмета юридического знания. Но один ищет примиряющие начало в идее равновесия, следуя философии Вл. С. Соловьева; другой—пытается построить науку права по аналогии с точным естественно-научным знанием.

Эту аналогию Б. А. Кистяковский усматривает в следующем. Как строится естественно-научное понятие *воды*: „Физика создает свое понятие воды, как жидкости, подчиняющейся известным физическим законам, т. е. имеющий определенный вес, кипящей и замерзающей при известной температуре, и т. д.; химия оперирует другим понятием воды, как тела состоящего из двух химических элементов, постоянно находящихся в определенном отношении; география имеет в виду понятие воды, как площади океана, морей и рек, покрывающей две трети поверхности земного шара", и пр. Отсюда автор умозаключает по аналогии, что точно также и „право есть и государственно-организационное,и социальное, и психическое, и нормативное явление"; и что, следовательно, науку о праве „следует ориентировать во всей совокупности гуманитарных наук".

По поводу этой аналогии, следует все же признать, что она более обманчива, чем заманчива. Для аналогии здесь нет места по той простой причине, что естественные науки, изучая воду, делают это в различных научных рядах, но по собственному признанию Б. А. Кистяковского имеют в виду *„одно и то же* явление природы". Между тем, это *тождество* об'екта знания совершенно теряется, если мы будем последовательно мыслить право то как явление нашего *сознания*, то как реальность *социальной* среды, то как нормативное суждение или *форму мышления*, то как *государственно-организационную силу*. О тождественности об'екта познания не может быть в этом случае и речи, и можно опасаться, что аналогия Б. А. Кистяковского построена на нарушении основного логического закона—закона противоречия[1]).

Заканчивая беглый обзор нашего литературного наследства, мы должны признать, что релятивизм и плюрализм, хотя и заслуживают уважения как попытки преодоления хаотического тупика в науке права и систематического построения теории права,—тем не менее в силу своих научных и логических дефектов не могут быть приемлемы. В общей кон'юнктуре современности это течение в науке права может быть трактуемо только, как форма упадочной философии и бесплодный путь научного бессилия.

Тем не менее, как ни безотрадно рисуется нам положение русской юриспруденции за истекший период, как ни бьют в глаза ее отрицательные стороны,—мы не можем не признать, что ею проделана громадная критическая работа, ее теоретическая мысль, хотя и вовлекалась в изменчивые потоки общественно-политических течений, ни на минуту не теряла стремления глубже и глубже проникать в об'ект знания, накоплять опыт, ставить проблемы, намечать пути новых творческих постижений. Таким образом, эта критическая работа

---

[1]) Кроме Б. А. Кистяковского и А. С. Ященко плюралистическую точку зрения положил в основу своего труда и *Ф. В. Тарановский*. „Учебник Энциклопедии права„ Юрьев 1917 г.

облегчает новому поколению русских теоретиков права возможность более углубленного изучения их предмета знания, творческой переработки накопленного богатого опыта и гармонического построения новых контуров юридического знания.

И было бы величайшей несправедливостью, если бы мы, идя с бодрым чувством навстречу нашим потомкам, не признали, что этот творческой путь слабыми вехами намечен уже в рассмотренном прошлом. В другой раз мы увидим его контуры в тех же трудах Б. А. Кистяковского, К. А. Кузнецова и особенно у Н. Н. Алексеева[1]), которого мы по этой причине и не включили в обзор нашего наследства.

Н. М. Тоцкий.

Коллективный договор, как юридический институт.

Социально—экономические основы коллективного договора.

I.

Коллективный или, иначе называемый, тарифный договор обозначает соглашение между группой рабочих или профессиональным рабочим союзом, с одной стороны, и отдельным работодателем или союзом работодателей, с другой стороны, относительно содержания рабочих договоров, которые имеют быть в будущем заключены между этими работодателями и отдельными членами этой группы или этого союза рабочих. Отличительными признаками коллективного договора служит, во первых, то, что на одной стороне, именно, на стороне рабочих должен быть ***коллектив*** и, во вторых, то, что он должен иметь своим предметом определение условий ***труда***.

В коллективном договоре имеются две стороны: социальная и юридическая. Соответственно этому, его можно рассматривать или как социально-экономическое явление, или как юридический институт.

На социальной стороне я остановлюсь только вскользь, в общих чертах, лишь постольку, поскольку выяснение экономической основы этого вида рабочего договора и его социального значения может дать материал для уяснения юридической природы его и осветить сущность пред'явленных к нему правовых требований. Ибо задача права, как говорит Эндеман,—„извлечь из экономических фактов и понятий главные основания для нормировки правооборота („Verkehrsrecht“). Поэтому право, оперируя социально-экономическими явлениями, должно исходить из отчетливого понимания сущности этих явлений. Коллективный договор представляет один из видов регламентации отношений между рабочими и работодателями, определяя условия труда в области промышленности. Регламентация этих отношений исторически прошла чрез следующие фазисы.

При существовании рабства и затем крепостного права отношения между рабочими и работодателями определялись в публично-правовом порядке, т. е. государственною властью, которая устанавливала условия подчинения раба или крепостного и господства собственника или господина. Таким образом, эти отношения всецело лежали в области административного права.

---

[1]) *Н. Н. Алексеев.* „Введение в изучение права“ Москва, 1918 г., *он же*: „Общее учение о праве“. Симферополь 1919 г.

В следующий период—в эпоху неразвитого хозяйства и ремесленного строя производства эти отношения регламентируются отчасти свободным соглашением сторон, т. е. хозяев—мастеров и рабочих—подмастериев, между которыми в патриархальной обстановке замкнутого домашнего хозяйства еще не было резкого разграничения интересов и классового антагонизма, отчасти цеховыми правилами или регламентами, которые издавались магистратом или другими общественными учреждениями и которые имели в виду регламентировать условия труда и улаживать возникшие на этой почве споры между мастерами и подмастериями.

После падения феодального строя, с развитием промышленной жизни и с восторжествованием индивидуалистического принципа свободы в области хозяйственных отношений, условия рабочего договора определяются исключительно свободным соглашением сторон, вступающих в договор при полном невмешательстве государства в отношения между трудом и капиталом. Эти отношения всецело предоставляются действию свободной игры экономических сил на основе конкуренции, спроса и предложения и т. д. (принцип laissez faire, laissez passez), с устранением всех старых форм связанностей, которые цеховое право и другие виды публичной регламентации труда сообщали этим отношениям[1]). Такимо бразом, определение условий труда по договору личного найма из области административного права переходит всецело в область гражданского права, в котором общий принцип договоров требует свободного волеиз'явления сторон—принцип, который неукоснительно проводится во всех гражданских кодексах.

Критика капиталистического строя, выдвинутая учениями социализма, достаточно выяснила—и теперь это уже стало общеизвестной истиной—что свобода договора между рабочими и предпринимателями—фикция, что контрагенты этого договора, юридически равноправные, фактически неравносильны, благодаря закону спроса и предложения и многим условиям капиталистического производства, вследствие чего одна сторона—предприниматель—находится при заключении договора в таком выгодном экономическом положении, что может диктовать условия договора другой стороне—рабочему, а этот последний, под угрозой голодной смерти, принужден подчиняться воле работодателя. Таким образом, содержание рабочего договора фактически определяется не свободным волеиз'явлением сторон, вступающих в соглашение, а исключительно волею предпринимателя.

Эта критика, в связи с усиливавшимся во всех странах рабочим движением на почве борьбы труда с капиталом и под влиянием угрожающих симптомов грядущей катастрофы, выдвинула тенденцию вмешательства государства в эту борьбу с целью, путем регулирования

---

[1]) Принцип невмешательства государства в хозяйственную жизнь страны и, в частности, в область, рабочего договора составлял краеугольный камень политики первой четверти XIX в. Между прочим, он был выражен в докладе особой комиссии, представленном английскому парламенту в 1811 г. и направленном против регулирования условий найма. В этом докладе указывалось, что „всякое вмешательство законодательства в свободу промышленности или полную свободу всякой личности распоряжаться своим временем и трудом таким образом и на таких условиях, какие она найдет наиболее для себя полезными, является нарушением основных принципов, существенно важных для благосостояния и счастия общества; подобное вмешательство устанавливает в высшей степени опасный прецедент, спустя очень короткое время усилит общее бедствие и поставит препятствие тому, чтобы когда-либо это бедствие могло быть устранено," С. и Б. Вебб—„История рабочего движения в Англии" 1899 г.

условий труда, улучшить положение рабочих и тем ослабить источник антагонизма между трудом и капиталом. Это вмешательство выразилось в политике так называемого рабочего законодательства, получившего в последнюю четверть XIX ст. во всех странах большое развитие и заключающего в себе нормы, направленные к охране рабочих от чрезмерных односторонних требований предпринимателя.

Постановления рабочего законодательства относятся, главным образом, к области фабрично-заводского труда и касаются продолжительности рабочего дня, охраны женского и детского труда, способов и сроков оплаты заработной платы, санитарного состояния мастерских, мер предупреждения несчастных случаев, страхования рабочих на случай болезни и т. д. Дополнением к нормам рабочего законодательства служат издаваемые хозяевами предприятий правила внутреннего распорядка, юридическое значение которых заключается в том, что они издаются в исполнение требований закона или фабричной инспекции, действующей на основании закона, не могут противоречить нормам рабочего законодательства, и, следовательно, входят в состав содержания рабочего договора, имея, таким образом, такой же публично-правовой характер, как сами нормы рабочего законодательства.

Рабочее законадательство имеется в настоящее время во всех странах, различаясь по об'ему и содержанию в зависимости от политических и экономических условий данной страны[1]). Оно имеется и в России—раньше в виде узаконений нашего промышленного устава, которые определяли условия труда на фабриках и заводах и входили в так называемые рассчетные книжки, выдаваемые каждому рабочему при поступлении на службу, и ныне—в виде Кодекса Труда Р. С. Ф. С. Р., содержащего в себе нормы по охране труда.

Все эти законодательные меры ограничивают свободу сторон при заключении договора: условия договора не могут противоречить закону под страхом недействительности договора и даже уголовной ответственности за нарушение интересов рабочих. Таким образом, современная государственная власть обнаруживает попытки принудительными мерами проникнуть в область частно—правовых отношений—попытки, раньше считавшие недопустимым нарушением принципа свободы конкуренции, и признает необходимым заменить прежде существовавший автократический строй промышленности с неограниченной волей предпринимателя в области найма фабричных рабочих—законодательным регулированием условий фабричного труда *„конституционной фабрикой“*, по выражению известных исследователей трэд-юнионизма супругов Вебб.

---

[1]) В конце прошлого столетия возникли попытки поставить вопрос о законодательной охране труда на почву международных соглашений с целью способствовать распространению и осуществлению идеи защиты труда во всех промышленных странах и выработке однообразных и общеобязательных для всех государств важнейших мероприятий в области рабочего законодательства. Для этой цели в 1900 г. была создана „Международная ассоциация для законодательной охраны труда“ („Association internationale pour la protection legale des travailleurs“), задачи которой заключаются в собирании и изучении материалов по охране труда в различных странах, выработке проектов по отдельным вопросам рабочего законодательства, созыве международных конгрессов, издании периодических сборников законодательных материалов и т. д. Ныне, на основании Версальского договора, предусматривающего в ряде статей международную защиту труда, при Лиге Наций учреждена международная организация по охране труда, состоящая из трех органов: Генеральной Конференции, Бюро Труда и Административного Совета. Эта организация в течение трехлетнего существования своего имела три конференции: Вашингтонскую в 1919 г. и Женевские в 1920 и 1921 г., выработавшие законы о 8 часовом рабочем дне, об охране женского и детского труда, о ночной работе и др.

II.

Все эти меры рабочего законодательства, однако, не могут удовлетворить рабочих, потому что, несмотря на многие улучшения, которые они внесли в их положение, рабочий договор всетаки является в значительной степени договором односторонним, т. е. с преобладающим волеиз'явлением предпринимателя. Кроме того, законодательные нормы, издаваемые для целой страны и на более или менее продолжительное время, вследствие свойственной им неподвижности, не могут обнимать особенность отдельных местностей и детали отдельных отраслей промышленности и не могут поспевать за изменяющимися в разные периоды условиями экономической жизни.

Более успешным средством достижения рабочими своих экономических целей является такое положение вещей, которое делает возможным в каждом данном случае заключение договора при действительном равенстве сторон, т. е. при возможности для рабочих оказывать влияние на содержание договора путем принуждения предпринимателя подчиниться их волеиз'явлению. А это возможно при замене индивидуального договора коллективным договором, т. е. когда в договорные отношения вступает с сильным предпринимателем не отдельный рабочий, слабый в своем одиночестве и экономической беспомощности и всегда находящийся под гнетом угрожающей ему безработицы и голодной смерти, а за него от его имени и в его интересах выступает целая организация — союз рабочих, сильный своею сплоченностью, организованностью и профессиональною солидарностью своих членов, а главное, такими, имеющимися в его распоряжении *коллективными* средствами, как стачка, которые могут заставить предпринимателя считаться с требованиями рабочих и делать им уступки. Между прочим, весьма существенным условием воздействия на предпринимателя является оказываемое союзом безработному рабочему вспомоществование, которое облегчает ему возможность не принимать работы на таких условиях, которые идут во вред общим интересам рабочих, благодаря чему ослабляется выгодное положение работодателя при найме рабочей силы.

Таким образом, коллективная форма заключения рабочего договора, если применить аналогию со сделкой купли—продажи, является как бы своего рода трестированием рабочего промысла: вместо единоличного продавца своего товара—рабочей силы, одинокого, конкурирующего с другими такими же продавцами и принужденного предлагать этот товар по сходной для покупщика цене, выступает организованная группа, коллектив, предлагающая покупщику нужный ему товар не по цене, определяемой усмотрением хозяина предприятия, а по цене, определяемой потребностями нормальной жизни для рабочего—того уровня жизни (Standard of liefe), который требуется справедливым отношением к человеческим правам рабочего. Этими предпосылками об'ясняются и определяются экономические основания и цели коллективных соглашений. Разумеется, возможность заключения коллективных соглашений может наступить только тогда, когда развитие рабочего движения в данной стране привело к созданию сильных профессиональных союзов или других рабочих организаций, на которые система коллективных договоров опирается и без которых эта система не может получить реального осуществления на практике. Можно сказать, что история коллективных договоров тесно связана с историею развития профессиональных организаций, а эта последняя с историею развития рабочего движения. Система коллективных соглашений есть

одна из форм деятельности профессиональных рабочих организаций, один из методов борьбы рабочих за улучшение условий труда.

Фактически развитие коллективных договоров в промышленной жизни шло в следующем порядке. Первоначальной причиной их возникновения явились массовые конфликты между рабочими и предпринимателями, выражавшиеся в стачках или локаутах. Побеждает ли та или другая сторона—в обоих случаях эти конфликты причиняют неисчислимый вред и предпринимателям и рабочим, истощая обе борющиеся стороны, прерывая нормальное течение производства и распределения и тем вредно отражаясь на всей экономической жизни страны, увеличивая дороговизну и отягчая потребителя, а все вместе создает затруднения и неудобства также для правительственной власти. Поэтому обе стороны, часто под влиянием общественного мнения, а иногда под давлением правительства, склонялись, для прекращения этих конфликтов и для устранения их на будущее время, к мирному разрешению их на почве каких—либо компромиссных соглашений между представителями той и другой стороны.

Затем, такие мирные соглашения получают постепенно признание, как нормальное целесообразное средство, могущее обеспечить интересы обеих сторон—предпринимателя от стачек и насильственных столкновений, нарушающих правильное течение промышленной жизни, и рабочих от тяжелых жертв, материальных и моральных, с которыми связаны всякие массовые конфликты между трудом и капиталом во время стачек или локаутов. Таким образом, система коллективных соглашений постепенно становится обычным социальным явлением, обычною формою рабочего договора, которая, хотя не имеет санкций в законе—ибо не подходит под установленные в законе типы договорных отношений и также не во всем покрывается принудительными нормами рабочего законодательства,—но получает значение социального факта, порождающего определенные взаимоотношения юридического характера. По свидетельству исследователей английского трэд' юнионизма супругов Вебб, коллективные соглашения в Англии в большинстве случаев „становятся фактически *обычаем* промысла", а в некоторых отраслях промышленности, напр., строительной, получили настолько полное признание, что суды графства рассматривают обыкновенно коллективные соглашения, заключенные в данном округе, как подразумеваемую часть договоров о личном найме, в случаях, когда по спорным пунктам не имеется особых соглашений. Также в Германии, как отмечается в докладах фабричных инспекторов, во многих предприятиях принято включать условия заключенного в данном округе коллективного договора в правила внутреннего распорядка, и, таким образом, им придается правовая сила, распространяющая их действие не только на круг тех рабочих, с которыми был заключен непосредственно коллективный договор, но и на всех тех рабочих, которые поступили после заключения договора или работают в предприятиях, вовсе не заключавших коллективного договора. Как увидим ниже, такое публично—правовое значение коллективных договоров санкционировано недавно изданным в Германии законом, в силу которого допускается признание судом общеобязательности коллективного договора, заключенного одним предприятием, для всех других предприятий данной отрасли промышленности в данном округе. Вообще, в многих странах суды не отказываются принимать к своему рассмотрению споры между сторонами, возникающие на почве толкования и исполнения этих договоров, несмотря на неопределенность их юридической природы и на отсутствие в них необходимых процессуаль-

ных элементов, и находят возможным, при разрешении этих споров, трактовать коллективные соглашения, как легальный источник прав и обязанностей. В Англии и Соед. Штатах кол. договоры вовсе не пользуются правовой охраной, а между тем в этих странах наиболее строго и добросовестно соблюдаются условия кол. соглашений. В таком виде чисто фактически сложившихся правоотношений, не имеющих под собою легальной основы, коллективные договоры возникают и существуют во всех промышленных странах, исполняя свои социальные функции в экономической жизни, без помощи законодательных определений, а лишь в силу факта их экономической необходимости и целесообразности. Еллинек видит в коллективных договорах пример зарождения в современном государстве новых форм участия общественных сил в законодательстве. Эти соглашения, говорит он, формально имеют своим источником волю сторон, но ими на самом деле создаются новые правовые нормы, действующие—если не юридически, то фактически—для известного круга отношений, подобно закону, хотя они и не созданы нормальным законом.

Дюги в „Les transformations du droit privé 1911 г.“ называет коллективные договоры „соглашениями—законами“. Не выражают ли, спрашивает он, эти два слова двух понятий, исключающих одно другое? Не является ли закон приказом, исходящим от верховной власти и обязывающим, как таковой, всех подданных? Он некогда являлся приказом, но теперь он уже не является таковым или во всяком случае не исключительно таковым. В современном публичном праве совершается в настоящее время преобразование, аналогичное преобразованию гражданского права. Подобно тому, как исчезает автономия индивида, исчезает и суверенитет государства. Подобно тому, как исчезает суб'ективное право индивида в той его форме, которая вызывала наибольшие нападки, в форме Dominium, точно так же исчезает и суб'ективное право государства, его imperium. И следовательно, ничто не препятствует более тому, чтобы некоторые законы представляли собою норму, установленную посредством соглашения, состоявшегося между двумя специальными группами и санкционированного фактической силою управляющих.

Коллективный договор, по мнению Дюги, составляет юридическую категорию, совершенно новую и совершенно чуждую традиционным рамкам гражданского права. Это—соглашение—закон, регулирующее отношения между двумя социальными классами. Это не договор, из которого возникают специальные обязательства, конкретные и временные, между двумя суб'ектами права. Это закон, устанавливающий постоянные и длительные отношения между двумя социальными группами, устанавливающий законный порядок, согласно которому должны будут заключаться индивидуальные договоры между членами этих групп.

Эта точка зрения Дюги нашла себе конкретное выражение в новейших законопроектах и законодательных актах о коллективных договорах.

С социальной точки зрения система коллективных договоров приобретает особое значение. Устанавливаемая ею новая коллективистическая форма договорных взаимоотношений между предпринимателями и рабочими вносит значительное изменение в индивидуалистический принцип, на котором зиждется договор найма рабочего труда в капиталистическом хозяйственном строе, и, означая переход от единоличного автономного господства капитала к коллективному участию всех производственных элементов в промышленных предприятиях, является в некоторой степени предвестницей грядущей коллективизации всей хозяйственной жизни. . .

III.

Коллективные договоры по суб'ектам их и вместе с тем по пространству действия их могут быть разных типов—в зависимости от развития в данной стране рабочих организаций, с одной стороны, и организованных союзов предпринимателей, с другой стороны. Наименее развитой формой являются договоры, заключаемые между единичным предпринимателем и рабочей организациею или группой рабочих, занятых в данный момент в данном определенном предприятии. Такие договоры, именуемые *фирменными*, обычны в странах с слабо развитой промышленностью, где по этой причине и также по другим причинам общественно—политического характера отсутствуют благоприятные условия для развития профессионального движения. Такой тип договоров преобладает в России.

Другой тип договоров—это договоры, заключаемые между рабочей организациею, обнимающей все предприятия одной и той же отрасли промышленности в данном городе или в данном округе и группой или союзом предпринимателей в этой отрасли промышленности. Этого типа договоры, именуемые *местными*, распространены в Германии, Австрии, отчасти Франции и Бельгии.

Наконец, третий тип договоров, именуемых *генеральными* или *национальными*,—это договоры, заключаемые между рабочими организациями, обнимающими однородные предприятия определенной отрасли промышленности целой страны, и организованным союзом предпринимателей в этой отрасли во всей стране. Этот тип договоров распространен в Англии и Американских Соедин. Штатах, где заключение таких договоров является возможным благодаря тому, что там действуют мощные централизованные трэд'юнионы с одной стороны и централизованные союзы предпринимателей с другой стороны.

Главное и наиболее существенное условие, устанавливаемое в коллективных (тарифных) договорах,—это минимум заработной платы. Но заработная плата не может быть определена по единообразной расценке труда и фиксирована в однообразном размере, одинаковая для различных местностей, для разных мастерских в одном и том же предприятии,—при разных условиях работы, при разных способах исчисления работы (сдельной или суточной), в разное время года или разные сезоны и при разных других условиях, между прочим также в зависимости от изменений в технике производства.

Поэтому при установлении в кол. договоре общих норм заработной платы (так называемого тарифа), приходится детализировать ее путем разделения рабочих на группы, соответственно характеру работы их в предприятии, а если договор обнимает несколько городов или округов, то также путем разделения на районы в зависимости от местных условий данного города или округа, от обычной стоимости местной жизни и т. д. Все это требует сложных исчислений при установлении тарифных условий. Вместе с тем, вследствие большой сложности этих условий, применение на практике кол. договоров очень часто связано со спорами между сторонами на почве различного понимания и толкования их содержания, и разрешение таких споров представляет часто не мало затруднений. Таким образом, как для установления тарифных условий в кол. договорах, так и для проведения их на практике требуется весьма большая и сложная техническая работа-именно, для тщательного деталирования норм, определяющих размеры оплаты труда в зависимости от всех указанных обстоятельств, и затем для разрешения возникающих конфликтов на почве применения этих норм в каждом конкретном случае.

Известные исследователи английских трэд'юнионов супруги С. и В. Вебб дают подробное описание механизма кол. соглашений в Ланкаширской хлопчато-бумажной промышленности, являющегося наиболее совершенным и вызывающего по словам С. и В. Вебб, „изумление экономистов всего мира". Коллективный договор вырабатывается особой конференциею из представителей организации предпринимателей и соединенной ассоциации бумаго-прядильников, как представителей всех окружных трэд'юнионов. Работа этой конференции очень сложна и производится с большой тщательностью, хотя ее задачи сводятся только к определению величины заработной платы и длины рабочего дня. Для проведения же и применения кол. соглашения существует ряд инстанций, компетенция которых определяется сложностью случая, который необходимо разрешить. Первою инстанциею разрешения спорных вопросов являются секретари организаций: секретарь рабочего союза и секретарь ассоциации фабрикантов. Дел, разрешаемых этою инстанцией, довольно много и они таковы, что требуют большого знания в технике производства. Так напр., недельный заработок бумаго-прядильщика, установленный общим соглашением, при сдельной оплате труда зависит от многих причин: от номера мюли, от числа веретен, от быстроты хода машины, и для того, чтобы установить размер сдельной платы так, чтобы заработок среднего рабочего был не ниже установленной соглашением нормы, нужно быть экспертом-специалистом, знающим до тонкости технику производства. Секретари как предпринимательских, так и рабочих организаций должны вполне удовлетворять этим требованиям. Поэтому кандидаты на должность секретаря подвергаются строгому конкурсному испытанию и выдержать такой экзамен очень нелегко, так как для этого требуется большая подготовка.

Громадное большинство дел, особенно мелких, разрешается в этой инстанции окончательно. Если же решением секретарей недовольна какая нибудь сторона, дело передается во вторую инстанцию, в Соединенный Комитет, состоящий из равного числа представителей местной ассоциации предпринимателей и местного же рабочего союза. В эту инстанцию попадает значительно меньше дел, притом обыкновенно более принципиальных и сложных. Наконец, третьей и самою высшей инстанциею, куда попадают дела наиболее общего и принципиального характера, является Соединенный Комитет Федерации, заседающий в Манчестре и состоящий из четырех представителей Федерации фабрикантов и ее секретаря и стольких же представителей Соединенного Союза рабочих с его генеральным секретарем. В этом комитете заседают таким образом высшие руководители предпринимательской организации и наиболее авторитетные вожди рабочих[1]).

Такой же механизм для осуществления кол. сделок, т. е. для их истолкования и применения существует в Англии и в других отраслях промышленности. Во всяком значительном центре промышленности имеется „местная камера посредничества и примирения" (local board of conciliation and arbitration) состоящая из равного числа членов от рабочих и предпринимателей. Если камера не может прийти к соглашению, вопрос передается третейскому судье, выбираемому обеими сторонами. Эти посреднические учреждения согласно закону 1896 г., учреждаются по частной инициативе, явочным порядком; для этого достаточно простого заявления и представления устава в мини-

[1]) Данные эти приводятся в книге Т. А. Трахтенберга „Коллективный договор" 1918 г.

стерство торговли (board of trade). Они действуют не в порядке судебного разбирательства (арбитражного), а в порядке исследования и соглашения чисто экономического характера. Они не имеют принудительного характера, единственною санкциею служит право опубликовывать факты отказа стороны подчиняться решению. По этому же закону 1896 г. Министерство Торговли уполномочено в случаях промышленного столкновения между рабочими и предпринимателями „исследовать причины и обстоятельства спора“ и может вмешаться в качестве сторонника мира, убеждая стороны придти к соглашению. Если стороны желают получить примирителя, то оно может назначить его. Наконец, если обе стороны вместе просят, чтобы улажение спора произошло в форме третейского суда и желают, чтобы Министерство выбрало для них третейского судью, то Министерство межет удовлетворить это ходатайство.

В некоторых английских колониях сделан опыт принудительного посредничества, т. е. установлено в законодательном порядке запрещение прибегать к открытому разрыву (к забастовке или локауту) до расследования в арбитражном учреждении конфликта или помимо передачи его на разрешение этого учреждения. Такой опыт сделан в Новой Зеландии и в колонии Виктория.

По Ново—Зеландскому закону 1894 г. о примирительном и третейском разбирательстве конфликтов, возникающих на почве трудовых договоров, в каждом округе имеется камера примирения (Board of conciliation), состоящая из членов, избираемых в одинаковом числе ассоциациями работников и работодателей, с нейтральным председателем, избираемым самой камерой из посторонних лиц. Эта камера, если одна или обе стороны обратились к ней, обязана расследовать спор и вызвать соглашение между сторонами. Если соглашение не состоялось, то камера обязана приступить к разбору дела в качестве третейского суда, но его решение имеет лишь моральное, а не принудительное значение для сторон. Они ему подчиняться не обязаны. Но камера может по своей инициативе передать не разрешенный спор в Центральный третейский суд, состоящий из трех членов: двух, назначаемых губернатором по представлению рабочих и работодателей, и третьего-председателя, выбираемого им из числа членов Верховного Суда. Этот третейский суд пользуется всеми правами судебного учреждения и его решение номинально обязательно для сторон в течении назначенного им срока, причем, если решение относится к ассоциации, то оно обязательно не только для всех тех, кто состоит в ней членом в момент произнесения решения, но и для всех тех, кто войдет в нее в течение всего времени, на которое решение распространяется. Но хотя решение обязательно лишь номинально, однако от усмотрения третейского суда зависит придать ему силу закона. Суд может, если находит нужным, либо сейчас же по собственной инициативе, либо впоследствии по ходатайству одной из сторон произнести свое решение в зале Верховного Суда; этот акт придает решению третейского суда такую же обязательную силу, как если бы оно было постановлено самим Верховным Судом. Третейский суд может приговаривать к уплате судебных издержек и назначать штраф за неисполнение приговора. Постановление третейского суда может по его усмотрению стать частью законодательства страны. Раз спор между рабочими и работодателями доведен до камеры или третейского суда, „всякое действие, носящее характер стачки или локаута“, воспрещается и всякое нарушение наказуемо, как неповиновение судебному постановлению.

В колонии Виктория принудительное третейское разбирательство сводится в сущности к законодательному определению размеров заработной платы. По закону 1896 г. для определения минимума заработной платы, ниже которого она не может быть уплачиваема рабочим на фабриках, губернатор, если он считает это целесообразным, может через Государственный Совет назначать от времени до времени специальную камеру, на обязанности которой лежит расследовать обстоятельства и предписать сторонам установление определенных размеров заработной платы. Предприниматель, платящий рабочим менее назначенного минимума, наказывается штрафом, а при третьем нарушении—его фабрика подлежит закрытию [1]).

Специальные формы для промышленного посредничества (арбитража) существуют также в Германии в виде промысловых судов (Gewerbegerichte), во Франции в виде conseils de prud'hommes—в Италии Collegio di Probi Viri. Суды эти исполняют функции обычного судебного процесса специально для расследования споров, возникающих на почве договоров о найме и труде. Наиболее полно изложены эти функции в Gewerbegerichtsgesetz 29 сентября 1901 г. По этому закону эти суды учреждаются для разрешения спорных вопросов между рабочими и работодателями, как напр.—о вступлении в силу, продолжении или окончании рабочего договора, о выполнении его, о выдаче или обратном приеме расчетных книжек, о спорах по страхованию рабочих и т. д. Промысловой суд обязательно устанавливается для всякой общины, насчитывающей свыше 20 тысяч жителей. Суд состоит из председателя и его заместителя и членов, число которых должно быть не менее четырех. Председатель и его заместитель избираются магистратом из лиц, не принадлежащих ни к рабочим, ни к предпринимателям.

Члены в одинаковом количестве избираются самими рабочими и предпринимателями из своей среды. Правом выбора пользуются лица, удовлетворяющие определенным требованиям, между прочим членом может быть только лицо, коему исполнилось 30 лет, и если он в течении года предшествовавшего выборам ни для себя ни для семейства своего не обращался за пособием к общественному призрению. Обращение сторон к посредничеству Gewerbegerichte вполне добровольное, также постановление суда не имеет обязательной силы. Если стороны не желают подчиняться решению, то единственная санкция—опубликование судом своего решения с указанием на несостоявшееся между сторонами соглашение и на нежелание стороны или обеих сторон подчиниться постановлению суда. Такая санкция может иметь в виду только моральное воздействие на виновных в конфликте лиц. В настоящее время в Германии действуют примирительные комитеты, о которых будет изложено ниже. Такой же институт промышленного посредничества учрежден был в России законом Врем. Правительства 5-го августа 1917 г. „о примирительных учреждениях“, организуемых ввиде примирительных камер, (в отдельных предприятиях, по отраслям промышленности и по районам) в виде третейских судов, имеющих назначением „предупреждение и разрешение конфликтов между рабочими и управлениями промышленных предприятий“. Примирительные камеры состоят из равного числа представителей от рабочих и предпринимателей, выбирающих из своей среды председателя. Если в камере не образуется большинства голосов и камерой не будет принято решение, то она может предложить сторонам передать спор

[1]) Приведенные данные относительно Новой Зеландии и Виктории заимствованы из исследования Швитсу „Промышленные конфликты“.

на разрешение третейского суда. Третейский суд состоит из нескольких членов поровну от предпринимателей и рабочих и председателя, избираемого единогласно членами третейского суда из посторонних лиц. Обращение в примирительные камеры добровольное и санкция решений—только опубликование об отказе стороны подчиниться постановлению суда.

IV.

Коллективные договоры получили весьма широкое применение во всех странах и распространение их беспрерывно и значительно увеличивается.

В Германии по данным имперского статистического бюро к 1-му января 1910 г. насчитывалось действующих тарифных договоров всего 6578, обнимавших 137257 предприятий с 1055654 рабочих. В 1913 году число тарифных договоров возросло до 12359, обнимающих 193760 предприятий с 1845454 рабочих, а в 1919 г. (после войны, во время которой рост тарифных договоров конечно задерживался), как видно из официальных данных, (опубликованных в „Reichsarteitsblatt“ 1921 г. № 23), действовавших тарифных договоров было 12719, обнимавших 321349 предприятий и 9381427 занятых рабочих. Несомненно за последние 2—3 года это число тарифных договоров еще более увеличилось.

Во Франции по официальным данным, к сожалению, очень устаревшим (они относятся к 1910 г.) содержащимся в сводке, сделанной Французским Office du travail, в 1910 г. насчитывалось 252 тарифных соглашения, из коих 98 относились к строительному делу, 27—к бумагопрядильной и книгопечатной промышленнсти, 22—к сельскому хозяйству, 21—к транспортному делу, 18—к текстильной промышленности и т. д. Из этих договоров 144 явились результатом предшествовавших стачек.

Из очередного отчета английского Labour Departament содержащего данные, относящиеся также к 1910 г., видно, что в этом году в Англии действовали всего 1696 кол. соглашений, в частности в горном и каменноугольном производстве—56 договоров, обнимавших 900000 рабочих, в транспортном деле—92, распространявшихся на 500000 рабочих, в текстильном производстве—113 договоров, обнимавших 460000 рабочих,в металлическом, машино- и судостроительном деле—163 договора, обнимавших 230000 рабочих и в строительном деле—803 договора, действовавших для 200000 рабочих.

Следует иметь ввиду, что сравнительно с Германией незначительное число заключенных в Англии кол. договоров об'ясняется тем, что там распространены коллективные договоры генерального типа т. е. между об'единенными трэд'юнионами и предпринимательскими союзами по определенной отрасли промышленности всей страны.

В другом отчете того же Labour Departament, посвященном вопросу о примирительных камерах (Court of arbitration and conciliation), приводятся данные о деятельности и численности этих учреждений. Число таких судов и камер составляло в 1910 г. 278, при чем большинство из них разбирало конфликты исключительно определенной профессии или профессиональных групп. За период времени с 1900 г. по 1909 г. эти примирительные камеры уладили 7508 конфликтов между рабочими и предпринимателями, при чем лишь в 104 случаях разрешению конфликтов предшествовали забастовки или локауты. Отчасти этот результат достигался благодаря тому, что в уставах большинства примирительных камер предусмотрена автоматическая

передача дел, по которым соглашение не состоялось, в руки третейского суда. Нет сомнения, что приведенные данные относительно Франции и Англии в настоящее время значительно изменились.

В России лишь после февральской революции явилась возможность для свободного развития профессионального движения и только после этого были созданы условия для возникновения практики кол. договоров. До революции профессиональные организации и коллективная защита интересов рабочих, хотя были допущены законом 1905 г., но фактически в действительной жизни встречали непреодолимые препятствия для своего развития. Первый кол. договор был заключен в августе 1917 г. петроградским союзом металлистов, за ним последовали московский и другие провинциальные союзы металлистов, между прочим, об'единившийся союз металлистов Херсонской губернии в губернский профессиональный союз, заключивший в январе 1918 г. кол. договор с союзом промышленных организаций Юга-России.

Дальнейшего развития однако кол. договоры не успели получить, потому что вскоре после октябрьского переворота началась национализация промышленных предприятий и, при общей коммунистической концепции огосударствления в области труда, само собой разумеется, система кол. договоров потеряла свое социальное значение, и развитие их должно было остановиться.

С изменением экономической политики и возникновением предприятий частных и государственных на капиталистических началах, должны были получить место и в нашем промышленном быту те общие условия, которые привели к необходимости системы кол. договоров. И действительно, в течение последнего года было заключено очень много кол. договоров—как государственными так и частными предприятиями, несмотря на отсутствие каких-либо законодательных постановлений, регулирующих отношения на почве кол. соглашений. Обсуждению значения кол. договоров в промышленной жизни и роли профессиональных союзов в проведении их было посвящено много газетных статей и дискуссий в собраниях и профессиональных комиссиях по охране труда. Совсем недавно Совнаркомом издано постановление о кол. договоре, весьма неполное, которое имеет, повидимому, временный характер. В общем, применение кол. договоров на практике находится в самом неопределенном положении, так как у нас в настоящее время не имеется ни общих норм обязательственного права, ни специальных норм о трудовом договоре вообще (Кодекс законов о труде, изданный при экономической политике в эпоху 1918—1920 г., не имеет под собой правовой основы, соответствующей теперешнему положению вещей) и о коллективном договоре с его своеобразными особенностями в частности. В настоящее время, как известно по газетным сведениям, вырабатывается комиссариатами юстиции и труда проект нового кодекса законов о труде, и в его составе—проект закона о кол. договоре и о примирительном производстве.

V.

Значение системы коллективных соглашений, как социального явления, оценивается не одинаково, как в буржуазных кругах, так и в среде пролетариата. Существуют на этот счет разноречивые взгляды. Одни полагают, что система коллективных соглашений, способствуя улучшению условий труда, обеспечивает социальный мир и спокойствие в промышленной жизни, вносит смягчение и притупление

антагонизма классовых интересов и тем устраняет боевые методы классовой борьбы. В об'яснительной записке к проекту закона о кол. договоре, внесенному 11-го июля 1910 г.Французским правительством в палату депутатов, между прочим, говорится: проект о кол. соглашении отвечает настоятельной необходимости. Эти соглашения уже сделались обычными в мире труда. Они составляют естественное завершение великого процесса ассоциации (du grand mouvement d'association), свидетелем развития которого была вторая половина 19 века. Силы предпринимателей и рабочих, сгруппированных в союзы, не имеют более высокой миссии, чем заключение прочных соглашений, являющихся залогом социального мира. Наступил момент, когда следует дать этим соглашениям санкцию закона, обеспечив их устойчивость и их авторитет.

Другие, напротив, думают, что система коллективных соглашений еще более обостряет классовую борьбу, так как она периодическими столкновениями между рабочими и работодателями подчеркивает классовые противоречия и фиксирует антагонизм между трудом и капиталом. Эта точка зрения распространена, главным образом, в германских предпринимательских кругах. Лет 15-20 тому назад в Германии стали образовываться многие ассоциации предпринимателей по отдельным отраслям промышленности, из которых некоторые откровенно ставили своею целью агрессивную борьбу против „неоправдываемых стремлений и приказаний рабочих и их организаций, направляющих свою деятельность к одностороннему установлению условий найма и противодействующих работодателю вести предприятие по собственному желанию". Для *этой борьбы в уставах этих ассоциаций* указываются весьма решительные способы, а для достижения цели эти ассоциации об'единились в Центральное бюро немецких союзов работодателей (Hauptstelle deutscher Arbeitsgeberverbände), которые в своем органе поддерживают тенденцию противоставить силе рабочих организаций силу предпринимательских организаций или вести беспрерывную войну, не вступая ни в какие соглашения. Руководители этих движений немецких работодателей настойчиво проводят то положение, что никакое кол. соглашение между рабочими и работодателями не должно иметь места, ибо „всякое подобное соглашение усиливает авторитет рабочих организаций и тем ослабляет позицию работодателей". Еще сравнительно недавно, в 1905 году, „Центральный Союз германских промышленников" вынес резолюцию, в которой заявляет, что он „считает заключение тарифных договоров организациями предпринимателей и союзами рабочих чрезвычайно вредным для германской промышленности и ее развития. Тарифные договоры лишают отдельного предпринимателя необходимой для должного ведения предприятия свободы в использовании своих рабочих и также подчиняют отдельного рабочего господству рабочей организации. Тарифные договоры, по убеждению Центрального Союза, ставят, как показывает опыт Англии и Америки, тяжелые препятствия техническому и организационному развитию германской индустрии". Однако, в последнее время, еще до революции, враждебное отношение германских промышленников к кол. договорам значительно ослабело. Под влиянием все возрастающего социального значения рабочих организаций, работодатели в целом ряде отраслей промышленности должны были постепенно придти к сознанию, что система кол. соглашений является необходимым и единственно-целесообразным методом нормирования трудовых отношений, и отказаться от агрессивной политики против рабочих организаций. В настоящее время, после переворота,

повлекшего за собой издание ряда законодательных актов „по рабочему праву“ и в их числе закона о Советах предприятий (Betriebsrategesetz) от 4 февраля 1920 г., предоставляющего рабочим организациям не только коллективное участие в нормировании условий труда, но и непосредственное участие в управлении предприятием,— агрессивная политика предпринимательских ассоциаций совершенно потеряла под собой почву.

Ассоциации предпринимателей для борьбы с рабочими организациями возникали также в Соединенных Штатах. Но там, благодаря особенностям американской социально-экономической жизни и свойствам национального англо-саксонского типа, более склонного к реализму и более чуждого к абстракции, чем это свойственно немцам, преобладает тенденция признавать за трэд'юнионами значение реального необходимого фактора в развитии национальной промышленности, и поэтому, там применение кол. соглашений стало нормальным явлением промышленного быта,хотя американское законодательство дает в руки предпринимателей и правительства весьма сильные средства для подавления рабочего движения в форме забастовки и других видов борьбы труда с капиталом[1]).

Весьма характерно выразилось отношение американских предпринимателей к кол. договорам в речи, произнесенной в 1904 г. председателем Jllinois Coaloperators Association, крупным промышленником Джости: „Поистине смешно было-бы, говорил он,—если бы мы, как деловые люди (bussnes men) стали исключать элемент труда из общих правил ведения наших дел. Мы заключаем контракты по покупке сырья после дружественных совещаний с теми, кто имеет это сырье для продажи, и собственные наши продукты мы также распределяем только по соглашению с покупателями. На каком основании мы не должны и с рабочими поступать так же. коль скоро вопрос о заработной плате сводится к вопросу о товаре? Почему мы не можем и с ними вступить в дружелюбное соглашение в цене товара и его количестве, поскольку мы имеем в рабочих продавцев этого товара? С тех пор как мы установили кол. соглашение с Союзом Горнорабочих Америки, вот уже более 6 лет, у нас не было ни одного ни общего, ни местного конфликта“. [2])

Так же в Англии, по мере развития рабочих организаций, возникают в новейшее время крупные организации предпринимательские. В уставах некоторых из них задачи ассоциаций определяются след. образом: ассоциация нуждается для защиты интересов ее членов против организаций рабочих, пытающихся посредством забастовок или другим каким—либо действием налагать ограничительные условия в ведении дел предприятия. Однако, в большинстве случаев эти предпринимательские союзы не ведут агрессивной политики против рабочих организаций, а напротив, находят целесообразным вступать с ними в соглашение на почве заключения кол. договоров. Вообще, в Англии очень распространен взгляд, что трэд'юнионы представляют необходи-

---

[1]) В Соед. Штатах действует система так называемых „injunction“—особых учебных предписаний (приказов), направленных на предупреждение и пресечение таких деяний, которые по самому своему характеру, в виду угрожающего вреда, требуют немедленного и непосредственного вмешательства власти. Посредством этих „injunction“ судья может постановить предписание, запрещающее под страхом судебной ответственности *начинать* забастовку или продолжать начатую с наложением крупных штрафов за нарушение этого предписания. (Швитсу, „Промышленные конфликты“).

[2]) Там же.

мый и полезный фактор промышленности, между прочим, в виду того, что они являются организованным представительством, без которого немыслимы были бы никакие сношения с сколько—нибудь значительным числом рабочих.

По мнению некоторых исследователей, стачки или локауты, для предупреждения или для устранения которых служат коллек. соглашения, несмотря на вносимые ими потрясения в промышленную жизнь, должны считаться нормальными явлениями. По мнению супругов Вебб, возникающие при стачке или локауте прекращения работы являются необходимым спутником всех коммерческих соглашений о найме труда-индивидуальных и коллективных — подобно тому, как уход покупателя из лавки несогласного на цену лавочника есть необходимое явление в мелочной торговле. В докладе английской Королевской Комиссии о положении труда 1894 г. высказывается следующая мысль. „Констатируя, что наиболее крупные, наиболее богатые и наиболее организованные трэд'юнионы многое сделали для уменьшения числа конфликтов между Капиталом и трудом, комиссия говорит: Когда обе стороны в промышленности сильно организованы и обладают значительными финансовыми средствами, то промышленные столкновения, раз они возникают, могут быть очень широкими, очень продолжительными и очень дорого стоющими. Но как современная война между двумя великими европейскими державами, при всей ее дороговизне, представляет более высокую ступень цивилизации, чем постоянные местные стычки и пограничные вторжения, которые возникают в тех местах и в то время, где и когда правительства менее сильны и менее централизованы, точно так же, в общем и целом, крупное случайное промышленное столкновение, нарушающее годы мира, должно быть предпочитаемо постоянным местным стычкам, остановкам работ и мелким конфликтам".

Также в рабочих и социалистических кругах имеются противоречивые взгляды на кол. договоры. Некоторые течения относятся отрицательно к кол. соглашениям, считая, что они связывают рабочие организации, отнимают у них боевой характер и, заглушая проявление классовых противоречий, отвлекают рабочий класс от главного и единственного способа борьбы-всеобщей стачки, единственного пути, по которому должно направляться рабочее движение к освобождению от рабства капиталистического строя. Такое течение было весьма сильно в Германии в конце прошлого столетия. В одной из резолюций, принятой Лейпцигским Gewerkschafts Kartell в 1897 г., По поводу договора, заключенного союзом печатников, было сказано: принимая во внимание, что тарифные договоры между предпринимателями и рабочими вредят дальнейшему развитию рабочих организаций, надо считать союзы, заключающие такие договоры, не стоящими на точке зрения новейшего рабочего движения... Орган германских об'единенных рабочих „Korrespondenzblatt des Allgemeinen Deutschen Gewerkschaftsbundes" писал в 1905 г.: „Всякого рода договоры не что иное, как выражение минутного равновесия сил, регулирующее условия совместной деятельности лишь на более или менее короткое время. Они не имеют никакого значения, раз это равновесие должно постоянно нарушаться в виду противоположности интересов рабочих и работодателей... История т. договоров—это теория их нарушений... Так как без классовой борьбы не существует договора, то договор никогда не может уничтожить классовую борьбу,.. Договор для рабочих не есть ни мирный трактат, ни дружеский союз; он всегда является лишь этапом в классовой борьбе."

Другие социалистические течения, напротив, считают, что кол. договоры, кроме непосредственной выгоды в улучшении условий труда, имеют весьма важное воспитательное значение для рабочих, ибо приучают их к коллективным об'единенным действиям, направленным к борьбе, вырабатывают их классовое самосознание, усиливают их боевую позицию и, следовательно, являются одним из методов борьбы с капиталом, давая рабочему классу время и возможность подготовиться к грядущей победе коллективистических принципов социализма над индивидуалистическими силами капитализма.

Это течение надо считать доминирующим в настоящее время в рабочих кругах Германии и других стран. Положительное отношение к кол. договорам выражается в ряде резолюций, принятых на с'ездах профессиональных союзов по различным отраслям промышленности, и применение их с каждым годом получает все большее распространение.

В России, в виду кратковременности и случайности практики кол. договоров, не успело с достаточной определенностью выявиться отношение рабочих кругов к кол. договорам. Тем не менее, по некоторым данным можно с уверенностью притти к заключению, что идея кол. соглашений встречает сочувствие среди сознательной части русских рабочих, и возможность широкого распространения этих соглашений, при надлежащих условиях развития профессионального движения, не подлежит сомнению. Так, в резолюции первой Всероссийской Конференции рабочих печатного дела, вынесенной в 1907 г., было сделано следующее заявление: „считая, что временные соглашения с предпринимателями не противоречат принципам классовой борьбы и в известных случаях могут соответствовать рабочим интересам, конференция полагает, что в настоящее время целесообразно заключать такие соглашения без указания срока или не свыше одного года." То же отношение выражено в обширной мотивированной резолюции, вынесенной в 1907 г. общепрофессиональной конференции московского промышленного района, в которой указывается целесообразность и необходимость заключения кол. договоров.

На Западе по вопросу о кол. договорах имеется довольно обширная литература, в особенности в Германии, где вопрос главным образом разработан со стороны догматической, т. е. с точки зрения выяснения юридической структуры кол. договора, его правовых оснований и последствий, на которых может быть построена судебная защита в случаях его нарушений. Между прочим, вопрос о кол. договорах был предметом обсуждения на многих с'ездах юристов Германии, Австрии, Швейцарии и Голландии. Наименее вопрос разработан с юридической стороны в литературе Англии и Соед. Штатов Америки, как раз в тех странах, где система кол. соглашений получила наибольшее развитие. Это об'ясняется тем, что в этих странах кол. договоры по английскому и американскому праву не могут пользоваться правовой охраной и фактически состоят вне судебной защиты, а разрешение споров по ним находится в ведении учреждений, имеющих характер примирительных камер, для практики которых догматически-правовая и судебная сторона в системе кол. договоров не имеет значения.

В России вопрос о кол. договорах мало затронут, как в общей, так и в юридической литературе. Общей характеристике кол. договоров, как экономического явления, посвящена брошюра И. А. Трах-

тенберга—Коллективный договор, 1918 г. Юридическая разработка вопроса исчерпывается исследованиями двух авторов Л. С. Таля и И. С. Войтинского.[1])

Я. А. Канторович.

Хозяйственные преступления по Уголовному Кодексу Р. С. Ф. С. Р.

(Ст. Ст. 126—134.)

Трудовое дезертирство.

Ст. 126 Уголовного Кодекса гласит:

Трудовое дезертирство, т. е. уклонение от учета или регистрации, установленных органами, об'являющими либо проводящими трудовые мобилизации, или от явки на работу, а равно самовольное оставление работы, выполняемой в порядке трудовой мобилизации, карается:

принудительными работами на срок не ниже одной недели.

Трудовое дезертирство, сопряженное с ущербом для обороны страны, карается:

наказаниями, предусмотренными 2-й ч. ст. 79 Уголовного Кодекса.

1. *Общие замечания.* При редактировании ст. 126 авторы кодекса, как и в некоторых других случаях (напр. ст. 103—самоуправство, ст. 176—хулиганство), не ограничились приведением термина „трудовое дезертирство", а раскрывают его содержание: „трудовое дезертирство, т. е. уклонение" и т. д.: отсюда следует, что при применении ст. 126 нельзя руководствоваться общим бытовым пониманием „трудового дезертирства", а необходима наличность признаков того определения трудового дезертирства, о котором говорит ст. 126. *Источником* этого определения послужил декрет Совнаркома от 9-го мая 1921 года о труд. дезер. (Собр. Узак. № 46 ст. 227). Согласно п. 1-го названного декрета „трудовым дезертирством" признается: а) уклонение от учета или регистрации, установленных органами, об'являющими либо проводящими трудовые мобилизации; б) уклонение от явки для назначения на работу лиц, призванных в порядке трудовой мобилизации, и уклонение от явки на работу лиц, получивших назначение; в) самовольное оставление работы или службы и самовольный переход на службу в другое учреждение и предприятие; г) уклонение от явки в органы учета и распределения рабочей силы после увольнения с работы от службы; д) всякое уклонение от трудовой повинности путем подлога документов, занятия фиктивных должностей, фиктивных командировок, симуляции болезни и т. д.

---

[1]) Л. С. Таль, „Коллективный договор, как институт гражд. права". Доклад, читанный в Петербургском юридическом обществе, напечатанный в журнале „Право" 1909 г. №№ 21—28; его же, „Новый опыт законодательной нормировки рабочего договора", „Право", 1908 г. №№ 33 и 34; его же, „Очерки промышленного права", СПБ., 1918 г.

И. С. Войтинский, „Новые течения в гражд. законодательстве о найме труда". Сборник „Вопросы обществоведения". 1908 г. т. I; его же, „Основные вопросы юридического учения о тарифном рабочем договоре". Сборник „Вопросы обществоведения". 1910 г. II; его же, „Коллективные соглашения об условиях труда, как проблема законодательства". СПБ., 1911 г.

По сравнению с этим определением трудового дезертирства, ст. 126 редактирована значительно короче, но об'ем ее от этого не стал меньше, ибо пункт „г" (уклонение от учета после увольнения от работы) и пункт „д" (уклонение обманным путем и др.) декрета 9-го мая подойдут под общее понятие *уклонения* от учета или работы, предусматриваемое ст. 126 (подр. см. ниже).

2. *Понятие дезертирства.* Дезертирство, как элемент состава ст. 126, возможно в двух формах: 1) в форме *бездействия*, или неисполнения предписываемых законом актов, таково уклонение от учета, регистрации или явки на работу, и 2) в форме *действия*—только оставление работы, предусматриваемое ст. 126.

а) *Учет регистрация и явка*—есть различные стадии исполнения мобилизационной повинности; учет имеет ввиду дачу общих сведений (имя, адрес или заполнение учетных карточек—пост. СТО от 15 июня 1921 года), регистрация—сведения более подробные (заполнение анкеты), явка на работу (непосредственный переход к исполнению мобилизационной повинности). Прохождение через все эти стадии находится в зависимости от распоряжения о мобилизации, которое может требовать явки прямо к регистрации или даже к работе. С другой стороны, поскольку распоряжение о мобилизаций упоминает о всех трех стадиях—учете, регистрации и явке—достаточно для состава ст. 126 непрохождения хотя бы одной из стадий, напр. неявка к регистрации.

б) *самовольное оставление работы* есть всякий перерыв в работе, к которой лицо приставлено распоряжением компетентных органов. Поэтому самовольное оставление работы будет на лицо, когда мобилизованный оставил работу по какой бы то ни было причине (болезни и т. д.), но без соответствующего разрешения, или переменил самовольно одну работу на другую. Общим условием привлечения и ответственности за дезертирство по ст. 126 является наличность *мобилизации*, т. к. закон говорит об исполнении требований органов „об'являющих или проводящих мобилизацию". Поэтому не может быть состава дезертирства в уклонении от работ или регистрации, проводимых не в порядке особого постановления о трудовой мобилизации (не будет состава дезертирства в неявке, например, на работу в воскресник, по требованию начальника учреждения или иных некомпетентных органов).

3. *Органы, об'являющие* трудовые мобилизации. Компетентным органом, об'являющим трудовую мобилизацию, является *Совет Труда и Обороны.*

Так *СТО* были мобилизованы: работники электрической промышленности (Постановл. СТО от 5 янв. 1921 г. Собр. Узак. № 3 ст. 26), специалисты по сплаву леса (Постановл. СТО от 23 фев. 1921 г. „ИЗВЕСТИЯ" № 43), горнорабочие (Постановл. СТО от 23 марта 1921 г. С. У. № 27, ст. 152), специалисты рыбного промысла (Постановл. СТО от 17 авг. 1921 г. № 186) и др.

4. *Органы, проводящие мобилизацию.* Центральным органом по проведению трудовых мобилизаций ранее (до 24-го марта 1921 г.) служил созданный декретом Совнаркома от 29-го января 1920 г. (Изв. № 25) *„Главный комитет по всеобщей трудовой повинности"* и его местные (губернские, уездные и, при необходимости, городские комитеты) органы. Так, постановл. СТО от 23 марта 1921 г. возлагало на Главный Комитет обязанность в трехнедельный срок закончить мобилизацию горнорабочих. Декретом Совнаркома от 24 марта 1921 г. (Собр. Уз. № 30 ст. 164) Главный Комитет и его местные органы были ликвиди-

рованы, и все его функции переданы Наркомату Труда и местным Отделам Труда, оттого позднейшее постановление СТО, напр., от 15 июня 1921 г. о мобилизации специалистов по сельскохозяйственному строительству возлагает проведение мобилизации на Отделы Труда.

5. *Вторая часть Ст. 126.* повышает наказание до лишения свободы или принуд. работ на срок не ниже 6 мес. или конфискации всего имущества за трудовое дезертирство, сопряженное с *ущербом для обороны страны.* Ущерб для обороны страны может быть констатирован в двух случаях: 1) *в мирное время,* если трудовое дезертирство является уклонением от выполнения специальных оборонительных (военных) работ, напр. рытья окопов, работы на военных заводах и т. д. 2) в военное время,—во всех случаях, хотя бы косвенно связанных с обороной, (напр., работы по заготовке топлива, очистка путей и т. д.).

6. *Подсудность.* Дела по обвинению по ст. 126 подлежат рассмотрению особых камер народного суда по делам о нарушениях законов о труде (ст. 26 прим. Угол.-Проц. Код. нов. ред.) № 28.

Ст. 127.

Бесхозяйственное использование рабочей силы.

Бесхозяйственное использование заведующим учреждением или управляющим государственным предприятием рабочей силы, предоставленной учреждению или предприятию в порядке трудовой повинности, карается лишением свободы на срок не ниже шести месяцев.

1. *Общие замечания.* В санкции ст. 127 указан, как и ниже во всех статьях рассматриваемой главы за исключением ст. 131 (I ч.) и 132 (I ч.) минимум наказания не ниже 6 месяцев. Из этого, согласно ст. 27 Угол. Кодекса, следует, что бесхозяйственное использование рабочей силы отнесено законом к категории более тяжких преступлений, „направленных против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемых ею наиболее опасными“ (ст. 27).

2. *Суб'ект преступления.* Суб'ектом деликта бесхозяйственного использования, согласно ст. 127, является: 1) Заведующий учреждением или 2) управляющий государственным предприятием. Термин „учреждение“ употребляется кодексом всегда в смысле *государственного* учреждения. Так, ст. 105 прим. говорит о лицах, занимающих должности „в каком-либо государственном (советском) учреждении“, ст. 124 о совершении в „государственных учреждениях и предприятиях“ религиозных обрядов. Следовательно, не всякое должностное лицо в смысле ст. 105 прим. (каким может быть и лицо, занимающее должность не только в государственных учреждениях, но и „в организации или об'единении“, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, просветительных и других общегосударственных задач), а лишь лицо, возглавляющее *государственное* учреждение или предприятие, может отвечать по ст. 127. Заведующие общественным или кооперативным предприятием поэтому по ст. 127 привлекаться не могут.

3. *Бесхозяйственное использование* не означает заведомо плохого приложения рабочей силы, а имеет в виду хозяйственно—нецелесообразное, не продуктивное ее использование. Сюда будут относиться случаи направления, например, на работу лиц не по специальности, хотя в предприятии имелась и специальная работа, несоразмеренное распределение рабочей силы по отдельным функциям, когда работа одной группы задерживается отставанием другой и т. д. Сюда же должны быть отнесены и случаи снабжения рабочей силы ненадлежащими инструментами или плохим материалом, подрывающими продуктивность труда.

4. *Рабочая сила.* Состав „рабочей силы" всецело определяется тем какие трудовые группы предоставлены учреждению или предприятию „в порядке трудовой повинности". Сюда, следовательно, могут быть отнесены, как труд рабочих (физический труд), так и работа служащих.

5. *„В порядке трудовой повинности".* Бесхозяйственное использование в смысле ст. 127 возможно лишь в отношении той рабочей силы, которая предоставлена учреждению или предприятию в порядке повинности. При нерациональном использовании труда рабочих и служащих, работающих на иных основаниях (по вольному найму и т. д.), может при известных условиях, если это использование принимает форму бесхозяйственного ведения предприятия, применяться лишь ст. 128 (см. ниже). С другой стороны понятие „трудовой *повинности*" шире понятия „трудовой *мобилизации*", предусмотренной ст. 126. Поэтому состав ст. 127 должен быть признан и тогда, когда бесхозяйственно-использовывается рабочая сила, предоставленная не только на основании общего постановления о мобилизации (см. выше ст. 126), но и на основании иных распоряжений компетентных органов.

6. *Подсудность.* Дела по обвинению по ст. 127 подсудны народному судье с двумя заседателями (ст. 25 Процес. Код. нов. ред.).

Ст. 128

Бесхозяйственное ведение дела.

Бесхозяйственное ведение лицами, стоящими во главе государственных учреждений или предприятий, порученного им дела, в результате чего не был выполнен производственный план или ухудшилось качество выпускаемых изделий, или было расточено имущество предприятий, карается:

лишением свободы или принудительными работами на срок не ниже одного года. Если в данном преступлении не содержится признаков преступления, предусмотренного ст. 110 Угол. кодекса.

1. *Суб'ект преступления.* Ст. 128 говорит о *государственных* учреждениях или предприятиях. Отсюда непосредственно вытекает, что к лицам, работающим в общественном, кооперативном или профессиональном учреждении или предприятии, она применяться не может. Далее закон говорит о лицах *„стоящих во главе"* государственных учреждений или предприятий. Сюда могут быть отнесены члены правления, заведующие предприятием, в некоторых случаях (когда они заменяют заведующих) их помощники. Но по прямому смыслу термина „состоящим во главе учреждения или предприятия" не может быть признано лицо, заведующее отдельной отраслью работ этого учрежде-

ния или предприятия (напр., заведующий снабжением фабрики или отделом учреждения), хотя бы им и было поручено ведение какого-нибудь „дела".

2. *Бесхозяйственное ведение дела.* „Ведение дела" не есть заключение отдельной сделки или отдача отдельного распоряжения. За единичную сделку, если она заведомо невыгодна, должностное лицо может отвечать по ст. ст. 105 и 110 за злоупотребление властью, или, если она невыгодна по недосмотру, по ст. 108 за халатное отношение; состав же ст. 128 предполагает не изолированную сделку, не эпизод, а в известной мере длящийся процесс управления хозяйством, известную систему хозяйственных действий,—в этом и заключается и предусматриваемое ст. 128 *ведение дела.* Здесь поэтому можно видеть основной признак, отличающий ст. 128 от родственных деликтов ст. ст. 105 и сл. Самый состав ведения дела может заключаться как в *совершении* определенных действий (заключение договоров, отдаче распоряжений), так и в *непринятии* надлежащих мер, например, оставление фабрики без топлива или сырья и т. д. Не всякое ведение дела, приведшее к неудовлетворительным результатам, есть непременно бесхозяйственное ведение. Ведение дела будет *„бесхозяйственным"*, если оно уклоняется от нормального для данного рода производства или данной отрасли управления, порядка или вообще от рационального ведения дела. Если, например, текстильное производство требует заготовки сырья на столько-то месяцев, если заготовка хлеба должна производиться осенью, то невыполнение этого плана может быть, при наступлении предусматриваемых ст. 128 результатов, квалифицировано, как „бесхозяйственное" ведение дела. Дать общее положительное определение бесхозяйственности невозможно (оттого не дает его и ст. 128), ибо бесхозяйственность, как всякое отрицательное понятие, охватывает неизмеримый круг действий, лишенных хозяйственной целесообразности.

4. *Действие и последствие.* Два элемента, о которых говорит ст. 128,- 1) бесхозяйственное ведение дела и 2) последствие—невыполнение плана, ухудшение качества изделий или расточение имущества,—лишь тогда образуют состав ст. 128, когда доказана связь между ними: а) об'ективная (причинная) и б) суб'ективная (виновная).

а) *Причинная связь.* Согласно точного указания ст. 128, невыполнение плана и др. должны наступить *„в результате"* бесхозяйственного ведения дела, т. е. именно последнее должно быть причиной одного из отрицательных последствий, предусматриваемых ст. 128. Поэтому может быть доказано бесхозяйственное ведение, например, выработка товаров, не находящих потребителя, и может наступить одно из последствий—например, невыполнение плана или ухудшение качества изделий, а состава ст. 128 все же не будет, если будет доказано, что эти последствия результат не бесхозяйственного ведения дела, а, например, пожара, происшедшего на фабрике, или резкого ухудшения общей производственной кон'юнктуры.

б) Но и этой причинной связи недостаточно. Необходима и *виновная связь.* Согласно ст. 11 Угол. Код. „наказанию подлежат лишь те, которые действовали умышленно или неосторожно". Так как ст. 11 говорит об умышленном или неосторожном причинении *последствия*, то она, во всяком случае, должна находить неизменное применение там, где закон предусматривает ответственность за действие, приведшее к определенному результату. Поскольку нет в ст. 128 указаний на умышленную вину, необходима, на основании ст. 11, для применения наказания („наказанию подлежат *лишь* те,

которые действовали умышленно или неосторожно") наличность вины неосторожной, т. е. необходимо доказать, что ведя бесхозяйственно дело, обвиняемый „легкомысленно надеялся предотвратить последствия своих действий" (в данном случае невыполнение плана, ухудшение качества изделий или расточение имущества) или же не предвидел их (последствий), хотя и должен был их предвидеть (ст. 11). Для состава ст. 128 достаточно наступления одного из трех последствий: а) *невыполнение производственного плана.* Плановая система хозяйства, осуществляемая органами Р. С. Ф. С. Р., предполагает выполнение каждой производственной единицей определенной, заранее намеченной программы. В первую очередь это относится, конечно, к крупным об'единениям. Так, например, п. 4 Положения о Волховском строительстве предписывает „в 2-х месячный срок со дня утверждения настоящего Положения и впредь не позднее 15-го февраля каждого года" представлять в Президиум В. С. Н. Х. производственную программу; аналогично п. VIII Положения о „*Химуле*" предписывает за месяц до наступления каждого операционного года представлять Президиуму Укрсовнархоза на утверждение производственную программу. Отступление от подобной программы и должно в частности рассматриваться, как „невыполнение производственного плана", о котором говорит ст. 128; в) *ухудшение качества выпускаемых изделий*" предполагает, что существует некоторая норма, с которой сравнивается качество выпускаемых изделий. Это, конечно, не норма мирного времени. Этой нормой, очевидно, должно считаться то качество продукта, которое существовало в момент, когда лицо „стало во главе" государственного предприятия или учреждения, так как учет этого качества имеет прямой задачей оценку деятельности лица, *его* влияние на выработку; с) *расточение имущества*, как одно из последствий бесхозяйственного ведения дела, должно быть понято (аналогично как выше по п. б.) уменьшение актива. Не может приравниваться поэтому к расточению недополучение излишка (прибыли), вызванное бесхозяйственным ведением дела (понятие „расточение" см. ниже ст. 129 п. 2).

4. *Исчерпывающий характер ст. 128.* Ст. 128 предусматривает отмеченные выше три возможных последствия бесхозяйственного ведения дела без ссылок на какие-либо иные последствия; этот перечень является таким образом *исчерпывающим.* Поэтому, если в результате бесхозяйственного ведения дела последовал не названный в ст. 128, а иной какой-либо результат (например, финансовый кризис), то состава ст. 128 не будет. Может лишь встать вопрос о применении ст. 128 по аналогии.

5. *Наказание.* Ст. 128 устанавливает наказание за бесхозяйственное ведение дела—лишение свободы или принудительные работы на срок не ниже одного года, *„если в данном преступлении не содержится признаков преступления, предусмотренного ст. 110 Угол. Код."* Поскольку бесхозяйственное ведение дела должностным лицом очень близко граничит с халатностью по службе, а порой может включать в себе элементы превышения, бездействия власти и даже злоупотребления властью, закон отмечает возможную конкуренцию ст. 128 и 110. Но нового эта оговорка ничего не вносит, ибо в кодексе, в общей части, существует специальная норма, определяющая соответственные случаи—ст. 29: „когда в совершенном обвиняемым деянии содержатся признаки преступлений, предусмотренных разными статьями кодекса, суд определяет наказание по статье, устанавливающей наибольшую наказуемость". Поэтому, если в действиях лица, бесхозяйственно ведущего дела, обнаруживаются признаки преступления, предусмотрен-

ного ст. 110 или иной статьей, в которой наказание выше того, что определено ст. 128, суд в силу вышеприведенной ст. 29, независимо от специального указания, обязан определять наказание не по ст. 128, а по иной соответственной статье. Необходимо, кроме того, иметь ввиду что в силу 3 ч. ст. 131, наказания за преступления, означенные в ст. 127 и 128, если они совершены в боевой обстановке или были связаны с военными действиями, повышаются до лишения свободы не ниже 3-х лет, а при особо отягчающих обстоятельствах—до высшей меры наказания.

6. *Подсудность.* Дела по обвинению в бесхозяйственном ведении дела по ст. 128 подсудны Губсуду (ст. 26, Уг.-проц. код. нов. ред.).

Ст. 129

Расточение арендатором Государственного достояния.

**Расточение арендатором предоставленного ему по договору государственного достояния в виде средств производства карается:
лишением свободы на срок не ниже одного года с расторжением договора и конфискацией всего или части имущества.**

1. *„Арендатор“.* Суб'ектом преступления, предусмотренного ст. 129, может быть лишь лицо, заключившее арендный договор с государством, лишь *арендатор* государственного достояния. Декретом Совнаркома от 5 июля 1921 г. (Собр. Уз. № 53 ст. 313) постановлено „предоставить кооперативам, товариществам и др. об'единениям, а также отдельным гражданам право арендовать государственные промышленные предприятия, в целях их эксплоатации“. Согласно этого постановления „арендатором“ могут быть, как физические, так и юридические (кооперативы и др. об'единения) лица. В последнем случае необходимо считаться со следующим положением: расточать имущество может не юридическое лицо, а те физические лица, которые входят в его состав (члены правления и др.) и которые по общему правилу (в Угол. код. нет указаний на основания и порядок ответственности юридических лиц) отвечают каждый в меру содеянного; но ведь эти физические лица не являются „арендаторами“, так как арендный договор заключен на имя юридического лица. Таким образом создается положение, когда на стороне, например, члена правления, расточившего имущество нет суб'ективного условия ответственности (он не „арендатор“), а на стороне юридического лица нет условия об'ективного (оно не „расточило“). В этих случаях кажется необходимым отступить от формального понимания и признать „арендаторами“ в смысле ст. 129 и тех, кто фактически заключил и осуществляет арендный договор, признать, следовательно, ответственность их по ст. 129 в случае расточения ими предоставленного по арендному договору государственного достояния.

2. *Понятие „расточения“.* Расточение надо отличать от растраты. Растрату совершает лицо, не сохранившее вверенного ему актива—имущества или денег. Является спорным, имеется ли состав растраты, когда растратчик сохраняет эквивалент вещи (например, растратил доверенное имущество, но его денежную стоимость возвращает собственнику). В отношении „расточения“ этих сомнений не возникает.

Арендатор обязан *в натуре* сохранить государственное достояние, вверенное ему по договору, и всякая недостача этого имущества, происшедшая по вине арендатора, будет расточением в смысле ст. 129 хотя бы арендатор представил эквивалент, значительно превышающий недостающее по имущественной описи, обычно составляемой при договоре. Именно поэтому закон здесь, как и выше в ст. 128, пользуется термином „расточение".

3. *Государственное достояние.* Не всякое государственное достояние, оказавшееся у арендатора, хотя бы по договору (например, о переработке, ремонте), с госорганом, а лишь достояние, предоставленное по *арендному* договору может быть об'ектом расточения по ст. 129. Говоря о „государственном достоянии" *в виде средств производства* ст. 129 имеет в виду общий порядок сдачи в аренду предприятий без сырья или топлива. „Средства производства"—это производственный инвентарь и инструменты. Так, согласно телеграмме Председателя В.С.Н.Х. всем промбюро и губсовнархозам от 5 октября 1921 г., „при сдаче в аренду предприятий, вывозу подлежит сырье и топливо, но не инвентарь и инструменты". Государственное достояние, переданное по исключению арендатору не „в виде средств производства" (например, сырье) , как того определенно требует ст. 129, не может быть об'ектом расточения по ст. 129. Это и понятно, так как сырье или топливо может быть оставлено предприятию именно для нужд производства, т. е. для издержания.

4. *Подсудность.* Дела по обвинению по ст. 129 подсудны Суду Особой Сессии (Цирк. Н. К. Ю. № 65 от 31-го июля 1922 г. Е. С. Ю. № 28).

Ст. 130.

Неисполнение договора и заведомо недобросовестное в отношении государства действие.

Неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным учреждением или предприятием, если доказан заведомо злонамеренный характер неисполнения договора или иные заведомо недоброжелательные по отношению к государству действия, даже если эти действия выразились в возвращении авансов до срока и отказа от дальнейшего исполнения договора, но с использованием предоставленных государством средств на цели, не относящиеся к исполнению обязательств по договору, карается лишением свободы на срок не ниже двух лет с конфискацией имущества:

Если же будет доказан явно злостный характер этих деяний и они еще сопровождались предварительным соглашением между агентами казны и контрагентами ее, наказание может быть повышено:

до высшей меры наказания с конфискацией всего имущества.

1. *Виновность.* Для правильного уяснения ст. 130 необходимо прежде всего установить значение виновности для состава 130 ст. Три случая предусматривает ст. 130: а) неисполнение договора, б) „иные действия" в отношении и государства и в) соглашение между агентами казны и контрагентами ее — и во всех случаях закон подчеркивает необходимость особого психического состояния лица:

неисполнение договора должно иметь „заведомо злонамеренный характер“, иные действия должны быть „заведомо недобросовестными“, наконец, соглашение должно быть „предварительным“ и деяния в этом случае должны иметь „явно злостный характер“. Эти разные термины могут быть сведены к одному положению: для состава ст. 130 *необходима наличность умысла* на стороне обвиняемого, ибо неосторожные или случайные действия не могут быть определены, как „заведомо злонамеренные“, „заведомо недобросовестные“, или „явно злостные“. Но умысел не может существовать вне последствия, на которое он простирается. Это последствие не названо в ст. 130, но из ее содержания с несомненностью вытекает, — ибо задача ст. 130 защита интересов государства от недобросовестных действий его контрагентов, — что последствие, которое „злонамеренно“ „недобросовестно“ или „злостно“ или, точнее, умышленно должен причинить обвиняемый, есть ущерб государству. Для признания виновным по ст. 130, во всех отмеченных трех случаях необходимо, следовательно, доказать, что обвиняемый своими действиями по договору с госорганом *умышленно причинил* или пытался причинить (покушение) *ущерб государству*.

2. *Неисполнение обязательств по договору.* Конкретный круг действий или уклонения от действий, который может составить „неисполнение обязательств“ по ст. 130, всецело определяется договором. В этом отношении закон не вводит ограничений: в чем бы ни заключалось обязательство по договору, — например, обязанность доставки в срок, доставки определенного количества или качества товаров, или хотя бы в определенной упаковке, — невыполнение любого из этих и др. обязательств может послужить основанием для привлечения к ответственности по ст. 130. Ограничение, которое вводится законом, касается исключительно субъективной стороны: неисполнение должно иметь заведомо злонамеренный характер, т. е., как указано выше, неисполнение должно вызываться умыслом причинить ущерб государству. Отсюда ясно, что не только неисполнение, вызванное непреодолимой силой, но и неисполнение, происшедшее *по неосторожности* контрагента, его неопытности или бесхозяйственности, не подпадает под санкцию ст. 130; не может поэтому, конечно, почитаться „заведомо злонамеренным“ неисполнение, допускаемое самым договором и сопровождаемое неустойкой.

3. *Иные заведомо недобросовестные действия.* Неисполнение обязательств по договору имеет ввиду формальную сторону взаимоотношений контрагента к госоргану: здесь обязательства контрагента ограничены рамками договора. Деятельность и, следовательно, основания для привлечения к ответственности, охватываемые понятием „иных недобросовестных действий“, несравненно шире: здесь имеется в виду материальная сторона взаимоотношений контрагентов к государству, т. е. то, как по существу сложились эти отношения независимо от того, формально, быть—может, и вполне безукоризненного выражения, которое они нашли в договоре. Чтобы не переходить границ в нахождении „иных заведомо недобросовестных действий“, необходимо иметь в виду, что каждая сторона в договоре вправе отстаивать свой интерес—в этом отличие договорных отношений от принудительных (в порядке конфискации, реквизиции и т. д.), когда государство лишь предписывает выполнить известные действия. Поэтому не всякое, конечно, действие, которым контрагент в договоре с госорганом ограждает свои интересы, может образовать состав ст. 130, а лишь, как говорит закон, действия *„заведомо недобросовестные“*. Заведомая недобросовестность не может существовать лишь в мысли, в

голове контрагента: она должна выражаться в соответственных фактах. Таковы, например, случаи, когда контрагент вовлекает госорган в сделку путем заведомо ложной информации о наличных запасах товаров, о ценах и т. д., или, наоборот, путем сознательного умолчания о существенных при заключении договора обстоятельствах (товарном браке и т. д.) или когда он хотя бы после заключения договора вместо закупленных товаров передал иные, худшие. „Заведомо недобросовестные" не есть поэтому действия в общем порядке (в договорных отношениях частных лиц), могущие служить лишь основанием гражданского иска, а здесь силой ст. 130 превращающиеся в отношении к госоргану в уголовный деликт. Нет, „заведомо недобросовестные" действия должны иметь общеуголовную квалификацию, должны приближаться к типическим договорным деликтам—*мошенническим* деяниям, определяемым ст. 187 Кодекса. Другая точка зрения неизбежно привела бы к тому выводу, что по поводу договорных отношений госорганов и частных лиц вообще немыслима ответственность в порядке гражданском, что всякая неисполнительность частного лица по договору с госорганом влечет за собой кару по ст. 130. Между тем в таких договорах сплошь и рядом встречаются чисто гражданские тезисы о неустойке, о пене за просрочку в исполнении и т. д., да и само государство декретировало не раз гражданскую подсудность своих договоров (например, об аренде). Другим подтверждением проводимого взгляда на понятие „недобросовестных действий" может служить конец 1-й части ст. 130, специально выделяющей один случай (использование возвращенного впоследствии аванса, см. ниже п. 4), в отношении между частными лицами могущий лишь служить основанием гражданского иска, а здесь, в отношении к госоргану, обложенный уголовной карой: это претворение гражданской неправды в уголовный деликт в одном особо выделенном случае отчетливо указывает на то, что по общему правилу во всех иных случаях „недобросовестного действия" в смысле ст. 130 должны иметь мошеннический, в понимании ст. 187, характер.

Лишь при этом становится понятной общая система наказуемости мошенничества по Угол. Кодек.: ст. 187—мошенничество в сфере частных отношений, караемое лишением свободы на 6 мес., ст. 188—мошенничество в сфере частных отношений, имевшее однако своим последствием убыток, „причиненный государственному или общественному учреждению", караемое лишением свободы (не ниже 1 года) и, наконец, ст. 130—мошеннические действия в договорных отношениях частного лица с государством—лиш. свободы не ниже 2-х лет, а при отягчающих обстоятельствах даже высшая мера наказания (2 ч. ст. 130). При этом необходимо иметь в виду, что понятие „мошенничество" и „мошеннические действия" не тождественны. В составе мошенничества обманные (мошеннические) действия являются лишь одним из элементов—средством получения чужого имущества. В договорных отношениях они поэтому должны предшествовать заключению сделки. Между тем ст. 130 бесспорно охватывает и случаи недобросовестных действий совершенных контрагентами после заключения договора с госорганами. В этом случае может итти речь о мошеннических (в смысле ст. 187) действиях, хотя и не будет состава мошенничества, т. е. должно быть все же доказано „сообщение (контрагентом) ложных сведений" или „заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательно". (прим. к ст. 187).

4. *Возвращение использованного аванса.* Говоря о заведомо недобросовестных в отношении государства действиях, ст. 130 предусматри-

вает конкретный случай „возвращения авансов до срока и отказа от дальнейшего исполнения договора". Возвращение авансов *до срока* имеет, очевидно, в виду срок исполнения обязательств по договору. Часть этих обязательств предполагается, однако, исполненной, ибо закон говорит об отказе от *дальнейшего* исполнения договора. Сочетание обоих этих моментов—досрочный возврат аванса и отказ от дальнейшего исполнения договора—наказуемо лишь тогда, когда оно, как точно выражено в ст. 130, сопровождалось „использованием предоставленных государством средств на цели, не относящиеся к исполнению обязательств по договору". Вне этого условия, досрочный возврат аванса и отказ от исполнения договора, следовательно, не наказуемы. Нельзя не отметить, что выделение конкретного случая возвращения аванса указывает на то, что ст. 130 имеет в виду главным образом договоры о подрядах и поставках.

5. *Вторая часть ст. 130.* 2 ч. ст. 130 не имеет самостоятельного значения и лишь повышает ответственность (до высшей меры наказания) за заведомо недобросовестные действия, предусмотренные первой частью при условии: а) если „эти действия" имели явно злостный характер и, *кроме того,* б) сопровождались предварительным соглашением между агентами казны и ее контрагентами.

а) Требование *„явной злостности"* дополнительной к „заведомой недобросовестности" имеет в виду указать, что для состава 2-ой части необходимо так ск. квалифицированная недобросовестность, недобро совестность, не только осуществляемая контрагентом (и заведомая), но и для всех очевидная („явная"), открыто направленная в ущерб государства и смогшая найти место в договоре именно в силу предварительного сговора должностного лица и контрагента.

б) *Предварительное соглашение* предполагает наличие сговора между агентами казны и контрагентами ее, непременно *предшествующего* совершению сделки: всякого рода отношения, возникающие между ними после этого момента, могут при известных условиях служить основанием для привлечения к ответственности за взяточничество (ст. 114), но не по 2 ч. ст. 130. Если взятка дана за и *до* „выполнения или невыполнения" должностным лицом известного действия,—в этом случае, естественно, по предварительному соглашению с контрагентом казны,—то встает вопрос о конкуренции ст. 114 и 2-ой ч. ст. 130—вопрос, который должен бы решаться следующим образом: ст. 130 имеет в виду *специальные случаи* злоупотреблений *договорных,* при совершении сделок между госорганами и частными лицами, а ст. 114 оплату всякого рода иных внедоговорных действий должностного лица (напр., выдача аванса независимо от договора, уступка помещения и т. д.). Нельзя, кроме того, не подчеркнуть, что требование закона, чтобы явно злостные действия контрагента *„сопровождались* предварительным соглашением", указывает на необходимость *длительного* соглашения, приобретающего тем самым характер как бы заговора в ущерб экономическим интересам республики, в то время как ст. 114 имеет в виду эпизодические злоупотребления, хотя бы и повторяющиеся, но именно не связанные общим предварительным соглашением агентов и контрагентов государства.

6. *Подсудность.* Дела по обвинению по ст. 130 подсудны Губсуду (ст. 26 Уг.-проц. код. нов. ред.). Если же преступления (хотя бы и не военно-служащих) непосредственно угрожали крепости и мощи Красной Армии, то дела по ст. 130 подсудны Военному Трибуналу.

Ст. 131.

Выдача продуктов и предметов не по назначению.

Ст. 131. Выдача заведующим учреждением или предприятием продуктов и предметов широкого потребления, не по назначению, карается:

принудительными работами или лишением свободы на срок до одного года.

Преступления, означенные в ст. ст. 127 и 128 Угол. Кодекса, если они были совершены в боевой обстановке или были связаны с военными действиями, караются лишением свободы не ниже трех лет, а при особо отягчающих обстоятельствах высшей мерой наказания.

1. *Источники.* Декретом от 8-го февраля 1921 г. (Собр. Уз. № 11 ст. 73) Совнарком подтвердил „недопустимость выдачи своим сотрудникам вне установленного порядка предметов продовольствия широкого потребления и пр. и недопустимость премирования советских служащих за счет фондов премирования производственных работ предприятий“ (п. 4), а декретом от 16 мая 1921 г. (С. У. № 48 ст. 241) дополнительно указал, что „воспрещается выдача сотрудникам центральных и местных учреждений продуктов и предметов широкого потребления, предназначенных: а) для производственных и технических целей, б) для снабжения исключительно рабочих и служащих предприятий, подведомственных данному учреждению, производственной и специальной одеждой, в) производственных в собственных предприятиях, кроме случаев, предусмотренных правилами о натур-премировании (С. У. 1921 г. № 28, ст. 156). В общей форме эти декреты нашли выражение и уголовно-правовую защиту в ст. 131.

2. *Суб'ект преступления.* Ст. 131 говорит о *заведующем* учреждением или предприятием, т. е. о лице, которое по закону или на основании внутреннего регламента правомочно выдавать всякого рода продукты и предметы. Выдача не по назначению, произведенная иным должностным лицом, должна рассматриваться как превышение или злоупотребление властью или даже (в зависимости от бстоятельств дела) как должностное присвоение и соответственно караться не по ст. 131, а по 105, 106 или 113 ст. „Учреждение или предприятие“, о котором говорит ст. 131, должны быть признаны исключительно *государственными* (а не общественными или кооперативными) учреждениями или предприятиями, как это следует из сопоставления текста ст. 131, с ее источниками (см. п. 1 „источника“, коим воспрещается выдача сотрудниками центральным и местных учреждений).

3. *Продукты и предметы широкого потребления.* Наказуемой по ст. 131 является не всякая выдача имущества, находящегося в распоряжении заведующего, а лишь выдача продуктов и предметов широкого потребления. „Продукты“ охватывают все виды продовольственных товаров, преназначенных к потреблению. Какие товары должны быть отнесены к предметам широкого потребления, закон не указывает. Очевидно, это должны быть предметы, необходимые в повседневном быту: одежда, топливо, мыло и т. д. Предметы роскоши (духи, шелка и т. п.) к „предметам широкого потребления“, конечно, отнесены быть не могут и их выдача не по назначению, если бы такие предметы и предназначались к распределению, состава ст. 131 не дает.

4. *Выдача не по назначению.* Об'ектом преступления по ст. 131 могут быть не все вообще продукты и предметы широкого потребления, находящиеся в распоряжении заведующего, а лишь те, которые

назначены к выдаче. Преступление по ст. 131 состоит в выполнении этой выдачи с нарушением установленного для учреждения плана и порядка, напр., выдачи служащим пайка, предназначенного для рабочих. Если, следовательно, заведующий учреждением выдаст, напр., служащим или рабочим продукты или предметы, назначенные для иной цели (напр., к продаже), то он должен нести ответственность не по ст. 131, а по 105,106 (злоупотребление, превышение власти) или по 113 (присвоение) в зависимости от обстоятельств дела.

5. *Покушение и оконченное деяние.* Преступление, предусмотренное ст. 131, должно считаться оконченным с момента фактической выдачи продуктов или предметов широкого потребления не по назначению, ибо закон карает не распоряжение о выдаче, а выдачу. Подписание ордера на выдачу может рассматриваться лишь как покушение на наказуемую выдачу.

6. *Подсудность.* Дела по 1-ой ч. ст. 131 подсудны народному судье с двумя заседателями, по 2-ой ч. судя по санкци и (хотя ст. 131 не оговорена в ст. ст. 24—28 Уг.-проц. код. нов. ред.), Губсуду или Военному Трибуналу.

Ст. 132.

Нарушение Кодекса законов о труде и тарифных правил.

Нарушение нанимателем установленных Кодексом законов о труде и общим положением о тарифе правил, регулирующих продолжительность рабочего дня, сверхурочные часы, ночную работу, работу женщин и подростков, оплату труда, прием и увольнение, а также нарушение специальных норм об охране труда карается:

штрафом не ниже ста рубл. золотом или принудительными работами на срок не ниже трех мес. или лишением свободы на срок до одного года.

Если нарушение обнимает группу рабочих или значительное их количество, то наказание повышается до:

лишения свободы на срок не ниже одного года и штрафа не ниже 1000 рублей золотом.

1. *Источники.* Постановлением Совнаркома от 27-го апреля 1922 г. (С. У. № 30 ст. 369) „нарушение установленных Кодексом законов о труде и общим положением о тарифе правил, регулирующих продолжительность рабочего дня, сверхурочные часы, ночную работу, работу женщин и подростков, оплату труда, прием и увольнение, а также нарушение специальных норм об охране труда“ каралось штрафом от 100 мил. до 1 миллиарда руб. или принудит. работами на срок не ниже 3 мес. или лишением свободы на срок до 1 года (пр. 1).

С введением в действие Угол. Код. постановление от 27 апреля потеряло силу, но положения его, как видно из сопоставления п. 1 со ст. 142, почти дословно перешли в Угол. Код. 7-го июня 1922 г. НКЮ по соглашению с НК труда была издана специальная „Инструкция“ к применению законов о нарушении правил об охране труда (Еж. Сов. Юст. № 24—25). Этой инструкцией и необходимо руководствоваться при из‘яснении ст. 132.

2. *Конструкция ст. 132.* По своей конструкции ст. 132 является нормой *бланкетной* (как и ст. 136 и 141 4-й гл.), так как не дает перечня или описания наказуемого деяния, а отсылает к другим узако-

нениям—Кодексу законов о труде и Общему положению о тарифе. Код. законов о труде введен в действие с 15-го ноября 1922 г. (п. 1 вводного закона). В отношении тарифа необходимо иметь в виду, что на основании постановлении ВЦИК и СНК от 24-го марта 1921 года (С. У. № 30 ст. 169, § 6) и СНК от 22-го апреля 1921 г. (С. У. № 37 ст. 198), разрешение всех тарифных вопросов передано в исключительное ведение Всер. Центр. Сов. Проф. Союзов. ВЦСПС следовательно является тем компетентным органом, который вправе издавать правила о тарифе, нарушение коих предусмотрено ст. 132.

3. *Суб'ект преступления.* Ст. 132 карает за нарушение правил о труде нанимателя. Уголовный Кодекс не дает определения этого понятия. Но в Кодексе о труде ст. 27, давая определение трудового договора—„трудовой договор есть соглашение двух или более лиц, по которому одна сторона (нанимающийся) предоставляет свою рабочую силу другой стороне (*нанимателю*) за вознаграждение",—устанавливает, что наниматель есть лицо физическое или юридическое, которое выступает стороной в договоре найма, *нанимает* рабочую силу. В виду точного указания ст. 132 на нанимателя, необходимо признать, что отвечать по ст. 132 может не всякое лицо, повинное в нарушении правил о труде, а лишь сторона в договоре найма. Это находит подтверждение как в п. 8 названной выше инструкции Наркомюста и Наркомтруда, согласно которому в случае если нанимателем является юридическое лицо—госуд. учреждение, то штраф взыскивается не с них, а с физических виновников нарушения, так и в том, что слово „наниматель" в проекте Наркомюста (ст. 126), внесенном в феврале 1922 г. в Совнарком, совершенно отсутствовало, нет его и в декрете 27 апр., послужившего источником ст. 142. Оно было добавлено позднее и может быть об'яснено лишь намерением точно определить, что именно наниматель является суб'ектом преступления, предусмотренного ст. 132.

4. *Действия, караемые по ст. 132.* Согласно п. VI Постановления В. Ц. И. К. о введении в действие Кодекса о труде от 9-го ноября 1922 г., наниматели, нарушающие правила Кодекса и изданных в его развитие положений и инструкций, „привлекаются к уголовной ответственности согласно ст. ст. 132, 133 и др. Угол. Кодекса". Ст. 132 в соответствии с этим и как непосредственно вытекает из ее текста, предусматривает не все, а лишь определенные категории нарушений правил о труде, а именно, правил, регулирующих: а) продолжительность рабочего дня, б) сверхурочные часы, в) ночную работу, г) работу женщин и подростков, д) оплату труда, е) прием и увольнение и ж) охрану труда.

а) *Продолжительность рабочего дня.* К тицическим (но не исчерпывающим) нарушениям правил, регулирующих продолжительность рабочего дня, должны быть отнесены: „установление либо допущение рабочего времени свыше 8-ми часов (в предприятиях) и 6 часов (в учреждениях), а при ночной работе—в предприятиях свыше 7-ми часов, а равно свыше 6-ти час. для несовершеннолетних 16—18 лет и 4 час. 14—16 лет, непредоставление 42—часового непрерывного отдыха в неделю и перерывов в течении нормального рабочего времени для отдыха, принятия пищи и проч." (Инструкция п. 1, а). В дополнение к этим указаниям Инструкции, опирающимся на ст. ст. 94, 95 и сл. раздела X Кодекса о Труде, необходимо для правильного применения ст. 132 иметь в виду еще следующее. Наркомтруду, по соглашению с В. Ц. С. П. С., предоставляется право установить категории ответственных, политических, профессиональных и советских работников, труд коих может превышать 8 час. в день (ст. 34 Код. о Тру-

де, прим.). И, наоборот, для лиц, занятых в отраслях производства, особо тяжелых и вредных для здоровья, устанавливается сокращенный рабочий день согласно списков и норм, устанавливаемых Н. К. Труда (2 ч. ст. 95). Наконец, закон регулирует *и перерывы* в работе: перерыв должен начаться не позднее 4-х час. после приступа к работе и должен продолжаться не менее $^1/_2$ часа и не более 2-х часов (ст. 100). Отступление от этих требований может также караться по ст. 132, так как правила о перерыве охватываются общим понятием правил о „продолжительности рабочего дня".

б) *Сверхурочные часы.* „Инструкция" в общей форме говорит лишь о „нарушении правил о порядке допущения и о продолжительности сверхурочных работ". Необходимо отметить следующие основные требования Кодекса о Труде, касающиеся сверхурочных работ: они допускаются лишь в точно указанных законом исключительных случаях (ст. 104—при производстве работ для обороны Республики, для предотвращения бедствий, по водоснабжению, освещению, канализации, транспорту, почтово-телеграфной и телефонной связи, для спешного окончания срочных работ, для ремонта механизмов и сооружений с целью избегнуть прекращения работ массы трудящихся); при этом необходимо согласно местной расценочно-конфликтной комиссии, а при ее отсутствии—профсоюза, и разрешение инспектора труда. Далее, к сверхурочным работам безусловно не допускаются лица, не достигшие 18-ти лет (ст. 105). Наконец, общее число сверхурочных работ для каждого нанявшегося в течение года не должно превышать 120 часов, а в течение двух дней подряд сверхурочных не может быть более 4-х часов.

в) *Ночная работа.* Ночное время точно фиксируется Кодексом о труде: это время от 10 ч. вечера до 6 ч. утра. Передвижение „дневной" работы за эти пределы должно поэтому также рассматриваться, как нарушение, караемое ст. 132-ой.

г) *Работа женщин и подростков.* „Инструкция" называет следующие сюда относящиеся постановления: „о недопущении для них сверхурочных, а равно и ночной работы; о воспрещении работы женщин и подростков в особо вредных производствах; о предоставлении отпусков женщинам беременным и роженицам и о продолжительности этих отпусков, а равно и перерывов для кормления грудных детей."

Этот перечень отнюдь не имеет исчерпывающего характера. Можно дополнительно отметить, что женщины, начиная с 5-го месяца беременности, не могут посылаться в командировку без их согласия вне места их постоянной работы (ст. 133 Код. о труде).

д) *Оплата труда.* Инструкция сюда относит „несвоевременную выплату содержания, как натурального, так и денежного, а равно и установленного возмещения за невыданное продовольствие, производство из содержания незаконнных вычетов". Сюда же нужно отнести: оплату труда ниже обязательного минимума, устанавливаемого для отдельных категорий труда соответственными органами (ст. 59), выдача платы—при постоянной работе—реже одного раза в две недели (ст. 65), выдачу вознаграждения не в рабочее время и вне места совершения работ (ст. 67) и др.

е) *Прием и увольнение.* „Инструкция" здесь упоминает: „принятие на службу или работу не через посредство биржи труда, за исключением установленных законом из'ятий; увольнение со службы или работы без предупреждения о том за две недели и отказ в выплате двухнедельного заработка." Закон допускает наем трудящихся помимо органов Н. К. Труда (но с обязательной последующей регистрацией)

лишь в двух случаях: а) в случаях, требующих политического доверия или специальных знаний, связанных с личностью приглашаемого, и б) в случаях, когда рабочая сила не может быть предоставлена органами Н. К. труда в трехдневный со дня поступления требования срок (ст. 9). Во всех иных случаях, следовательно, наем трудящегося без биржи труда составляет преступление, предусмотренное ст. 132.

ж) *Охрана труда.* „Инструкция“ сюда относит „несоблюдение правил по технике безопасности и санитарии, невыдачу спецодежды и др.“ Подробные указания по вопросам охраны труда даны в соответственной (XIV „Охрана Труда“ ст. ст. 138—150) главе Кодекса о Труде.

з) *Отпуска.* В тексте 132-ой статьи нет специального упоминания о нарушении правил об отпусках (подобно тому, как оговорены особо правила о продолжительности рабочего дня, ночной работе и др.). Но „Инструкция“ к деяниям, предусматриваемым ст. 132, относит (п. 1 б.) и „непредоставление отпусков: очередных, дополнительных и по болезни“.

5. *Обязанность иметь постановления и правила, регулирующие труд.* Постановлением Совнаркома от 11-го августа 1922 г. „В целях обеспечения контроля за выполнением государственными, общественными и частными учреждениями, предприятиями и хозяйствами всех законов о труде и надлежащего ознакомления с последними трудящихся“, вменено в обязанность всем вышеназванным учреждениям и предприятиям с числом наемных рабочих и служащих не менее 10 человек иметь в своих управлениях и конторах, а за отсутствием таковых — в местах производства расчета с рабочими „Известия Наркомата Труда“. Одновременно постановление от 11 августа предписывает Наркому Труда помещать в „Известиях“ все относящиеся к регулированию и охране труда декреты и правила, а руководителям предприятий вывешивать на месте работы означенные декреты и правила. Нарушение постановления Совнаркома от 11 августа также карается наказаниями, предусмотренными ст. 132 (п. 6 Постановления).

6. *2-я Часть Ст. 132.* повышает наказание за нарушение, предусмотренное 1-й частью ст. 132 в том случае, если оно обнимает „группу рабочих или значительне их количество“. „Группа“ рабочих—это, очевидно, рабочие связанные однородностью работы, например, работой в одном цехе, или каким-либо иным общим признаком. Но „группа“ рабочих не есть количественное определение (5—10 рабочих), ибо тогда было бы совершенно излишне добавление „или значительное их (рабочих) количество“.

7. *Производство по делам о нарушениях, предусмотренных ст. 132.* Ст. 132 является единственной (не считая ст. 139[a] (ст. 25 Угол.—Проц. код. нов. ред.) и всей последней главы VIII о нарушении правил, охран. народн. здравие и др.) в кодексе, где на основании ст. 406 процессуального кодекса возможно решение дела в порядке судебного приказа. „Инструкция“ также уделяет много внимания процессуальной стороне вопроса. а) *Порядок возбуждения преследования.* Согласно п. 2 „Инструкции“, „при обнаружении нарушений во время очередных обследований предприятий и учреждений или специальных обследований по жалобам отдельных лиц, инспектор труда составляет акт обследования, содержащий наименование предприятия или учреждения, адрес его и ответственное лицо по таковому, год, месяц и число составления акта, сущность обстоятельств, в коих усматривается нарушение, ссылка на соответствующее постановление центральной или местной власти, и подписи

инспектора труда и присутствующих представителей фабзавкома, месткома или где таковых не имеется, делегата профсоюза и администрации или предпринимателя. Не позже суток по составлении акта, таковой направляется в народный суд по месту нахождения предприятия или учреждения или в народный суд, специально определенный для рассмотрения подобных дел по соглашению совнарсуда и отдела труда; копия же акта представляется в местный отдел труда" (Инстр. п. 2 и 3).

б) *Производство у народного судьи.* „Получив протокол, народный суд немедленно назначает слушание дела на ближайшее заседание и, во всяком случае, не позже, чем через неделю, вызвав в суд обвиняемое инспекцией лицо и представителей администрации и трудящихся и отдельных, указанных в протоколе, заявителей, а также подлежащего инспектора труда. Местным Отделам Труда, а равно и профессиональным организациям трудящихся предоставляется право участвовать в делах об указанных в настоящей инструкции нарушениях, в качестве представителей *общественного обвинения* (Инстр. п. 4 и 5).

в) *Судебный приказ.* При явной бесспорности нарушения, народный судья не вызывает сторон, а немедленно и единолично постановляет приговор в порядке судебного приказа, на основании ст. ст. 406—412 Уголбвно-Процессуального Кодекса, подлежащего исполнению на общих основаниях. Подача заявления о пересмотре судебного приказа не приостанавливает приведения его в исполнение, при чем взысканный штраф зачисляется в депозит народного суда, а лишение свободы заменяется внесением залога в сумме, определенной по усмотрению судьи". (Инстр. п. 6).

8. *Ускорение производства по нарушениям ст. 132.* Цирк. Н. К. Ю. от 14 октября 1922 г. дополнительно предписывает „принять немедленно надлежащие меры к срочному рассмотрению Нарсудами всех нерешенных дел указанной категории, назначив их к слушанию в первую очередь в течении ближайшей недели". Виновных в медлительности при производстве дел о нарушении правил о труде цирк. предписывает „неукоснительно привлекать к ответственности и имена их сообщать в 1-й Отдел Н. К. Ю."[1]).

Наказание по первой части ст. 132 закон определяет: штраф не ниже 100 р. золотом *или* принудительные работы не ниже 3 мес *или* лишение свободы до 1 года. Согласно п. 7 „Инструкции" народному суду предоставляется *сочетать* приведенные „виды наказаний", т. е. очевидно присуждать одновременно к нескольким видам наказания, например, к штрафу и принудительным работам. „Инструкция" при этом основывалась, видимо, на ст. 50 Уголовного Кодекса, дающей судье право присоединять к наказанию, предусмотренному статьями особенной части Кодекса, меру социальной защиты „либо менее тяжкое наказание из указанных в п. п. *д, е, ж, з, и, к,* ст. 32, т. е. в частности штраф. Возникают, однако, сомнения, можно ли присоединять штраф к другому наказанию в тех случаях, когда (как в 1-й ч. ст. 132) закон определенно устанавливает альтернативу „или": штраф *или* принудит. работу и. т. д. . Здесь поучительно сослаться на прения последней сессии ВЦИК'а по совершенно аналогичному поводу. На IV сесии ВЦИК'а при голосовании ст. 139-й Кодекса гр. Бодров в санкционирующей части ст. 139-й вместо „или" сказал „и". Против этого возражал Крыленко, указывая на нецелесообразность замены „или" словом „и" и

[1]) Дела по деяниям, предусм. ст. ст. 132, 133, 134 и 156, рассматриваются в особых камерах Нарсуда по нарушениям Кодекса о труде (ст. 26 прим. Уг.- Проц. код.).

отмечая возможность и достаточность сочетания штрафа с принудительными работами, или штрафа с заключением в тюрьме. Таким образом авторы нового кодекса проводили совершенно отчетливую грань между санкциями сочетающимися („и“) и санкциями исключающими друг друга („или“)[1].

Ст. 133

Нарушение нанимателями коллективного договора.

Нарушение нанимателями (как соответствующими лицами государственных предприятий и учреждений, так и частными лицами) заключенных ими с профсоюзами коллективных договоров карается:

наказанием, предусмотренным 127-й ст.

1. *Суб'ект преступления.* См. выше „Суб'ект преступления“, к ст. 132.

2. *Общие замечания.* Ст. 133 имеет глубокое принципиальное значение. Защита интересов трудящихся здесь находит выражение в придавании договору найма, заключенному в частноправовом порядке, публичного значения и последовательном ограждении исполнения со стороны нанимателя этого договора уголовной карой. В этом отношении ст. 133 идет далее ст. 130, ограждающей исполнение договоров, заключенных частными лицами с государством, ибо ст. 130 карает *недобросовестное* исполнение договоров, ст. же 133 облагает наказанием неисполнение договора, лишенное элементов недобросовестности. Поскольку ст. 11 Угол. Код. облагает наказанием лишь умышленное или неосторожное причинение последствия, есть основание требовать для состава ст. 133 наличия, по крайней мере, того доказанного факта, что наниматель должен был предвидеть (хотя и не предвидел), что инкриминируемое действие нарушает условия коллективного договора.

3. *Понятие коллективного договора.* Ст. 133 карает нарушение нанимателем не всякого договора о найме и даже не „трудового договора“, который согласно ст. 27 Код. о труде заключается, как при отсутствии, так и при наличии коллективного договора, а лишь нарушение последнего. Определение коллективного договора дает ст. 15 Код. о Труде: „Коллективный договор есть соглашение, заключаемое профессиональным союзом, как представителем рабочих и служащих с одной стороны, и нанимателем—с другой, которое устанавливает условия труда и найма для отдельных предприятий, учреждений и хозяйств или группы таковых и определяет содержание будущих личных (трудовых) договоров найма“. Условия коллективного договора распространяются на всех лиц, работающих в данном предприятии, независимо от того состоят ли они членами профессионального союза, заключившего договор, или нет. Действие коллективного договора не распространяется на лиц административного персонала, пользующихся правом приема и увольнения (ст. 16. Кодекса о труде).

4. *Подсудность.* См. выше ст. 132.

---

[1] IV Сессия ВЦИК'а Бюллетень № 8, ст. 10. Издание ВЦИК М. 1922 г.

Ст. 134

Воспрепятствование деятельности фабзавкомов.

Воспрепятствование деятельности фабзавкомов (месткомов), профсоюзов и их уполномоченных или препятствование использованию ими их прав карается:

лишением свободы на срок не ниже шести месяцев и штрафом или конфискацией имущества.

1. *Суб'ект их преступления.* Ст. 134 не говорит о нанимателе. Следовательно, всякое лицо, воспрепятствовавшее деятельности фабзавкомов, отвечает по ст. 134.

2. *Фабзавкомы, профсоюзы и их уполномоченные.* Все они являются однородными профессиональными органами: фабзавком (фабрично-заводской, рудничный, построечный и др.) или местком есть „первичный орган профессионального союза в предприятии, учреждении или хозяйстве", а уполномоченный есть „делегат, заменяющий комитет" (ст. 156 Код. о труде). Согласно точного указания ст. 157 Код. о труде, „*никакой иной комитет*", кроме предусмотренного ст. 156 и утвержденного соответствующим профессиональным союзом, не может пользоваться правами, предоставляемыми Кодексом фаб-и месткомам и, следовательно, не может пользоваться защитой ст. 134.

3. *Воспрепятствование законной деятельности.* Согласно ст. 167 Код. о Труде, ст. 134 Угол. Код. карает все нарушения правил, установленных в главе XV Код. о Труде и определяющих права и обязанности профсоюзов и их органов. Здесь, следовательно, в гл. XV Код. о Труде надо искать из'яснения той „законной деятельности" фабкомов и др., воспрепятствование которой образует состав ст. 134. Предметом деятельности комитетов является: а) представительство и защита интересов рабочих и служащих, б) наблюдение за исполнением правил по охране труда, социальному страхованию и др., г) мероприятия по улучшению культурного и материального быта рабочих и служащих и д) участие (через союзы) в урегулировании производства в государственных предприятиях (ст. 158). Для осуществления этих задач, члены комитета в установленной норме (ст. 159) должны освобождаться от работ. Для занятий комитета и собраний должны быть предоставлены помещения и отчисляться средства (не более 2% всей заработной платы рабочих и служащих данного учреждения—ст. 161, 162). Осуществление всей этой сферы прав составляет „законную деятельность" комитетов, и всякого рода препятствование этой деятельности карается по ст. 134. Поскольку закон говорит о *вос*препятствовании, (а не *пре*пятствовании), ст. 132 очевидно имеет ввиду не попытку (покушение) препятствовать, а оконченное деяние: поэтому, не будет состава ст. 134 в случае, если администрация вначале отказала в помещении для собрания, но последнее в назначенное время и в назначенном месте все же состоялось. Относительно собраний рабочих и служащих, общих и делегатских, необходимо в частности иметь в виду, что по закону (ст. 161 Код о Труде) они должны происходить в нерабочее время, а в рабочее лишь по соглашению с администрацией (в рабочее время допускаются лишь собрания для выборов в Советы и учреждения социального страхования). Поэтому недопущение собрания в рабочее время не составляет преступления, предусмотренного ст. 134.

4. *Права членов правлений профсоюзов.* Согласно ст. 166 Код. о Труде члены правления профсоюзов и их уполномоченные по специальным мандатам имеют наравне с членами комитета право беспрепятственно посещать все мастерские, цехи, отделения и лаборатории предприятий. Препятствование осуществлению этого права, согласно ст. 167 Код. о Труде, также карается по ст. 134.

5. *Подсудность.* См. выше 132.

А. Трайнин.

Тюремная реформа в Бельгии.

В настоящее время Бельгия переживает коренную реформу в области организации тюремного заключения.

Как известно, до самого последнего времени Бельгия являлась страной, где с чрезвычайной настойчивостью проводилась система одиночного заключения.

Жизнь арестанта протекает в одиночной келье: здесь он спит, проводит день за работой. Общий тон жизни напоминает монастырский режим: молчание, труд, размышления, лишения. Все направлено к тому, чтобы исключить всякое общение между заключенными.

Отрицательная оценка системы одиночного заключения давно уже давалась тюрьмоведами, давно уже и в Бельгии раздавались голоса против существующей системы тюремного заключения и среди них авторитетный голос известного бельгийского криминалиста, ныне уже покойного, проф. Ad. Prins'a,

Система одиночного заключения расслабляет физические и духовные силы арестанта, здесь отсутствует совершенно индивидуализация наказания—люди различного психо—физиологического уклада подчиняются одним и тем же правилам, одному и тому же режиму; тюрьма не подготовляет арестанта к жизни на свободе: из могильной тишины одноночной камеры сразу бросает его в шумный водоворот гогодской жизни. Показателем бессилия системы одиночного тюремного заключения в деле исправления преступника могут служить цифры рецидива в Бельгии. На 100 преступлений, совершенных отдельными лицами, процент преступлений, совершенных рецидивистами, поднялся с 45, 5% в 1899 г. до 49, 6% в 1907 г.[1]).

Здесь даны лишь цифры *легального* рецидива, который, как известно, составляет лишь часть действительного рецидива. Более близка к действительности статистика пенитенциарного рецидива, но она также не полна, так как берет только заключенных, присужденных более чем к 3-м месяцам тюремного заключения.

На 31 декабря 1907 года она дает 3287 осужденных, среди которых 62% и 2051 рецидивистов, 400 среди них осуждались раньше от 5 до 10 раз, 204—от 10 до 15 раз и 124 осуждались от 15 до 20 раз.

Попытки реформы пенитенциарного дела в Бельгии начались с конца прошлого столетия, но лишь в области организации специальных учреждений для душевнобольных преступников и преступников алкоголиков, которые до последнего времени отсутствовали в Бельгии. В 1889 г. министр юстиции предложил Королевской Медицинской Академии дать свое заключение о создании специальных

---

[1]) Ад. Принс „Защита общества и преобразование уголовного права".

убежищ для душевно-больных преступников. Несмотря на благоприятное заключение Академии практически ничего создано не было.

В 1890 г. был внесен о том законопроект в палату, но был отвергнут. В 1897 г. был внесен вновь аналогичный законопроект об организации специальных учреждений и для душевно-больных преступников и преступников алкоголиков, не не прошел по бюджетным соображениям. В 1908 г. Hector Denis при обсуждении бюджета министерства юстиции вновь напомнил о необходимости организации подобных учреждений. В 1909 г. группа депутатов разных фракций внесла соответствующий законопроект в палату, но попытка также осталась безуспешной. В 1914 г. министр юстиции M Carton de Wiarf предложил палате проект об организации учреждений для душевнобольных преступников и преступников алкоголиков. Война не дала возможности осуществиться этому предположению. Законодательных попыток реформы самой системы одиночного заключения, несмотря на все большее и большее признание ее несостоятельности, однако не было.

На твердую почву и в широком масштабе дело тюремной реформы становится лишь с 1919 г., когда при Министре Юстиции Вандервельде был учрежден комитет по изучению реформы пенитенциарного режима. По окончании его работ, когда был выработан план предстоящей тюремной реформы, в 1920 г. был образован Высший тюремный совет для проведения реформы в жизнь.

Посколько можно судить по тем сведениям, которые были в нашем распоряжении [1]), дело тюремной реформы в Бельгии рисуется в следующем виде.

В основу реформы положено широкое проведение начала индивидуализации карательного режима, приспособление его к особенностям и склонностям преступника.

Индивидуализация карательного режима предполагает наличие внимательного и всестороннего обследования осужденных, могущего служить основанием для рациональной расклассификации преступников по их физическим, интеллектуальным и маральным свойствам. Королевским декретом от 30—мая 1921 г. вводится повсеместно в тюрьмах антропологическое обследование заключенных.

До этого времени антропологическое обследование заключенных велось лишь в виде опыта с 1906 г. в центральной тюрьме „Forest“, где была организована антропологическая лаборатория. Антропологические лаборатории предполагается организовать в восьми тюремных центрах, которые будут распространять свою деятельность на весь соответствующий округ. Антропологическая лаборатория „Forest“ значительно расширена и распространяет свое действие на Сен—Жильскую тюрьму.

В марте 1922 г. уже функционировали антропологические лаборатории в Лувене, Антверпене, Генте, Льеже, Монсе и должны были в ближайшем будущем открыться в Брюге и Намюре. В лаборатории врач заполняет специальную анкету, где отмечаются наследственные и педагогические паталогические антецеденты осужденного, его пороки, аномалии, его, постоянные или переходящие, физические, интеллектуальные и нравственные свойства. За время с марта 1921 г.

---

[1]) 1. Доклад проф. Брюссельского Университета Heger-Gilbert, „О реформе пенитенциарного режима“, сделанный 31 марта 1922 г. в криминалогической секции Ligue d'Hygiène Mental.“ (Revue de L'Université de Bruxelles № 9—10. 1922 г.)

2. Заметка D-r H. Philipp „Gefängnisreform in Belgien“ Zeitschrift für die besamte Strafrechtswissenschaft 1922 г. B. 34, J. 531.

по март 1922 г. через антропологические лаборатории прошло 1700 заключенных—рецидивистов и первичных преступников, приговоренных к тюремному заключению на срок не менее 3-х месяцев. Специальная комиссия в составе директора, педагога, священника, врача и начальника над надзирателями разбирает полученные данные, дополняет их сведениями, собранными о социальном положении осужденного, и обсуждает характер мер, могущих быть примененными по отношению к осужденным. Когда преступника направляют в какую—либо тюрьму или в специальное пенитенциарное отделение, составленное dossier посылается директору соответствующего пенитенциарного учреждения, на которого вместе с врачем возлагается руководство всем режимом, применяемым по отношению к заключенному. В момент освобождения dossier заключенного передается в центральную антропологическую лабораторию. Таким образом, в ближайшем будущем Бельгия будет иметь богатый научно собранный криминалогический материал относительно рецидивистов и большинства первичных преступников страны[1]). В случае рецидива преступника тотчас же можно получить исчерпывающие сведения относительно его склонностей, физического здоровья, психологических особенностей и способности к работе.

Непосредственная тюремная рефома заключается: 1) в отказе от прежней системы одиночного заключения, 2) в введении ряда мер относительно больных преступников и 3) в организации совместного труда для здоровых заключенных.

Меры по отношению больных преступников.

В главнейших тюрьмах организованы специальные психиатрические отделения, где преступники, обнаруживающие признаки психической ненормальности, внимательно обследуются и, в случае надобности, имеют соответствуемый уход. Такой психиатрический лазарет организован в тюрьме „Forest“, в Антверпенской тюрьме и в центральной тюрьме Гента.

Постепенно в каждом из выше упомянутых 8-ми пенитенциарных центров будут устроены специальные тюремные психиатрические отделения для душевно-больных преступников.

Каждое тюремное психиатрическое отделение имеет: общую палату на 10—20 кроватей, палату на 4 кровати, 2 одиночных изолированных палаты, гидротерапевтическую палату и вспомогательные учреждения.

Для *уменьшенно вменяемых* преступников оборудованы также специальные заведения.

Эпилептики и истерики (convulsivants) направляются в Merxplas (рабочий дом близ Антверпена) в специальный павильон, где подвергают их требуемому состоянием их здоровия режиму. Изоляция применяется лишь в исключительных случаях по отношению к особо беспокойным суб'ектам.

---

[1]) В связи с этим в Бельгии появляются вновь работы по уголовной антропологии: см. „Bulletin de la société d'Antropologie de Bruxelles“ V. XXXIV—1920. Стат. Verwaeck „La taille chez les delinguants en Belgique Dekeyer“. La siphilis dans ses rapports avec l'antropologie criminelle“.

Слабоумные направляются в Rukheim, старый замок, приспособленный для психически больных, не опасных для окружающих. Их здесь употребляют на некоторые работы, способные хоть немного скрасить их положение.

Предположено организовать специальные психиатрические колонии для умственно дефектных, которых, как показывают анкеты, значительное количество среди тюремных сидельцев; точно также предполагается организация специальных заведений для преступников алкоголиков.

Для туберкулезных организовано нечто вроде санатории в Merxplas с достаточным количеством воздуха и питанием, соотвествующим их состоянию.

Особое внимане обращено на подачу медицинской помощи заключенным. Считается необходимым, чтобы каждая тюрьма имела полный набор хирургических иструментов, для производства безотлагательных небольших хирургических операций, и специальную операционную палату. В большинстве тюрем это уже имеется, а в остальных в ближайшем будущем будет введено. В более тяжелых случаях заключенного отправляют в более оборудованную в медицинском отношении центральную тюрьму. В нужных случаях заключенный может быть помещен в госпиталь. Особое внимание обращено на борьбу с венерическими болезнями, нуждающихся в специальном лечении направляют в тюрьму de Forest для лечения под руководством доктора специалиста—венеролога.

Организация работ здоровых заключенных.

Господствующая до сих пор система работ заключенных в одиночных камерах остается теперь лишь в виде исключения. Организуются следующие формы работ заключенных: 1) тюрьмы-школы (les prisons-écoles), 2) тюрьма-фабрика (la prison-usine), 3) работа в больших тюремных мастерских, 4) работа в маленьких тюремных мастерских, 5) работа в тюремных камерах, 6) школа домашнего хозяйства (l'ecole ménagère) для женщин.

Промышленная школа-тюрьма организована в центральной тюрьме в Генте. Она рассчитана на 150 заключенных. Сюда направляются осужденные до 21-го года, которые имеют склонность к промышленным занятиям; осужденные старше 21-го года могут быть направлены сюда с особого разрешения Министерства Юстиции, или для того чтобы усовершенствоваться в работе или в качестве рабочих-руководителей. Старое здание центральной Гентской тюрьмы, построенное еще во времена Марии-Терезы состоит из 8 сходящихся вершинами треугольников. В одном из этих треугольников устроена школа-тюрьма для юных преступников.

160 камер служат спальными; для работ оборудовано 19 мастерских, в которых заключенные могут обучиться самым разнообразным ремеслам: кузнечному, столярному, слесарному, токарному, переплетному, плетению корзин, щеточному, сапожному, портновскому, парикмахерству, скульптуре, рисованию и т. п. Кроме промышленного обучения заключенные получают и общее образование в размере программы нисшей школы.

Сельско-Хозяйственная школа-тюрьма организована в Merxplas. Она рассчитана на 185 заключенных. Заключенные разделены на разряды по возрасту, заключенные до 18 лет не соприкасаются со старшими группами. Тюремный режим и дисциплина ослабляются по мере исправления. Кроме непосредственных сельско-хозяйственных работ заключенных обучают ремеслам, связанным с сельско-хозяйственною деятельностью: кузнечный промысел, устройство телег и т. п. Занимаются разведением пчел, домашней птицы, овец и т. д. Зимою занимаются подсобными промыслами: выделыванием корзин, щеток и т. д.

Кроме специального сельско-хозяйственного образования заключенные получают и общее образование в размере программы нисшей школы.

Тюрьма-фабрика (la prison usine) находится в тюрьме в Генте. Она устроена по типу промышленной тюрьмы-школы и предназначена для взрослых заключенных.

Организация тюрем-фабрик может быть произведена лишь постепенно в виду дороговизны необходимых машин.

Большие общие мастерские. Уже имеется оборудованная большая общая мастерская в Сен-Жильской тюрьме для работ по дереву; установлено 35 необходимых станков и машин. Производительность мастерской вполне удовлетворительная, хотя срок эксплоатации еще не велик, поэтому не позволяет судить о финансовых результатах. Случаи нарушения дисциплины чрезвычайно редки.

Менее значительные мастерские созданы в Монсе (переплетная и для картонных работ) и в Генте (сапожная). В ближайшем будущем предположено организовать 20 разнообразных мастерских: слесарная, токарная, столярная, ткацкая, переплетная, сапожная, типографская и др. в различных тюрьмах страны.

Маленькие мастерские. Организуются маленькие мастерские для изготовления конвертов и учебных пособий.

Работа в одиночных тюремных кельях применяется лишь в исключительных случаях по отношению к лицам не могущим работать в мастерских по тем или иным причинам (особая испорченность, болезни, возраст).

Заключенным лицам интеллигентных профессий так же стремятся дать подходящую работу. Так напр. мастерские в Сен-Жильской тюрьме были сделаны по плану и под руководством архитектора-заключенного.

Школы домашнего хозяйства. (Les écoles ménagères) организованы для заключенных женщин в Брюсселе и Брюге. Организация их не требует больших расходов, и они будут в скором времени организованы во всех пенитенциарных центрах.

Одиночное заключение, обрисованное реформой, не уничтожается совершенно, а остается как бы базисом тюремного режима; за исключением времени, предназначенного для работ, учебных занятий и физических упражнений, заключенные остаются в своих кельях.

Кроме обычных учебных занятий в об'еме нисших школ, в тюрьмах ведется широкая культурно-просветительная работа в форме лекций и собеседований.

Плата заключенному за произведенную работу соответствует заработной плате на вольном рынке. Она прежде всего идет на возмещение потерпевшего в его притязаниях, вызванных совершенным преступлением. Оставшаяся часть делится пополам: одна идет на покупки провизии заключенным в cantine (нечто в роде тюремной лавочки, пользование которой составляет как бы награду за хорошее

поведение), а другая часть идет на поддержку семьи заключенного или на образование специального фонда, который выдается заключенному лишь по его освобождении.

Новый режим, проводимый тюремною реформою, рассчитан на постепенное приближение жизни заключенного к жизни на свободе (начало прогрессивности системы тюремного заключения) и, в случае установленного исправления, оканчивается условным досрочным освобождением. Условно освобожденный ставится под надзор попечителя. В связи с этим обращено особое внимание на упорядочение дела тюремного патроната: предполагается создать центральный комитет по делам тюремного патроната, в ведении которого будут находиться районные комитеты, ведущие непосредственно через попечителей дело патронирования освобожденных заключенных.

В связи с тюремной реформой обращено также серьезное внимание на поднятие квалификации тюремного персонала. В 1921 году во всех тюрьмах были организованы для низшего тюремного персонала курсы гигиены и практической медицины; в Брюсселе для них были устроены курсы по элементарной психиатрии и уголовной антропологии. Для высшей тюремной администрации предположено организовать криминалогические курсы.

Такова в общих чертах тюремная реформа, которая проводится в настоящее время в Бельгии. Для криминалиста они представляют большой интерес; научно поставленное обследование заключенных дает возможность построить их рациональную классификацию и образовать карательный режим с особенностями „опасного состояния преступника“; тюремная реформа впервые вводит в Бельгии меры социальной защиты по отношению невменяемых и уменьшенно вменяемых преступников, отказывается от давно уже признанной несостоятельной, дышащей монастырским средневековьем системы одиночного заключения; стремится создать здоровую рабочую атмосферу и принять все меры, чтобы обеспечить приспособление преступника к условиям общежития, предупредить рецидив, превратив тюрьму в исправительно-воспитательное учреждение. Насколько это удастся покажет будущее. Во всяком случае сторонники позитивной школы науки уголовного права новую тюремную реформу в Бельгии справедливо могут считать своей практической победой.

А. Пионтковский.

Советское Законодательство

о судоустройстве в его основных моментах.

I.

Положение о судоустройстве в РСФСР—это, как констатировал в своей речи перед Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом докладчик по проекту о советском судоустройстве Н. В. Крыленко,[1]) третья по счету судебная реформа за пять лет существования советской республики. Первая реформа, которую пра-

[1]) IV сессия В. Ц. И. К. IX созыва, Бюл. № 1, 25 окт. 1922 г. ст. 23.

вильнее было бы назвать революциею в деле правосудия, была осуществлена теми декретами, которые на место дореволюционных судебных учреждений ввели новые; это—декреты о суде № 1 и 2 от 24 ноября 1917 г. и от 12 января 1918 г. Декреты о революционных трибуналах в то время не считались судебною реформой, ибо самим революционным трибуналам не придавалось значения судебных учреждений (об этом ниже). Вторая судебная реформа была проведена декретом от 30 ноября 1918 г. о Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской республики, опубликованным под именем „Положения“ в № 85 „Собрания Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства“ от 6 декабря 1918 г. и впоследствии изданным в новой редакции в Собр. Узак. 1920 г. № 83.

II.

Уже самый об'ем названных законодательных актов, независимо от их содержания, дает возможность констатировать первую тенденцию в развитии нашего законодательства о суде: *от принципа местной регламентации юрисдикции к все большей и большей регламентации ее центральной властью.*

Первый декрет о суде, упразднивший общие суды и преобразовавший местные, посвятил организации этих судов и производству в них дел всего три статьи, оставив широкий простор для местного правотворчества в области определения форм юрисдикции. Это правотворчество и нашло себе выражение в различных „решениях,“ „правилах“ и „инструкциях“ местных организаций. Таковы постановление 5-го чрезвычайного Глазовского уездного С'езда Совета Раб. Кр. и Сол. Депутатов 27 марта 1918 г. Положение о народных судах в Царскосельском округе, утвержденное Исполнительным Комитетом С'езда Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Царскосельского уезда; решения, принятые с'ездом Уездных Комиссаров Юстиции Саратовской губернии, состоявшимся 10—13 апреля н. ст. 1918 г. в гор. Саратове и т. д. [1])

Это кустарное погубернское или даже поуездное устроение местного правосудия находилось в соответствии с тем лозунгом, которым выражалась самая сущность новой государственной организации России: „вся власть в центре и на местах принадлежит советам“, при чем этою формулой признавалась полная самостоятельность за местными советами, не подчиненными центру, но лишь направляемыми исходящими от него директивами. „О подчинении центру не было речи. Несмотря на принцип пролетарской диктатуры, получилась самая широкая децентрализация.“ [2]) Однако, как известно, уже Инструкция о правах и обязанностях Советов, распубликованная 24 декабря 1917 г., подвергла лозунг „вся власть в центре и на местах принадлежит советам“ ограничительному толкованию. В этой инструкции указывалось, что, хотя советы и вполне самостоятельны в вопросах местного характера, но всегда действуют *сообразно* декретам и постановлениям центральной советской власти. Конституция же Советской республики, утвержденная V Всероссийским С'ездом Советов 10 июля 1918 г., установила уже прямо иерархическую подчиненность местных советов центральной власти, возложив в ст. 61 на областные, губерн-

[1]) См. Материалы Народного Комиссариата Юстиции: „Народный суд“, вып. II. М. 1918 г.

[2]) См. статью Е. К. „Взаимоотношения центральных и местных органов“ в Материале народн. Ком. юст. Вып. 10 ст. 3.

ские, уездные и волостные органы советской власти „проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов советской власти."

Эта „тяга к единству",[1]) проявившаяся в общем государственном строительстве, нашла себе отражение и в сфере судебной и при том в тех же самых формах: сначала в не вполне решительной форме инструкции, а затем уже в форме законоположения. Уже первый Всероссийский С'езд Областных и Губернских Комиссаров Юстиции сознал необходимость внести единообразие в организацию и формы деятельности судебных учреждений. „Одну правовую задачу, говорил на этом С'езде в своем докладе проф. Рейснер, мы можем выделить, как бесспорно принадлежащую центральной власти: это—задачу однообразной организации того аппарата, который с наибольшим техническим совершенством мог бы выразить правовые убеждения масс".[2]) Под этим аппаратом докладчик разумел именно судебный аппарат.

Дважды занимавший пост комиссара юстиции П. Стучка формулировал тот принцип, от которого он отправлялся в своей деятельности, как „принцип демократического централизма".[3]) Чтобы устранить пестроту судоустройства и судопроизводства, П. Стучка издал 23 июля 1918 г. *общую инструкцию* об организации и действии местных народных судов. (Собрание узакон. и распор. рабоч. и крест. правит. № 63, ст. 597).

Инструкция эта развивала постановления декретов о суде и дополняла их. При своеобразии взаимоотношений органов правительственной власти в советской России трудно было с точностью определить правовую силу этой инструкции, но надо думать, что, как единоличный акт представителя правительственной власти, она сама по себе не могла отменить принятых по тем же предметам постановлений местных организаций, ведающих судебное дело, а лишь должна была им служить в качестве отнюдь не безусловно обязательного руководства. Как констатировал автор уже цитированной статьи в 10 выпуске „Материалов Нар. Ком. Юст."—„самый закон центральной власти в первые месяцы советского строя мыслится почти как общая директива, данная на места и не требующая ее буквального исполнения". (стр. 4.)

Наконец, декрет о народном Суде от 30 ноября 1918 г. представляет собою уже краткий кодекс, определяющий (в 98-ми статьях) организацию и деятельность судебных учреждений „в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики". (ст. 1.)

Декрет широко использовал инструкцию комиссара юстиции от 23 июля 1918 г. Об этом использовании свидетельствует, как сопоставление декрета с инструкцией, так и прямое указание комиссара юстиции Д. И. Курского.[4])

В то время уже не было никакого сомнения в обязательности декретного законодательства для мест.

21 октября 1920 г. Положение о народном суде получило, как уже упомянуто, новую редакцию, без увеличения числа статей его (97) [5]).

---

[1]) А. Молочков, „Путь к власти", в журнале „Пролетарская революция и право" № 8—9—10.

[2]) Материалы Народного Комиссариата Юстиции, вып. 1, М. 1918, стр. 53.

[3]) Отчет народного комиссара юстиции, в жур. „Пролетарская революция и право" № 1 стр. 35.

[4]) Д. Курский „О едином народном суде", в журнале „Пролетарская революция и Право" 1918 г. № 1 стр. 19.

[5]) В Положении 1918 г. было 98 статей.

Идея централизации власти нашла в себе дальнейшее выражение в росте кодификационной работы. На III с'езде деятелей юстиции эта связь между тенденциею к централизации власти и созданием все более и более развитых кодексов была выражена одним из участников его таким образом: „Центр должен быть тем местом, откуда расходятся все руководящие предложения и т. д., иначе нет государства. Иначе это не государство, а кочевая орда. Тут надо иметь в центре нити; поэтому безусловно должно давать указание, а это и есть не больше и не меньше как кодекс".[1])

1922 г. приносит целый ряд более или менее обстоятельно разработанных кодексов. Завершением кодификационной работы в 1922 г. и было „Положение о судоустройстве Р. С. Ф. С. Р." В дальнейшем изложении мы отметим главнейшие моменты в самом содержании нашего законодательства о судоустройстве в их историческом развитии.

III.

От системы бифуркации судебных учреждений к системе единого суда. Основное содержание предлагаемой реформы — говорится в заменяющем об'яснительную записку к „Положению о судоустройстве" докладе замнаркома юстиции Крыленко—заключается в том, что оно, вместо наличия двух систем... дает одну систему суда, единую систему судебных учреждений, вне которых не может быть, „не должно, по крайней мере, быть никаких других судебных учреждений".[2])

Первый декрет о суде, хотя и упразднял общие судебные установления, но с тем, чтобы создать новые, „на основании демократических выборов" (ст. 1). Наметив организацию местных судов и определив их подсудность, декрет прибавлял: „о судопроизводстве по общим судебным делам будет издан особый декрет." Хотя декрет оставлял открытыми вопросы и о том, каково будет судопроизводство в общих судах, и как они будут организованы, но, как бы то ни было, в принципе им сохранялась установленная Судебными Уставами двойственная система судебных учреждений: местных и общих. Однако, уже в то время при издании декрета о суде № 1—как мы узнаем из первоначального проекта декрета, напечатанного в „Материалах Народного Комиссариата Юстиции",[3])—была выдвинута противоположная, в конце концов восторжествовавшая, система единого суда. Названный проект предполагал, упразднив как мировые, так и общие суды, заменить их одними *местными* рабочими и крестьянским революционными судами (ст. 6 проекта). Верх одержала тогда точка зрения сторонников сохранения деления юстиции на местную и общую.[4])

Второй декрет о суде, изданный уже при новом комиссаре юстиции (социалисте-революционере Штейнберге) определенно различал две системы судебных учреждений: местных и окружных народных судов с самостоятельными кассационными инстанциями. Местный суд, по декрету 24 ноября 1917 г., состоял из одного постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей. Хотя пределы участия

---

[1]) Материалы Нар. Ком. Юст. вып. 11—12, 1921 г. стр. 80.
[2]) IV сессия В. Ц. И. К. IX созыва 1922 г. стр. 23.
[3]) Вып. II, 1918 г. стр. 103—104.
[4]) Эта точка зрения, как сообщает комиссар юстиции Курский, отстаивалась главным образом, левыми социалистами-революционерами. Материалы Народного Комиссариата Юстиции. 1918, вып. 1 стр. 58.

народных заседателей в рассмотрении и решении судебных дел не определены в декрете, однако, не подлежит сомнению, что, они, наравне с местным судьею, должны были разрешать все вопросы, возникавшие в деле, и что положение судьи должно было отличаться лишь тем, что на его долю выпадало руководство заседанием. Так именно взаимоотношение судьи и заседателей определяется в журнале общих собраний местных народных судей города Москвы, выписка из которого (без обозначения даты) помещена в издании Московского Губ. Комис. Юстиции „Новый Народный суд" (М. 1918).[1]) Окружной народный суд, по декрету № 2, должен был разбирать гражданские дела в составе председательствующего, двух постоянных членов окружного суда и 4-х народных заседателей, а уголовные—„в составе двенадцати очередных заседателей и двух запасных, под председательством одного из постоянных членов суда" (ст. 3), причем при постановлении решений роль председательствующего ограничивалась дачею заключения о мере наказания и участием в совещании народных заседателей с правом совещательного голоса.

Когда позднее во главе судебного ведомства был вновь поставлен П. Стучка, был издан третий декрет, сделавший подсудность уголовных дел местным народным судам общим правилом, а народным окружным судам—исключением. Декрет этот был охарактеризован самим комиссаром юстиции, *как шаг к постепенному поглощению системы общих судебных учреждений* системою местных судов, которые, таким образом, и должны были получить первенствующее значение.

Взгляд, что система двух судов, местного и окружного, могла быть удержана лишь, как временная, был усвоен и преемником Стучки на посту комиссара юстиции Д. И. Курским.[2]) По его мнению, из двух отличий окружного суда от местного, установленных декретом № 2, одно, а именно большое число заседателей (12 вместо двух) по уголовным делам, не устанавливало между этими типами судов принципиальной грани, так как и при системе единого местного суда возможно увеличение числа заседателей по более сложным делам, а другое—три (а не один) постоянных судей в коллегии окружного суда по гражданским делам—излишне и может быть устранено, так как на деле обыкновенно активную роль играет лишь член докладчик. Можно было бы указать еще и третий признак, устанавливавший коренное различие между местным и окружным судом, поскольку они действовали в качестве судов уголовных, а именно: в то время как местный суд соответствовал типу шеффенского суда, с присущим ему равноправием постоянного судьи и судей-заседателей в решении подлежащих рассмотрению суда вопросов, окружной Народный Суд строился по типу суда с присяжными заседателями, с правом присяжных заседателей самостоятельно решать вопросы не только о виновности, но и о наказании, т. е. с той чрезвычайно расширенной компетенцией, которою в свое время (в 1900 г.) предполагал наделить присяжных заседателей во Франции проект Лагасса.[3])

---

[1]) См. авторитетное для этого случая раз'яснение П. Стучки: „Народный Судья председательствует в Народном Суде, но *голоса* его и заседателей равносильны по всем вопросам". П. Стучка „Народный Суд в вопросах и ответах" М. 1918, стр. 8.

[2]) См. доклад Д. И. Курского, „Основы революционного суда", представленный Всероссийскому с'езду Губернских и Областных Комиссаров Юстиции, в материалах Нар. Ком. Юст. вып. 1, 1918 г. стр. 58—59.

[3]) См. об этом проекте подробно у А. Рабиновича, „Участие присяжных заседателей в назначении наказания", в Журн. Мин. Юст., март 1916 г.

Наконец, последний шаг к сведению двухчленной системы судебных учреждений к системе одного местного народного суда был сделан декретом 30 ноября 1918 г. Согласно ст. 1-ой этого декрета, „в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики учреждается *единый* Народный суд в составе: 1) одного постоянного народного судьи; 2) двух или шести очередных судей—народных заседателей". В зависимости от рода дел, подлежащих его рассмотрению, производству или наблюдению, народный суд действует в составе или 1) одного постоянного народного судьи, или 2) постоянного народного судьи и двух очередных народных заседателей, или 3) постоянного судьи и шести очередных народных заседателей (ст. 5).

Каковы были мотивы введения, вместо двойственной системы общих и местных судебных учреждений, единого суда. ? О них мы узнаем, за отсутствием об'яснительной записки к декрету 30 ноября 1918 г. или за неопубликованием ее, из беседы с народным комиссаром юстиции Курским, напечатанной в „Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета" от 26 сентября 1918 г. Как было указано Д. И. Курским, замена двух типов судов системою одного суда, соответствующего типу местного народного суда, была продиктована следующими соображениями: во—первых, местные суды наиболее близки населению и по своему составу и территориально, во 2-ых, эти суды наиболее приспособлены для разбора уголовных дел, которые составляют подавляющую массу всех вообще дел, поступающих на рассмотрение суда, тогда как круг гражданских дел, по мере проведения в жизнь коммунистического строя, суживается.

Идея единого суда сама по себе вовсе не новая идея и, конечно, круг аргументов в ее пользу легко мог бы быть расширен заимствованием их из знаменитого трактата „О судопроизводстве", принадлежащего перу первоначального автора этой идеи Бентама. Ему принадлежит много раз цитированное восклицание: „Как были бы счастливы тяжущиеся, если бы существовал только один суд, если бы можно было сказать: „суд", как говорят: „дворец", „церковь",[1]) т. е. если бы тяжущимся не приходилось решать сложного и трудного вопроса о подведомственности дел. Особенно подкупающим кажется указание Бентама на искусственность и несправедливость установления подсудности гражданских дел в зависимости от цены иска, причем бо́льшие гарантии правосудия устанавливаются для дел по искам на более крупные суммы, которые принимаются за более важные дела. „Определять важность дела", рассуждал автор, „его номинальною ценою—значит впадать в большую ошибку. Важность какой нибудь суммы денег в отношении известного лица пропорциональна сумме его доходов. Если я имею 2000 р. годового дохода, а кто—нибудь другой—200000 р. то, очевидно, что рубль для меня имеет такую же ценность, как тысяча для него. Что я говорю? Он, может быть, даже не почувствует уменьшения дохода, тогда как для меня это может быть гибельно: отнимите у меня половину дохода, и я буду ввергнут в крайнюю нищету"[2]).

Новый суд был свободен от упрека, что для дел по малоценным искам, по которым тяжущимися обыкновенно являются лица более бедные, он устанавливал меньше процессуальных гарантий, чем для дел по крупным искам, пред'являемым состоятельными лицами к лицам также

---

[1]) См. „О судопроизводстве", соч. Бентама, изд. А. Книрима, СПБ., 1860 г. отр. 15.

[2]) Jbid стр. 17.

состоятельным; декрет 30 ноября 1918 г. установил для всех гражданских дел, независимо от цены иска, подсудность Народному Суду в составе постоянного народного судьи и двух очередных народных заседателей (ст. 8 декрета).

Разумеется, это единообразие подсудности гражданских исков стало возможным лишь благодаря отмеченному комиссаром юстиции в той же беседе значительному сокращению гражданских дел, обусловленному обращением в общественную собственность недвижимого и частью движимого имущества и национализациею большей части промышленности и торговли. Что касается единства суда по уголовным делам, то оно достигнуто ценою отказа от суда с присяжными заседателями.

Необходимо оговорить, что в действительности и в декрете 30 ноября 1918 г. законодателю не удалось осуществить в полной мере системы единого суда: поставив число заседателей в зависимость от рода подлежащих рассмотрению дел, и постановив, что в судебном присутствии с участием двух заседателей всегда председательствует постоянный народный судья, а в судебном присутствии с участием шести заседателей может председательствовать и один из заседателей (ст. 10), декрет тем самым расчленил народный суд на два типа судебных учреждений с неодинаковым численным составом и с факультативно различной организациею президиума.

Несоответствие наименования суда „единым“ той организации, которая была установлена в действительности, стало в особенности наглядным тогда, когда изменилась точка зрения на революционные трибуналы. Первоначально им не придавалось значения судебных учреждений. „Мы—писал в газете „Правда“ после переворота 25 октября (7 ноября) первый комиссар юстиции П. Стучка—мы, создавая особый революционный трибунал,определенно заявляем, что это не есть суд над политическими преступниками, но является особою организациею борьбы против контр-революционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний“[1]). При таком взгляде на революционные трибуналы существование их рядом с народным судом не мешало утверждать, что у нас существует „единый“ суд. С течением времени взгляд этот был признан „теоретическим недоразумением“[2]).

„Руководящие начала по уголовному праву Р. С. Ф. С. Р“, имеющие под собою подпись того же П. Стучки (Собр. Узак., 1919 г. № 66, ст. 590), относят уже революционные трибуналы, наряду с народными судами, к органам советского правосудия.—На третьем с'езде деятелей юстиции Крыленко отчетливо формулировал: „Трибунал есть судебное место“[3]). Отсюда уже с логической последовательностью вытекала необходимость: или признать, что у нас не одна, а две судебных системы, и значит отказаться от принципа единого суда, или ввести трибуналы в общую систему судебных учреждений. Тот же Крыленко, в качестве содокладчика по вопросу о судоустройстве на четвертом с'езде деятелей юстиции, наметил второй из двух указанных путей. Неожиданно, как он сам предупредил, для работников трибуналов, докладчик предложил положить конец „сепаратному, построенному децентрализованно, построенному параллельно с

---

[1]) Материалы Народного Комиссариата Юстиции—Народный Суд, вып. II. М. 1918 г. стр. II.

[2]) Эстрин. Единая судебная система и марксистская теория права, в Ежен. Сов. Юст. № 29-30 от 10-17 авг. 1922 года.

[3]) Мат. нар. Ком. юстиции. Вып. XI—XII 1921 г. стр. 83.

общими судебными местами" трибунальному производству[1]). Предложение это произвело впечетление „неожиданно взорвавшейся мины,[2]) эффектного фугаса"[3]); оно было квалифицировано, как,"музыка будущего"[4]). Оно вызвало очень энергичные возражения и не нашло себе прямого отражения в резолюциях с'езда о судоустройстве. Прошло немного времени, и то же предложение Крыленко, уже как докладчика на IV сессии В. Ц. И. К. по „проекту советского судоустройства", не вызвало никаких принципиальных возражений.

В результате мы имеем в настоящее время следующие основные учреждения судебной системы: „народный суд в составе постоянного народного судьи, народный суд в составе того же постоянного народного судьи и двух народных заседателей, губернский суд, верховный суд РСФСР" (ст. 1-ая Полож. о судоустройстве). Этот перечень судебных учреждений, однако, не дает представления о новой судебной системе, так как и губернский суд—этот, как охарактеризовал его докладчик, „крепкий кулак—судебный центр" [5]) и верховный суд состоят каждый из различных коллегий с различными функциями; так в составе губернского суда в сущности в учреждений: пленум губернского суда, уголовное отделение, кассационно уголовное отделение, гражданское и гражданское кассационное отделения, дисциплинарная коллегия. Оставляя в стороне последнюю коллегию, мы находили в губернском суде суды гражданский и уголовный первой и кассационной инстанции и суд, действующий в порядке надзора. Точно так же судом и первой и кассационной инстанции и судом, отменяющим решения в порядке надзора, является и верховный суд РСФСР, действующий в пленарном заседании, и в заседаниях коллегий кассационных, судебных, военной и военно-транспортной (ст. 55). Если присоединить к этому предусмотренные в ст. 2-ой в последней главе „Положения о судоустройстве Р. С. Ф. С. Р". специальные судебные учреждения для рассмотрения дел особых категорий (военные трибуналы, военно-транспортные трибуналы, трудовые сессии народных судов, земельные комиссии, арбитражные комиссии), то не трудно видеть, что единство народного суда и новою судебною реформою не осуществлено. Общественная ценность единого суда, если бы таковой удалось осуществить, заключалась бы в его простоте, увеличивающей его общедоступность; единство судебной системы и сложность ее—трудно друг с другом согласуемые понятия, а между тем и сам докладчик по „проекту советского судоустройства" признал, что в действительности вновь вводимая судебная система сложнее доныне существовавшей. „Пришлось пожертвовать", говорил он, „простотой для достижения других целей"[6]). Преимущество новой системы докладчик видел в том, что ею обеспечивается *„централизация судебной политики"*.

Таким образом, основная тенденция в самом содержании судебного законодательства совпадает с уже отмеченною нами тенденциею в порядке урегулирования судебной организации.

---

[1]) Мат. Нар. Ком. Юст. Вып. XVI—XVII 1922 г. стр. 38.

[2]) Jbid стр. 59.

[3]) Из речи Лисицына Jbid стр. 47.

[4]) Jbid стр. 57.

[5]) IV Сессия ВЦИК. М. 1922 г. стр. 25.

[6]) IV Сессия ВЦИК. 1922 г. Бюлл. № 1 стр. 29.

IV.

От порядка демократических выборов к началу классового представительства.

Декрет о суде № 1 мотивировал упразднение мирового суда тем, что мировые судьи избирались „непрямыми выборами". „Впредь" местные судьи должны были избираться „на основании прямых демократических выборов" (ст. 2). Таков был первоначальный принцип. Ему, однако, суждено было остаться только декларацией; немного времени спустя идея демократии была вытеснена идеалом советского строя[1]). Эта эволюция воззрений отразилась и на судебном законодательстве. Уже декрет о суде № 1 установил до назначения „прямых демократических выборов" временное избрание местных судей районными и волостными, а где таковых нет, уездными, городскими и губернскими советами раб. солд. и кр. депутатов. Бросается в глаза, что при таком порядке избрания местных судей, приведенная мотивировка упразднения мировых судей („заменяя мировых судей избираемых доныне *непрямыми выборами*") становилась излишней, или напротив, недостаточной, так как для заменивших мировых судей местных народных судей были установлены так же непрямые выборы. На советы раб. солд. и кр. депутатов декрет возложил—при том без оговорки, что это делается лишь временно,—и составление списков очередных заседателей и определение очереди их явки на сессии[2]).

Скоро точка зрения власти, создавшей первый декрет о суде, на то, какой порядок избрания судей представляется лучшим, изменилась: лучшим был признан не порядок „прямых демократических выборов", а порядок избрания советами, временно установленный декретом о суде № 1. О такой перемене свидетельствует уже декрет о суде № 2, который, определяя устройство окружных народных судов, постановлял в виде уже не временного, а постоянного правила, что члены окружных судов „избираются по округам местными советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов".

По декрету от 30 ноября 1918 г. постоянные народные судьи избирались в городах общими собраниями советов рабочих и крестьянских депутатов, а в уездах, включая города, не имеющие городских советов, исполнительными комитетами уездных с'ездов рабочих и крестьянских депутатов (ст. 13).

Конечно, такой порядок избрания судей больше, чем избрание их на основании прямых демократических выборов, согласовался с общим отрицательным отношением советской власти к принципам демократии и с тенденциею „слить" суд народный с единой советской властью[3]).

---

[1]) Hans Kelsen, в статье „Sozialismus und Staat (в Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung" 1920, 9 Jahrg., внимательно прослеживает, как „логика фактов—но не теория марксизма—принудила диктатуру пролетариата к решительному отклонению демократии".

[2]) Классовый характер, приданный организации местной юстиции, не устранялся *и тем видоизменением*, которое было внесено в порядок составления списков народных заседателей в Московской губернии постановлением Комиссаров Юстиции и местных судей Московской губ: с'езд установил, что „местные районные Советы являются инстанциями, утверждающими и регистрирующими списки заседателей; самое же составление списков кандидатов в заседатели должно быть предоставлено всем профессиональным и демократическим организациям, *стоящим на платформе признания советской власти*, как то: фабрично-заводским комитетам, профессиональным рабочим союзам, кооперативам, районным думам и т. п."

[3]) См. Основные тезисы доклада М. А. Рейснера на первом Всероссийском С'езде Комиссаров Юстиции, в „Материалах Народного Комиссариата Юстиции", вып. 1 ст. 50.

„Классовую структуру“—по выражению Крыленко, которого, повидимому, следует считать отцом последней судебной реформы—народный суд сохранил и в „Положении о судоустройстве“. Эта „классовая структура“ ставится названным автором в соответствие с назначением суда, которое в ст. 1 определяется, как „ограждение завоеваний пролетарской революции, обеспечение интересов государства, прав трудящихся и их об'единений[1])“.

Этим—раз'ясняет Крыленко—утверждается, что в первую голову и прежде всего—при остальных равных условиях—„охрана прав трудящихся, а не кого-либо иного является основной задачей, которую преследуют наши суды.“

В чем же проявляется классовая структура народного суда по „Положению о судоустройстве Р. С. Ф. С. Р.“? Прежде всего так же, как и по „Положению о народном суде“, в порядке комплектования народных судей. Народными судьями могут быть и теперь только лица, имющие право избирать и быть избранными в советы. Этим,—отмечается в докладе по проекту о судоустройстве,—„отметается всякий нетрудовой элемент“[2]). Далее, и в особенности, классовый характер реформируемого суда выражается в порядке составления списков народных заседателей[3]). Ст. 15 „Положения о судоустройстве“ с самого начала исключает из состава народных заседателей всех лиц, не имеющих права избирать и быть избираемыми в местные советы, т. е., прибавляет Крыленко, „всех представителей буржуазных нетрудовых слоев“. „В противоположность старому буржуазному государству—подчеркивается далее им—и в попрание принципа буржуазного демократизма о праве всякого гражданина быть судебным заседателем, судебная система Р. С. Ф. С. Р. прежде всего исключает всякого, принадлежащего к нетрудовому элементу, и этого мало: в самой среде трудящихся также проводит тот же самый принцип отбора согласно и в соответствии со всей структурой пролетарской диктатуры и руководящей ролью руководящего класса России“. И в самом деле: первоначальный отбор“ или точнее выборы кандидатов в народные заседатели производятся фабрично-заводскими комитетами, комиссарами воинских частей, волисполкомами, при чем, составляя списки кандидатов, названные учреждения сообразуются „со степенью их политической подготовленности“; по обсуждении мотивированных отводов, которые могут быть заявлены против каждого из кандидатов каждым трудящимся, и исправлении в случае уважительности отводов, списков,—последние через народного судью препровождаются „для утверждения“ в уездную „комиссию по разверстке“, состоящую из члена местного уездного исполкома, местного помощника губернского прокурора и одного из народных судей уезда, при чем комиссия с своей стороны исключает лиц, „почему либо не удовлетворяющих требованиям, пред'являемым нарзаседателям“; из текста закона нельзя с полной определенностью заключить, должна ли комиссия иметь в виду только формальные требования (политическая полноправность—требование ст. 15 и неопороченность—требование ст. 16) или также и требование политической подготовленности (ст. 21) кандидатов, или же в

---

[1]) Крыленко, Реформа судоустройства, в „Еженед. Сов. Юстиции“, „1922 г. № 37-38.

[2])IV Сессия ВЦИК. Бюлл. М. 1922 г. стр. 24.

[3]) Почему то автор, говоря о народных заседателях, в скобках поясняет: „быв. присяжных“, хотя едва ли правильно сближать соврем. народных заседателей с быв. присяжными заседателями.

вопросе о политической подготовленности решающее значение имеет избрание кандидатов учреждениями, составляющими первоначальные списки. „Комиссия по разверстке“ производит разверстку из расчета: 50% заседателей из рабочей среды, 35% из селений и волостей и 15% из воинских частей—(ст. 20). „Другими словами, комментирует Крыленко, при решении вопроса, как в области имущественных споров, так и в области охраны публичных прав и интересов Республики, голос рабочих должен быть представлен больше и лучше и сильнее, чем голос остальных слоев населения“.

Еще более выпукло, по словам того же автора, принцип, согласно которому „основным рычагом“ построения суда следует считать рабочий класс и его организации, проводится в нормах, определяющих устройство второй инстанции: народные заседатели для участия в нарсудебнех заседаниях губернского суда призываются по особому списку из граждан, имеющих не менее двухгодичного стажа работы в общественных и профессиональных организациях (ст. 44). Таким путем „гарантируется определенная выдержанность политической линии“[1]).

V.

От совершенного отрицания судейской независимости к установлению некоторых гарантий ее. Краеугольным камнем организации судебной власти процессуальною наукою до сих пор почиталось начало отделения судебной власти от законодательной и административной. Декретное советское законодательство решительно отказалось от этого начала. „Всякая пролетарская революция, писал бывший комиссар юстиции Стучка в статье “Пролетарская революция и суд“, начинает с того, что она на деле разбивает словесную теорию Монтескье о разделении властей“. А проф. Рейснер, в качестве первого и основного тезиса своего доклада, представленного Всероссийскому С'езду Комиссаров Юстиции, выставил утверждение: „Буржуазное государство представляет собою вынужденный компромисс угнетателей и угнетенных, вообще стремится к уравновешению и распределению властей: таково разделение представительства и правительства, государства и общества и, наконец, различных властей. Российская Социалистическая республика не имеет никакого интереса в особом разделении и уравновешении политических сил и, следовательно, не нуждается и в разделении властей“. По воззрению проф. Рейснера, начало разделения властей служит для того, чтобы создать иллюзию умеренности классового господства буржуазии в то время, как на деле оно остается беспощадным; кроме того, „выделение судебной власти в самостоятельный политический корпус представляет еще другие выгоды, так как подчиняет судебному контролю администрацию в интересах самой буржуазии.“[2])

Не все, разумеется, юристы социалистического направления так смотрят на разделение властей. Антон Менгер, социализм которого, правда, не раз был поставлен под подозрение, в своем известном опыте „нового“, именно социалистического учения, о государстве усмат-

---

[1]) IV сессия ВЦИК. IX созыва Бюл. М. 1922 г. № 1, стр. 27.

[2]) На страницах журнала „Пролетарская революция и право“ (1919 г. № 1), рассматривая теорию разделения властей под заголовком „Стоптанные башмаки“, А. Молочков доказывал ее непригодность: 1) тем, что она „оказывается бесполезной для исследования структуры власти “по конституции Р. С. Ф. С. Р. и 2) тем, что с точки зрения „Положения о народном суде“ „былое противопоставление судебной власти властям законодательной и исполнительной потеряло всякое основание“.

ривает конечную цель разделения судебной и правительственной функций государственной власти не в том, чтобы создать видимость смягчения классового господства, а в том, чтобы обеспечив судам независимость, создать реальную гарантию для важнейших индивидуальных жизненных интересов граждан от злоупотребления высших властителей. [1]) Исходя из такого взгляда, австрийский ученый не только не исключил независимость судей из числа начал, определяющих организацию власти в социалистическом обществе, но, напротив, полагая, что в этом обществе, так как власть должна в нем служить интересам всех, начало независимости должно быть распространено на весь персонал учреждений, ведающих охрану и поддержание порядка (die Ordnungsbehörden) [2]).

Идеология советского законодательства встала на прямо противоположную точку зрения: об'единение органов суда и органов управления установлением зависимости первых от вторых—таково было новое положение. Жизнь скоро выявила—и это теперь никем не оспаривается—неблагоприятные для юстиции результаты, вытекавшие из последовательного проведения этого начала. Новые деятели юстиции, призванные организовать правосудие на новых началах, скоро почувствовали всю тягостность их зависимого положения. На Саратовском Общегубернском С'езде деятелей юстиции, открывшемся 19 авг. 1918 г., уже раздаются жалобы на то, что „административные органы как будто являются контролем над судом, между тем как суд должен быть полноправным, „ответственным органом", и указывается на необходимость „отстаивать судебный авторитет". [3])

Но как же примирить эти жалобы и пожелания с доктриной, отрицающей принцип отделения судебной власти от административной? Товарищ председателя с'езда Поздняков прибег для этого к такому разграничению: „Деление власти на судебную, административную и т. п.—это старый бюрократизм... деление же функций между судебными и административными учреждениями—это есть только разделение труда". Очевидно, устанавливая это разграничение, автор упустил из виду, что и современная наука государственного права, если и пользуется выражением „разделение властей", то лишь в условном смысле разумея под ним строгое разграничение функций отдельных органов власти [4]),—такое разграничение, при котором правосудие было бы собственным делом суда, свободным и от прямого вмешательства и от давления со стороны органов управления, между тем, как именно это строгое разграничение функций и отрицала оффициальная доктрина.

Можно и должно признать, что историческое испытание требования разделения властей (не бывшего никогда полностью осуществленным) весьма существенно умалило его значение, как начала, определяющего взаимоотношения законодательной и административной властей.

---

[1]) Anton Menger, Neue Staatslehre, Jena, 1914, S. 187.

[2]) Jbid, стр. 188.

[3]) Материалы Народного Комиссариата—Юстиции, вып. V, 1918, стр. 6.

[4]) Напр., Ф. Ф. Кокошкин, Русское государственное право, вып. 11, М. 1908 г: „*Единая по существу государственная власть* (стр. 85).... заключает в себе три основные *функции*: законодательство, управление и суд (стр. 88)". Защищая классическое учение Монтескье о разделении властей, автор рассматривает ее среди „теорий распределения функций государственной власти (стр. 91), Ошибочное представление о трех самостоятельных властях, по мнению автора, следует связывать с именем Канта, а не Монтескье (стр. 113). В наше время бороться с этим ошибочным представлением, это значит ломиться в открытую дверь и, разумеется, не его имел в виду проф. Рейснер, возражая против доктрины разделения властей.

Зато требование последовательного обособления судебной власти, обеспечения ей независимого положения находило себе новое подтверждение всякий раз, как оно нарушалось. Для того, чтобы настаивать на этом требовании—в пользу него и у нас теперь раздаются весьма влиятельные голоса—нет даже надобности возводить разделение властей (в указанном условном смысле) на степень принципа государственной политики—достаточно признать за ним значение технического приема и гарантии осуществления начала законности в деятельности судебных учреждений. Чтобы законность имела для судьи значение категорического императива, судья должен быть независим; ему должен быть обеспечен авторитет, в свою очередь обеспечивающий от произвольного вмешательства администрации.

Посмотрим, как эта мысль, в начале революции решительно отвергнутая, постепенно получает признание. Всего лучше это сделать на примере вопроса о том, что считается основной гарантией судейской независимости—о несменяемости.

Первоначально и официальная юридическая литература и законодательство были озабочены одним: в противоположность требованию дореволюционной доктрины твердо установить начало сменяемости судей; [1]) о том, что нужны гарантии против неосновательного устранения судей, не говорилось.

„Нам нужен, говорил на первом с'езде комиссаров юстиции проф. Рейснер, суд народный, выборный, *сменяемый*, который был бы слит с единой советской властью в общности ее цели и революционной борьбы". [2])

То же требование сменяемости судей в очень категорической форме было выражено на страницах журнала „Пролетарская революция и право": „Пролетариат—писалось здесь (в ноябре 1918 г.), облекая своих представителей исключительной полнотой власти, какой еще не знала история, отказался бы по существу от своей диктатуры, если бы допустил хотя бы в одном пункте, хотя бы для одной отрасли государственного управления, несменяемость того или другого своего представителя," и дальше еще более решительно: „Диктатура пролетариата может признать только интересы своего класса в целом. Отзыв всякого должностного лица в любой момент—это не только норма пролетарской диктатуры — это неразрывная составная часть самого понятия диктатуры рабочего класса". [3])

Начало отозвания судей было впервые прямо выражено во 2-м декрете о суде, в его первой части „об окружных народных судах", но было явно лишь последовательным распространить его и на местных судей. Инструкция Комиссара Юстиции об организации и действии местных народных судов и сделала этот вывод, постановив в примечании к ст. 5: „Постоянные судьи могут быть отозваны Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов, их избравшими, в любое время". А из отчета Народного комиссара юстиции, напечатанного в 1 № журнала „Пролетарская революция и право" видно, что комиссариат юстиции приписывал себе право *требовать* от местных советов увольн-

---

[1]) Говоря о несменяемости и сменяемости, все время надо помнить, что сторонники несменяемости не отождествляют последней с безответственностью, а лишь требуют правовых гарантий (приговор уголовного или дисциплинарного суда, свободного от административного воздействия) против устранения судей по усмотрению.

[2]) См. основные тезисы доклада М. А. Рейснера на Всероссийском С'езде Комиссаров Юстиции в Материалах Народного Комиссариата Юстиции вып. 1 стр. 50.

[3]) № 7. стр. 18—19.

нения судей, признаваемых им „недостойными и бездеятельными", при чем это право мотивировалось уже выше названным „принципом демократического централизма".

Декрет 20 ноября 1918 г. закрепил начало отозвания судей примечанием к статье 13, гласящим: „Постоянные Народные Судьи могут быть отозваны в любое время Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов или Исполнительными Комитетами С'ездов Советов, их избравшими".

Равным образом, „председатель и члены следственной комиссии могут быть отозваны во всякое время, как советами, их избравшими, так и соответствующими высшими органами советской власти" (ст. 30). Не было сделано исключений и для судей, составляющих президиум кассационных судей—советов народных судей, и они отзывались губернскими и городскими исполнительными комитетами, как по их инициативе, так и по представлению с'ездов и собраний Народных Судей (ст. 84).

Положение о народном суде ред. 1920 г. уже переносит окончательное решение вопроса об отзыве судей, по общему правилу, в губернский центр, очевидно, видя в этом гарантию против произвола местных властей: отозвание судьи избравшим судью советом или уездным исполнительным комитетом должно было быть подробно мотивировано и подлежало утверждению Губернского Исполнительного Комитета, при чем требовалось предварительное заключение отделов юстиции.

Однако этих гарантий оказалось далеко недостаточно. Практика отзывов судей привела, как свидетельствует о том Крыленко в статье „Реформа судоустройства" [1]), к „фактической абсолютной зависимости судов от мест"—к такому положению судей, которое автор считает одним из „основных дефектов" судебной системы до нового закона о судоустройстве.

Тот же автор с еще большею решительностью осудил создавшееся положение в докладе на IV сессии Всероссийского с'езда деятелей советской юстиции, где уже им прямо было выставлено требование несменяемости постоянных судей, понимаемой им в смысле определенного порядка увольнения судей (хотя и не в смысле допустимости их увольнения лишь по суду). Приведем соответствующее место доклада целиком [2]): „Заседателей в районе дает исполком, а председательствующего дает совнарсуд. Так вот *благоволите же председателей не отзывать*. Благоволите ими не швыряться. Мне скажут, это буржуазный предрассудок—несменяемость судей. [3]) Я не боюсь этого слова. Я должен сказать, что в той системе, которую я предлагаю, несменяемость проводится от А до Я, проводится последовательно и неуклонно. Я утверждаю, что при буржуазном строе не было несменяемости. Это был вздор, потому, что буржуазия всегда удаляла нежелательных судей. Мы открыто это делаем, ибо наш суд есть классовый суд. В определенном порядке мы—господствующий класс—сменяем судей, но в определенном порядке. В этой форме гарантия того, что эта несменяемость принесет плюс, а не будет проявлением самодурства отдельных исполкомов". Заметим, что отдельные голоса в пользу

---

[1]) Еженед. Сов. Юстиции 1922 г. № 37—38, стр. 3.

[2]) Матер. Нар. Ком. Юст. вып. XVI—XVII, М. 1922 г. стр. 39.

[3]) Вспомним, что на 3 с'езде деятелей юстиции докладчик по проекту уголовного кодекса Козловский говорил: „Забудьте иллюзии о независимости судей. Это буржуазный вздор" Мат. Нар. Ком. Юст. М, 1921 г. стр. 80.

судейской независимости раздавались уже и раньше в советской печати.[1]) Первый шаг к некоторому обеспечению судейской независимости был сделан в области военного законодательства положением о полковых судах (Собр. Узак. 1919 г. № 31—32). По ст. 23 этого положения, председатель и судьи полкового суда могут быть устранены от своих должностей лишь в случае возбуждения против них дел по обвинению их в совершении тех или иных преступных деяний.

Новое „Положение о судоустройстве" различает два вида увольнения судей: „отзыв" и „смещение с должности" (ст. 13) при чем в отзыве „нет элементов кары, наказания, опорочения", в „смещении же от должности имеет место порочащий элемент" [2]). В первом случае,—т. е. когда судья устраняется по мотивам, как надо думать, политического свойства, для отзыва по прежнему требуется постановление губернского Исполнительного Комитета, но ст. 13 „Положения о судоустройстве" ставит это постановление в зависимость от предложения Народного Комиссара Юстиции или под контроль его: когда отзыв народного судьи „имеет место" по собственной инициативе Губисполкома, то последний обязан одновременно сообщить подробные мотивы отзыва Народному Комиссару Юстиции. Таким образом, в целях ослабления местных влияний к вопросу об отзыве судьи всегда привлекается центральная власть. Закон оставляет открытым вопрос, как следует поступить в случае расхождения мнений Губисполкома и Комиссара Юстиции.

В отношении членов губернского суда закон определеннее: их „отзыв" по ст. 43, односторонним постановлением Губисполкома, без санкции Народного Комиссара Юстиции, совершенно не допускается.

В отличие от отзыва, „смещение с должности" судей обставлено гораздо большими гарантиями. Оно возможно лишь по приговору суда или дисциплинарной коллегии Губернского или Верховного суда, при чем в порядке дисциплинарного производства возможно лишь „отстранение от службы с запрещением работы в судебных должностях на срок" (ст. 74 п. г.).

Ставя дисциплинарный порядок разбора дел всецело в зависимость от усмотрения дисциплинарной коллегии, закон все же предоставляет обвиняемому:

1) право дачи личных об'яснений (ст. 78),

2) право последнего слова, если коллегия выслушает заключение прокурора (ст. 80),

3) право обжалования в верховный суд постановлений дисциплинарных коллегий губернских судов (ст. 83).

VI.

От множественности кассационных инстанций, при отсутствии органа, об'единяющего их практику, к созданию высшего кассационного суда.

Вторую—именно кассационную инстанцию—местного народного суда, по декрету от 24 ноября 1917 г. должен был составить уездный, а в

---

[1]) Так, в № 174 „Известий Народного Комиссариата по военным делам" (6 августа 1920 г.) автор статьи „О постановке судебной экспертизы в военно-судебных учреждениях" говорил о „стремлении военной власти перейти к несменяемости, а тем самым и к независимости судей, что должно сказаться на твердости и справедливости судебных приговоров". В первом-же номере „Еженедельника Советской Юстиции" за 1922 г. И. Славин писал: „Тактическая линия пролетариата лежит на пути установления прочных гарантий личности.... Эта задача может быть разрешена... укреплением самостоятельности суда, отделением судебных функций от административных" (стр. 7).

[2]) IV сессия В. Ц. И. К. Бюл. М. 1922 г. № 1, стр. 25.

столицах—столичный с'езд местных судей, позднее переименованный в совет местных судей (ст. 5 декр. о суде № 3). В качестве второй инстанции, в которую подаются жалобы на окружные народные суды, декрет о суде № 2 установил областные народные суды.

Как с'езд местных народных судей, по декрету о суде № 1, так и областные суды, по декрету о суде № 2, состояли только из постоянных судей и не включали в себе народных заседателей. Такое построение кассационной инстанции находилось в видимом противоречии с не раз выражавшимся признанием верховенства „народного права“[1]), ибо, если назначение народных заседателей в первой инстанции заключается в том, чтобы подобно шеффенам древне-германского права или нашим „судным мужам“ „правды стеречь“, „legem (в данном случае—народное право) dicere“, то они должны входить, как в первую, так и во вторую инстанцию—безразлично. будет ли последняя апелляционная или кассационная, ибо ясно, что при признании верховенства „народного права“ и кассационная инстанция должна давать гарантии его знания и надлежащего понимания. Однако, положение о Народном Суде 30 ноября 1918 г. не ввело народных заседателей в состав советов народных судей, заменивших с'езды местных судей и областные народные суды.

Вслед за „Временною инструкциею по организации и действию народных судов Московского Совета местных народных судей“ (ст. 19), и декрет 30 ноября 1918 г. также предусматривает образование в составе Совета Народных Судей двух отделений: уголовного и гражданского.

Советы народных судей—это, как сказано, инстанция кассационная, а не апелляционная. Отмена апелляции была провозглашена первым же декретом о суде (ст. 2) по отношению к местным судам, и затем подтверждена вторым декретом о суде—по отношению к окружным народным судам (ст. 4).

Кассационному суду можно ставить одну или две задачи: или только задачу юридически—правильного разрешения каждого данного дела, или также более широкую и более значительную задачу внесения в судебную практику единообразия, без которого не может быть равенства всех граждан перед судом и законом. Эта последняя задача общего судебно-политического значения, без которой роль кассационного суда существенно умаляется, не чужда была декрету о суде № 2.

Так как задача об'единения судебной практики не достигалась бы при раздроблении кассационных функций между большим числом советов местных народных судей,—так как при этом условии самая кассационная практика отличалась бы неизбежным разнообразием,—то декрет о суде № 2 создал новое учреждение: „верховный судебный контроль“. Это учреждение по декрету № 2, должно было состоять из представителей областных народных судов.

Оставалось непонятным, почему верховный судебный контроль, построенный на начале представительства от кассационных судов, должен был включать в себя, лишь представителей областных народных судов, но не с'ездов местных народных судей, хотя задачею его, повидимому, было об'единение кассационной практики, как тех, так и других. По ст. 6 декрета, „Верховный судебный контроль в случае отмеченных им противоречий в толковании законов различными касса-

[1]) „Источник всякой власти у нас внизу в народных массах, и менее всего мы можем стеснять или тормозить развитие в судах народного права“ См. материалы, вып. 1, стр. 52.

ционными инстанциями, *выносит об'единяющие принципиальные решения, которые кассационными инстанциями принимаются впредь к руководству*".

Раньше, чем учреждение „Верховного судебного контроля" было действительно осуществлено, декрет № 3 заменил его учреждением кассационного суда в г. Москве из двух отделений—гражданского и уголовного—в составе: председателя и его товарища, утверждаемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом по представлению Народного Комиссариата Юстиции, и 8-ми членов, избираемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом из кандидатов, представленных Окружными Народными судами *и Советами местных судей*".

В положении о суде 30 ноября 1918 г. законодатель совсем не ставил перед собой задачи об'единения судебной практики при помощи кассационной функции. Декретом утверждалось столько советов народных судей, сколько образуется в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республике судебных округов, по общему правилу, совпадающих с губерниями (ст. 81).

Таким образом положение возвратилось к тому раздроблению кассационной функции между большим числом, (учреждаемых по одному для каждой губернии) кассационных судов, какое у нас было установлено Положением 12 июля 1889 г. о земских участковых начальниках (ст. 123), при чем, в отличие от этого Положения, декрет 30 ноября не принимал никаких мер к тому, чтобы внести единство в толкование законов многочисленными кассационными судами.

Неудовлетворительность такого положения должна была с очевидностью сказаться тогда, когда лозунгом дня стало подчинение практики всех учреждений требованию „революционной законности". Ни о революционной и ни о какой либо другой законности в практике суда не могло быть и речи, пока, как выразился докладчик по проекту советского судоустройства в IV сессии [1]), „дело, решенное одновременно народным судом Рязанской губ. и аналогичное дело разрешенное в Тульской губ. могли быть разрешены различно".

До сих пор сохранили всю свою свежесть и как нельзя более соответствуют крепнущему сознанию огромной важности—для всех сторон общественной жизни—водворения в ней начала законности соображения составителей Судебных Уставов 1864 г. о необходимости создания единого „верховного кассационного суда". „Для граждан—писали составители Судебных уставов—не может быть большего зла, когда они не знают, что законно, что противно закону, когда они теряют сознание о своих правах и обязанностях, между тем как всякое гражданское общество существует прочно только под управлением на твердом основании закона" и затем: „Только при единстве толкования закона судебная доктрина может сделаться достоянием каждого и в нашей русской жизни установится тот дух законности, при котором только и можем ожидать общественного благоустройства и настоящего, а не мнимого прогреса". [2]) Советское законодательство первоначально, преследуя цель „установления правильного и единообразного применения всеми судебными органами законов РСФСР", пошло, как известно, иным путем, чем Судебные Уставы: положением о высшем судебном контроле 10 марта 1921 г. общий надзор за деятельностью судебных органов, преподание им руководящих раз'яснений и указаний по действующему советскому праву и даже отмена приговоров и реше-

---

[1]) Бюллетень № 1, стр. 28.
[2]) Мотивы к ст. 189 Уст. Гр. Суд. (журн. 1864 г. № 44).

ний судебных органов РСФСР, хотя бы и вступивших в законную силу, но основанных на неправильном применении закона, возложено на Народный Комиссариат Юстиции, в составе которого уже и ранее имелся особый отдел судебного контроля (Собр. Узак. 1920 г. № 90, ст. 465).

Неудовлетворительность такого положения, при котором право отмены судебных решений, даже вошедших в законную силу, принадлежало органу администрации, хотя бы и судебной, не подлежит сомнению. [1])

Высший судебный контроль, по „Положению о судоустройстве" уступает свое место верховному суду с его кассационными коллегиями и пленарными заседаниями.

В пленарных заседаниях Верховный суд отменяет и изменяет приговоры любого суда республики по предложениям Президиума ВЦИК и Прокурора Республики, Президиума Верховного суда и по протестам председательствовавших в заседаниях этих коллегий или их прокуроров. Таким образом, это не есть кассационная инстанция в собственном смысле, так как кассационная жалоба не принадлежит к числу поводов передачи дела на рассмотрение его в пленарном заседании верховного суда.

Значение высшего кассационного суда придается кассационным коллегиям Верховного суда; из сопоставления ст. 5 и п. 2 ст. 60. Положения следует заключить, что именно на них возлагается рассмотрение в кассационном порядке дел, решенных губернскими судами (в первой инстанции кассационные определения губернского суда могут быть опротестованы лишь в порядке надзора; следовательно *множественность кассационных инстанций в отношении дел, подсудных народному суду, остается не устраненной).*

Докладчик по проекту о советском судоустройстве IV сессии ВЦИК решительно возражал против сближения кассационных коллегий с кассационными департаментами сената. И, конечно, даже оставляя в стороне различие в их организации, тесно связанной с общим государственным строем, следует признать, что такое сближение было бы совершенно неосновательным. Достаточно указать две особенности кассационных коллегий:

1) они действуют *под руководством председателя* Верховного Суда (ст. 61), тогда как в кассационных департаментах сената первоприсутствующий руководил лишь порядком заседаний, но не их деятельностью, 2) решения кассационных коллегий Верховного суда могут быть отменены тем же Верховным Судом в Пленарном Заседании (ст. 60).

Н. Полянский.

---

[1]) На IV Всероссийском С'езде Деятелей Сов. Юстиции даже представитель Наркомюста Славин говорил: „деятельность Высшего Судебного контроля в настоящем виде страдает известными дефектами в том смысле, что он не представляет собою судебного места, а административное" (Мат. Нар. Ком. Юстиции, вып. XVI—XVII М, 1922 г. стр. 54).

Предание суду по действующему русскому праву.

Действующий Уголовно-Процессуальный Кодекс 25 мая 1922 года представляет из себя законодательный акт, имеющий значительно больший интерес для изучения по сравнению с предшествующим законодательством о суде, ибо с одной стороны самый факт его появления находится в логической связи с тем переломом в ходе нашей государственной жизни, лозунгом которого явилось провозглашение принципа законности, а с другой в самом содержании его надлежит видеть осуществление мысли законодателя „дать своеобразную декларацию прав, которые государство дает каждому для того, чтобы он мог знать, на что он может рассчитывать, что ему будет предоставлено для защиты„[1]).

Изучение тех принципов, которые частично или полностью заложены в его основу, позволяет сделать вывод, что теория процессуального права не чужда была его составителям, ибо целый ряд вопросов, которые она выдвигает на первый план так, или иначе расценен в этом законодательном акте. В частности, вопрос о гарантиях личности поднимался во весь рост перед составителями Устава. Он не нашел себе полного разрешения, такого, какое мыслит наука,—черта, свойственная не одному нашему положительному праву,—но постановка вопроса заслуживает внимания. „Сущность правильно построенного процесса будет заключаться в том, чтобы построить его так, чтобы с одной стороны дать личности определенные гарантии от возможных судебных ошибок, дать ряд формальных правовых гарантий, а с другой... чтобы обеспечить силу и авторитет карающей руке в интересах государства, когда это последнее сталкивается с нарушением правового порядка“[2]).

Классовая природа правосудия, официально исповедываемая нашим законодательством, не должна иметь такого значения в процессуальном праве, какое она имеет в праве материальном. „Судебный аппарат всегда являлся и является поныне орудием классовой борьбы“, говорит один современный исследователь нашего права[3]), „и нормы, как материального права, так процессуального, служат всецело интересам того класса, который стоит у кормила государственной власти“. „Однако есть глубокое различие между характером тех и других“, говорит он далее. „В то время, как материальное право всецело осуществляет интересы господствующего класса, закрепляя это господство по указу императорского величества или по указу демократической Республики, процессуальные нормы заключают в себе ряд постановлений, которые общи для всех граждан“,—как напр., о гарантиях личности и о порядке обжалования, о гласности, о равноправии сторон и т. д.

В ряду институтов процессуального права, где особенно ярко оттеняется соприкосновение интересов личности и государства, институт предания суду представляет большой интерес для исследования. До выхода Уг. Проц. кодекса наше законодательство уделяло ему мало внимания.

Постановка вопроса о предании суду, в теории и западно-европейском положительном праве, общеизвестна, и сущность ее сводятся к следующему.

---

1) Доклад Крыленко в III сессии В. В. И. К. Бюллетень № 4, стр. 18.
2) Там же.
3) Н. Славин. Наш кассационный отд. Материалы НКЮ, XV.

Теория интересуется им, как тем последним актом стадии предварительного производства, который должен дать юридическое обоснование или для открытия главного производства процесса, или для прекращения уголовного преследования. Публичный интерес, проникающий все отдельные институты современного процесса, требует полной отчетливости и твердости пред'являемого обвинения, соответствующего достоинству того органа государственной власти, на который обязанность эта возложена. Он логически исключает всякую мысль о возможности личного усмотрения, а тем паче, личной заинтересованности обвинителя в этом моменте, а потому заботою всякого положительного законодательства должно явиться—с одной стороны—чтобы органы предания суду были высоко авторитетны по своим личным качествам и положению, а с другой—дабы правовые рамки их деятельности обеспечивали полную об'ективность решения. Необоснованность обвинения или недостаточная его обоснованность также логически чужды публичному интересу, а потому мысль законодателя прежде всего должна быть направлена к тому, чтобы положение обвиняемого, принимающего на себя всю непосредственную тяжесть обвинения, вполне соответствовало его роли в процессе, как носителя определенных прав и обязанностей.

Известно, что неосновательное обвинение ложится на него столь тяжелым бременем, моральным и материальным, что даже грядущее оправдание не может явиться иногда достаточным искуплением причиненного вреда. Определение о предании суду, особенно в тех случаях, когда оно исходит от наиболее авторитетного органа предания суду-судебного места, в качестве обвинительной камеры,—если оно не достаточно основательно, способно особенно отягчить участь обвиняемого, ибо оно как бы предрешает вопрос о виновности,—что впоследствии, на судебном разбирательстве, может дать силу самым ничтожным уликам [1]).

Отсюда теория отмечает, что гарантировать интересы обвиняемого можно лишь допущением, в той или иной мере, начала состязательности в этой стадии процесса. Формы осуществления его могут быть поставлены в зависимости от того, является обвинение результатом требования стороны или же оно является плодом убеждения обвинительной камеры после проверки оснований обвинения. В первом случае начало состязательности требует предоставления обвиняемому права возражения против обвинения, во втором должно быть предоставлено право обжалования. Таково мнение, выраженное в свое время Глазером, и в дополнение к нему, можно сказать, что нет препятствий к возражению и обжалованию в обоих случаях. Возражения на обвинительный акт, в форме словесной и письменной, известны французскому, австрийскому и венгерскому положительным законодательствам, о чем более подробно будет указано ниже.

Сообразно всему изложенному органы предания суду должны быть сконструированы так, чтобы быть на высоте падающей на них задачи. Моментом, определяющим возможную простоту и большую сложность их организации, должна являться тяжесть правонарушения, а, следовательно, и размер ответственности. Но так как при создании их необходимо бывает примирить некоторые противоположные интересы, вне интересов права лежащие, а именно—с одной стороны иметь их в таком составе, чтобы не обременять государство расходами на лишний судейский или иной персонал, а с другой—не допускать

---

[1]) Глазер. Руководство по Уголовн. Процесс. I,38.

промедления в этой стадии процесса,—то задача, выпадающая на долю законодателя, представляется не столь уже простой.

Положительные законодательства Западной Европы и до-революционной России разрешали эту задачу различно. В этом отношении все положительные законодательства дают примеры двух типов настроения: нарадного в Англии, Сев. Америке и Франции, до 1808 года, и Коронного—в прочих государствах. Первый тип гарантирует интересы государственные и общественные, презумируя, вместе с тем, охрану интересов личности, заложенную в самом существе идеи народного участия в этом моменте процесса, второй создает охрану публичного начала путем поручения оценки поводов предания суду или единолично прокурору, по большинству дел, как в Шотландии, или особой камере предания суду из Коронных судей при судах I или II инстанции, в сочетании, по делам нисшей подсудности, с единоличным обвинением,—в остальных континентальных государствах (во Франции после 1808 года).

Гарантии для личности обвиняемого даются или проведением ревизионного начала, заключающимся в том, что обвинитетельные камеры принимают на проверку, в силу закона, по делам высшей подсудности, все обвинительные акты прокуроров, или допущением в этой стадии состязательности. В том и другом случае обвиняемый имеет гарантию еще и в особливо внимательном отборе состава прокуратуры, что возможно лишь при глубоком внедрении начал права в поведение тех представителей государственной власти, от которых зависит ее назначение.

Ревизионное начало целиком было принято во Франции, до-революционной России, Италии и отчасти—Германии, избегающей специального обряда предания суду (§§ 205 и206 Общ. Гер. Устава 1876 г.) и именующей этот момент „решением об открытии судебного производства". Состязательность, в форме обжалования, допускается обычно на определения о предании суду или отдельно или вместе с приговором. Отдельно знают его: Франция (в особых случаях), Венгрия по Уставу 1896 года и Италия по Уставу 1913 г.; только вместе—Германия, Россия по до-революционному праву и Австрия по закону 1877 г. (ранее—по Уставу 1873 г., допускалось обжалование только в особых случаях). Представляется особенно интересным, что Австрийский и Германский Уставы, суживая пределы состязательности в этом моменте, дают им расширение в другом. Обвиняемый имеет право возражений против обвинительного акта при передаче его в Камеру. Особенно внимательно это право разработано в Австрийском и Венгерском Уставах (первый § 207 и далее), где следователь или председатель обвинительной камеры при суде I инстанции пред'являет обвиняемому поступивший к ним обвинительный акт и последний получает право возражения на него в течение 8 дней. Возражения приносятся суду II инстанции, которая, в этом случае, рассматривает вопрос во всем об'еме, при чем в Венгрии стороны допускаются и к словесным об'яснениям. Аналогичную гарантию знает и Французское право, допуская представление участвующими в деле записок по делу, которые рассматриваются обвинительной Камерой совместно с делом.

По до-революционному русскому праву обжалование определений Судебной Палаты отдельно от судебного приговора не допускалось. Но Сенат, допуская толкование закона, входил иногда в рассмотрение определения обвинительных камер в порядке надзора, исключительно в интересах закона, т. е. без отмены и изменения. Таким образом, по русскому праву состязательное начало специально в этой стадии отри-

цалось, и интересы личности ограждались исключительно ревизией. Недостаток такого порядка сознавался Министерством Юстиции, и в 1909 году им был внесен в Государственную Думу проект введения состязательного начала в предание суду по Австрийскому образцу, с отменой ревизий совершенно. Мотивы этого представляют интерес для законодателя во всякое время. Технического характера мотив заключался в ожидаемом ускорении движения дел, так как статистика показала, что средний срок на рассмотрение заключений в двух Палатах, Московской и Петербургской, наилучше обставленных в смысле количества судебных работников, выражался в 36 днях для первой и 19 для второй. Мотив же принципиальный—забота об интересах обвиняемых—подкреплялся тем соображением, что статистические сведения за 5 лет, с 1899 года по 1903 г. дали в среднем всего 3,7 до 4,6% случаев замены обвинительных актов прокуроров определениями Палат, при чем самые изменения носили несущественный характер—что происходило по переобремененности Палат. Между тем, одна статистика 1903 года давала основание предполагать, что при установлении права обжалования самими обвиняемыми количество поступающих в Палату дел сократится. Из числа осужденных в этом году 53. 469 человек более трети—19. 148—признали на суде свою виновность; следовательно, можно было с большой вероятностью предполагать, что это количество обвиняемых не использовало бы свое право переноса вопроса о предании суду в Палату [1]). Проект этот был отвергнут Государственной Думой, ибо введение его без введения защиты на предварительном следствии было признано нежелательным.

Что касается вопроса, при каких судебных инстанциях-первой или во второй-наиболее целесообразно организовать камеру предания суду, то теоретические соображения говорят за то, что наиболее уместно нахождение их при судах второй инстанции, иначе, судьи, принимавшие участие в разрешении вопроса о предании суду, могут оказаться в составе суда, рассматривающего дело по существу. Такое смешение обвинительных и судебных функций в одном органе, помимо принципиальной его недопустимости, крайне неблагоприятно отразилось бы на участи подсудимого, ибо мнение судьи в заседании судебном по делу, по которому он уже однажды высказался в заседании обвинительной камеры, не было бы свободным, равно как не было бы достаточно свободным и мнение других судей того же суда, имеющих между собой постоянное общение.

Не иметь хотя бы отчасти предрешенного взгляда на дело могли бы лишь те из них, которые случайно о данном деле ничего не слышали, а это возможно лишь по маловажным делам. По более же значительным и сложным, а тем более имеющим общественный интерес, именно там, где личность обвиняемого нуждается в наибольшей охране, возможно как раз обратное явление.

Положительные законодательства в большинстве учитывают эти соображения и организуют обвинительную камеру при судах II инстанции. Таковы уставы Франции, Австрии, Венгрии и до-революционной России. Австрийский устав при этом прямо требует такого характера изложения соображений о предании суду, чтобы им не предрешалось разбирательства дела по существу. Смешение судебных и обвинительных функций в одном судебном месте в известной мере допущено Германским процессуальным правом, где вопрос

---

[1]) Об'яснить зап. к проекту стр. 25-29.

„об открытии судебного производства“ решается в той же I инстанции, которой предстоит решить дело по существу. И хотя формально стадии предания суду Германское право не знает, и в этом его оправдание, однако не без основания такой порядок находит себе осуждение в литературе. „Суд в таком случае оказывается в совершенно ложном положении. Вместо того, чтобы ожидать исхода процесса с абсолютной нейтральностью, суд чувствует себя, до известной степени, заинтересованным в исходе дела, соответствующем его мнению“[1]).

В свое время, при составлении Германского Устава, было сделано предложение воспретить судьям, участвовавшим в составлении определения об открытии судебного производства, участвовать по тому же делу в судебном заседании. Однако, по соображениям экономии личного персонала судов, рейхстаг принял тогда компромиссный выход, установив, что в судебном заседании могут участвовать не более двух судей из числа рассматривавших вопрос о предании суду, и, во всяком случае, не может участвовать „судья, делавший доклад о ходатайстве прокуратуры“ [2]).

Задача настоящего очерка-дать краткий анализ действующих постановлений о предании суду нашего отечественного права. Это обязывает нас, после схематического очерка основных моментов стадий предания суду по иностранным законодательствам, остановиться несколько подробнее на постановлениях русского права, непосредственно предшествовавшего периоду революционного творчества в этой области, преемственность которого устанавливал декрет о суде № 2.

По мысли составителей Судебных Уставов специальная стадия предания суду должна была иметь место исключительно по делам большей важности, а именно тем, по которым обвиняемому грозит лишение всех или всех особенных прав (ст. 544 У. У. С.). Этим очерчивался круг подсудности Окружным Судам с присяжными заседателями (ст. 201 У. У. С.). Обвинительная камера конструировалась при Судебной палате, и, благодаря этому, члены обвинительной камеры никогда не могли явиться судьями дела по существу. Когда позднейшими новеллами из этой категории дел были изъяты все дела, переданные в подсудность сословных представителей, то для них особой камеры предания суду организовано не было именно по тому соображению, что создавать таковую при Палате-значило бы возлагать обязанность предания на то же судебное место которому надлежало суждение по существу, переносить же ее на инстанцию высшую—Сенат—не признано было возможным, дабы не переобременять его. Поэтому для этих дел отдано было предпочтение порядку предания прокурорскою властью, однако, не единоличною, а связанною решением особого Губернского Совещания (ст. ст. 1035[27] и 1035[32] У. У. С.).

Что касается всех прочих дел, грозящих меньшими по тяжести наказаниями, и не грозящих праволишениями, то для них особого порядка предания суду установлено не было, а поступали они на судебное разбирательство в местных судебных установлениях—властью единоличного судьи, в общих—путем внесения обвинительного акта или жалобы частного обвинителя непосредственно в Окружный Суд (ст. 527 У. У. С.). Этот последний в распорядительном заседании рассматривал дело лишь с точки зрения его подсудности, принятия обвинения в целом или в части, прекращения или приостановления,

---

[1]) Handbuch Holtzendorff II, 43.

[2]) Глазер I, 222.

словом, только в отношении всех условий, необходимых для слушания дела (ст. ст. 547, 549, 554—555).

Совершенно особый порядок устанавливался для дел частного обвинения, подсудных Окружному Суду, и дел о преступлениях по службе должностных лиц. По первым частная жалоба заменяла собою обвинительный акт и должна была соответствовать требованиям, к нему пред'являемым. В случае ее несоответствия Палата должна была заменять ее определением о предании суду, исчерпывающим дело, при чем прокурор не присутствовал при вынесении определения. В отношении вторых существовала административная гарантия.

Приведенный очерк позволяет перейти к анализу действующего нашего права, так как мы имеем уже для этого отправные точки зрения. Останавливаясь на нем, нельзя миновать периода революционного законодательства, предшествовавшего выходу Уголовно-Процессуального Кодекса, так как без изучения его не будет ясна эволюция правовой мысли законодателя в этом вопросе.

Детализация постановлений, касающихся этой стадии процесса, известна лишь Уголовно-Процессуальному Кодексу. В первых декретах о суде отсутствуют какие либо указания по этому вопросу. Известно, что в области законодательства о суде Р. С. Ф. С. Р. должны быть различаемы два периода направления законодательной мысли. Первый, выразившийся в декретах №№ 1—3, (с 24-го ноября 1917 г. по 20-е июля 1918 г.) создавший организацию местных, окружных и областных судов, когда ломка до-революционного права производилась „с большой осторожностью и деликатностью", и когда не были изжиты еще до конца „иллюзии буржуазной демократии", [1]) и второй, ныне длящийся, открытый „*Положением о едином Народном Суде*" 1918 года, в котором основы реформы намечены более радикально.

Порядок предания суду специально не регламентируется в первый период. Лишь из общего смысла закона можно сделать вывод, как себе его мыслил законодатель или, вернее, как его надлежало бы понимать. Ст. 8 декрета о суде № 2 устанавливала, что судопроизводство во вновь организуемых судах „происходит по правилам Судебных Уставов 1864 г. постольку, поскольку они не отменены декретами В. Ц. И. К. и С. Н. К. и не противоречат правосознанию трудящихся классов". Принимая во внимание, что никаких иных постановлений о предании суду закон не давал, и что вместе с тем, никакого органа, соответствовавшего прежним Судебным Палатам в новой системе также не было, а прокуратура была упразднена, и институт публичного обвинения отрицался в корне, можно притти к заключению, что указания по интересующему нас вопросу можно получить лишь как вывод из сопоставления приведенной статьи и ст. 3 декрета, согласно которой „все подготовительные к суду распоряжения принимаются коллегиально в составе не менее 3 постоянных членов Окружного Народного Суда" и отчасти из ст. 10, по которой все вопросы о подсудности подлежали рассматриванию в том суде, в который они поступили. Вывод мог быть только один, что и вопрос о предании суду подлежал разрешению в этой трехчленной коллегии. В нее поступало обвинительное заключение следственной комиссии (ст. 22), о предании суду, ею окончательно рассматривалось и утверждалось, и, если оно признавалось недостаточно обоснованным, то могло быть возвращено для доследования.

---

[1]) *Д. Курский* „Пролетарское право" Сборн. статей „Советская Юстиция" 1919 г.

Не богаче по содержанию были сначала постановления в той области второго периода законодательного творчества. Их мы находим в„ Положении о Едином Народном Суде“ 1918 г. и ныне частично действующем „Положении“ 1920 г. Первое, заменив ссылку на судебные Уставы 1964 г. решительным воспрещением ссылаться на законы свергнутых правительств, выдвигает момент предания суду по делам большей важности , относящимся к компетенции суда с заседателями, и обходит молчанием порядок оценки основательности обвинения по делам менее важным.

Первоначальная оценка следственного материала по западному и до—революционному русскому праву, отграниченная от органов следственной власти и принадлежащая прокуратуре, „Положением“ 1918 года отнесена к обязанности первой. Следственная комиссия должна была составить мотивированное постановление о прекращении дела или о предании суду и направить его в Народный Суд, которому принадлежало право возвратить дело к доследованию (ст. ст. 36 и 39). Некоторое признание начала состязательности в этом моменте можно усмотреть из ст. 38, дающей право обжалования постановлений Следственной Комиссии, каковое, будучи общим правом, надо понимать, относилось и к вопросам о предании суду, ибо правило ст. 38 непосредственно следует за нормой, устанавливаемой ст. 36. Пробелом закона являлось отсутствие указаний на порядок приготовительных к суду распоряжений, и самое понятие „распорядительных заседаний суда“ отсутствовало. „Положение“ 1920 года в ныне отмененной его части сохраняло совершенно тот же порядок (ст. ст. 34 п. 3, 35—38), возлагая те же обязанности на единоличного следователя, сменившего Коллегиальные Комиссии. Также существовало право обжалования, срок для которого был увеличен с 8 дней на 2 недели, и также окончательное решение по вопросу о предании суду принадлежало тому же суду, которому впоследствии надлежало высказаться по существу. Видимо, законодателя совершенно не беспокоила мысль о смешении обвинительных и судебных функций, а равно и о том, чтобы хотя общими чертами отграничить деятельность коллегии предания суду от судебной.

Как на положительную сторону законодательства о суде надлежит указать на упразднение административной гарантии для должностных лиц; таковая в моменте предания суду установлена была лишь для членов В. Ц. И. К. в форме согласия Президиума его.[1]) Любопытно отметить, что складывающееся в ходе жизни правосознание на местах отставало в этом вопросе от мысли законодателя, и Н. К. Ю. приходилось дважды раз‘яснять в циркулярном порядке, что никакого предварительного согласия от местных Исполкомов на возбуждение дела и на предание суду должностных лиц отнюдь не требуется, но при этом указывалось однако, что таковое в отношении членов Исполкомов и их Президиумов и, в особенности, Исполкомов и Президиумов их в целом должно производиться „с соблюдением особой осторожности“.[2])

Значительно большую стройность и продуманность содержат в себе постановления Уголовно-Процессуального Кодекса. К нему, как к законодательному акту, родившемуся под лозунгом насаждения законности, могут быть пред‘явлены и большие требования в смысле соответствия правовой мысли его отдельных институтов теории процесса и тем достижениям, которые известны Западно-Европейскому поло-

---

[1]) Постановление В. Ц. И. К. от 17 декабря 1919 г. ст. 24.
[2]) Циркуляры 1919 г. № 43 и 1921 г. № 13/III.

жительному праву, поскольку правовой фундамент их однороден. Уголовно-Процессуальный Кодекс знает два порядка предания суду: представителями судебной власти (с участием и без участия прокуратуры) и непосредственно прокурором.

Первый порядок конструируется или при участи единоличного судьи или коллегиально, судебным органом, в распорядительном заседании суда. Единолично народный судья имеет право предания суду по поступающим к нему непосредственно делам, по которым он не признает нужным производство дознания (ст. 251 п. 3) или предварительного следствия, и когда производство последнего не обязательно по закону (ст. 237). Во всех этих случаях он выносит постановление о предании обвиняемого суду и назначает дело к слушанию, а в повестке обвиняемому указывает сущность обвинения.

Коллегиально, в распорядительном заседании подлежащего суда, с участием прокуратуры, обсуждается вопрос о предании суду по делам, по которым производилось предварительное следствие, и которые не иначе могут поступить в суд, как с обвинительным заключением прокурора (ст. ст. 239, 404 и 425), составленным в порядке ст. 233—236. Распорядительное заседание, в составе судьи и двух заседателей (ст. 252), не имеет при этом права рассматривать акты предварительного следствия, а обязано исключительно остановиться на следующих вопросах: 1) достаточно ли обосновано пред'явленное обвинение данными, приведенными в описательной части заключения, 2) правильно ли формулировано обвинение, согласно данным той же описательной части, 3) предусмотрено ли оно Кодексом и какою именно статьей, 4) подлежит ли изменению, и какому именно, список лиц, вызываемых в судебное заседание.

Несмотря на ограниченность пределов изучения дела одною лишь описательною частью заключения, рассмотрение его не должно, по мысли закона, носить узко формального характера, ибо распорядительное заседание в праве вынести определение о доследовании и о прекращении дела (ст. 241). Прекращение дела может иметь место только в двух случаях, точно указанных в законе: за отсутствием состава преступления (ст. 243) и за необоснованностью обвинения (ст. 242), доследование же возможно лишь в последнем случае. В этих постановлениях заслуживает особого внимания мысль, отчетливо подчеркиваемая законом, что вопрос о соответствии описательной части и обвинительного заключения данным предварительного следствия поверке распорядительного заседания не подлежит.

Если это положение сопоставить с правом суда обращать дело к доследованию, то ясно, что это возможно лишь в случае недостаточно продуманной деятельности прокурора („необоснованность обвинения“) и совершенно не возможно в случае неполноты следствия, т. е. недостаточно законченной деятельности следователя или же назаконности мер, принимавшихся на следствии и приведших к неполноте его.

Суждению ее подлежали поводы возникновения дела, все следственные действия, „обращая внимание на соблюдение установленных форм и обрядов“, и в подлинниках на протоколы, имеющие существенное в деле значение.

Только по ознакомлении с этими данными, участвовавший в заседании Прокурор Палаты прочитывал суду заключение местного прокурора, и обвинительная камера, сравнивая его с теми данными, которыми она уже располагала, выносила свое определение, признав дело не достаточно или „достаточно полным и произведенным без нарушения обрядов и форм судопроизводства“.

Помимо изложенного заслуживает быть отмеченной и видимая неполнота ст. ст. 243 и 242 в отношении права прекращения дела. Не только недостаточная обоснованность обвинения и отсутствие состава преступления должны повлечь таковое, но также и законные причины, как смерть, давность, амнистия (ст. 4), которые могут не иметь еще места до поступления дела в суд и потому могут быть не учтены своевременно следователем и прокурором. Что касается также коллегиального порядка рассмотрения вопроса о предании суду без участия прокуратуры, то таковой должен иметь место в случае поступления в суд дознания в порядке п. 2. ст. 107, когда дознанием добыты данные, изобличающие кого либо в совершении преступления, за которое высшее наказание лишение свободы на срок до одного года. В этом случае дела вносятся в суд по подсудности непосредственно.

В виду отсутствия промежуточной деятельности прокурора они не будут иметь при себе обвинительного заключения, и каким правилам должно быть подчинено их рассмотрение—из закона не видно. Повидимому, в данном случае распорядительное заседание будет поставлено в необходимость рассмотреть дело шире пределов, намеченных ст. 240, и внести его в суд со своим определением, заменяющим обвинительное заключение. В Уголовном Кодексе можно найти такие деяния этой категории по наказуемости, признаки которых особенно трудно установить, и которые по подсудности должны будут поступать и в суды различного состава. Таково, напр., превышение пределов необходимой обороны, повлекшее тяжкое повреждение (ст. 152), подсудное суду с двумя заседателями, а то же деяние, повлекшее смерть—ст. 145—подсудное суду с шестью заседателями (ст. 26). Установление признаков их в судебной практике является одним из труднейших вопросов, почему участие прокуратуры в моменте предания суду по ним было бы в высшей степени полезным.

Второй порядок предания суду—без участия судебного места, непосредственно прокурором, имеет место по делам, поступившим к нему от органов дознания, когда наказание за преступление не ниже одного года или выше этой нормы, и когда материал дознания при этом достаточно полон (ст. 225 и п. п. 1 и 3 ст. 107). Прокурор в этом случае постановляет о предании обвиняемого суду и направляет его со списком вызванных лиц по подсудности в трехдневный срок после составления постановления, а Народный Судья суда, в который поступило дело, непосредственно назначает дело к слушанию (ст. ст. 227 и 238). Таков порядок нормального движения дела, когда оно достаточно полно. Если же прокурор признает его недостаточно выясненным, то обращает его к дополнительному дознанию или к предварительному следствию. К последнему он обязан обращать дело, если оно оказывается подсудным суду с шестью заседателями или губернскому суду, и не обязан, но может, если найдет это нужным (ст. 110). Так как статья 110 не связывает его точными поводами в этом случае, то можно предположить, что он будет руководствоваться в данном случае важностью и сложностью дела, но во всяком случае размеры угрожающей кары его к этому по закону не обязывают. В этом случае в дальнейшем движении дела предание суду уже не будет зависеть только от власти прокурора, а, по окончании предварительного следствия, оно подчинится общим правилам ст. ст. 233—236 п. 240.

Таков порядок предания суду по действующему праву. Для полноты исследования следует остановиться еще на вопросе об обжаловании постановлений о предании суду, как на моменте, выявляющем начало состязательности и гарантирующем личность обвиняемого

от неосновательного обвинения. Специального обжалования определений о предании суду наш закон не знает, обжалование же постановления обвинительного заключения следователя фактически невозможно, ибо оно остается неизвестным по существу обвиняемому, так как предъявление следствия предшествует составлению обвинительного заключения (ст. 213).

Но из рассмотрения статей главы XXV об обжаловании определений и приговоров суда надо притти к заключению, что прямого запрещения обжаловать определение о предании суду в законе не содержится, и таковое возможно как отдельно, так и вместе с приговором.

Далее остается отметить, что в отношении административной гарантии закон не отклоняется от принятого раннее взгляда, и не устанавливает ее в моменте возбуждения дела и предания суду. Исключением является остающееся в силе постановление о гарантии для членов В. Ц. И. К. Персональная подсудность для некоторых должностных лиц, устанавливаемая ст. ст. 417, 456, 458, 459 Уг. Пр. Код. имеет другую юридическую природу.

Переходя к оценке приведенных постановлений Кодекса надлежит сказать следующее.

Публичный интерес, в смысле достижения возможной отчетливости и твердости обвинения, формально огражден действующими постановлениями в достаточной мере, во-первых участием в формулировке обвинения по большинству дел прокуратуры, а во-вторых ревизионным контролем суда в качестве обвинительной камеры. По существу же он был бы несравнено более гарантирован, если бы распорядительное заседание суда в суждениях своих не было поставлено в рамки пределов обвинительного заключения. Ревизия, столь обуженная самим законом, в таком виде много теряет в своей ценности. Прокурорская власть, в силу присущей ей обвинительной тенденции, всегда склонна так комбинировать материал предварительного следствия, чтобы подкрепить в описательной части более сгущенными красками выводы обвинительного заключения. Оценить его по достоинству можно лишь имея перед собою подлинные материалы следствия. Преувеличенные же обвинения при суде, подчиняющемся только велениям своей совести и свободном от давления извне, психологически способно склонить его мнение в пользу подсудимого зачастую более, чем он того заслуживает. Отсюда—ослабление твердости обвинения и ущерб публичному интересу. Нам не известны мотивы законодателя, приведшие к такому ограничению прав обвинительной камеры. Если предположить, что они сводятся к тому, чтобы оградить суд, которому впоследствии придется решать дело по существу, от предвзятого мнения, могущего сложиться у него при детальном изучении дела в стадии предания суду и, таким образом, гарантировать интересы подсудимого,—если это предположение верно,—то представляется еще вопросом, что способно причинить ему больший вред. Такое ли „черновое“ судебное разбирательство с возможным предрешением его виновности или же одностороннее изучение прокурорского заключения, на котором суд призван поставить только свой штемпель.

Касаясь вопроса об ограждении интересов обвиняемого и гарантий для него от неосновательного обвинения, надлежит отметить, что свободная ревизия суда являлась бы для него уже большой гарантией. При полном почти отсутствии состязательности в этой стадии (она лишь в праве обжалования) единственным стражем его интересов является ревизия распорядительного заседания суда. И чем больший круг дел восходил бы на ревизию, тем было бы для обвиняемого лучше,

равно как чем более тяжелым является грозящее наказание, тем более внимательной поверке должно подлежать обвинение. Между тем, нельзя сказать, чтобы тяжесть обвинения всегда была разграничительным признаком между теми делами, которые обязательно подлежат ревизии и теми, которые вносятся в суд единолично прокурорской властью. Выше было указано, что закон принимает за разграничительный признак наличность или отсутствие предварительного следствия, устанавливая в общем правиле, что отсутствие предварительного следствия дает прокурору право внесения дела в суд непосредственно со своим постановлением. Но есть целый ряд преступлений, караемых весьма сурово, по которым прдварительное следствие по закону не должно иметь места. Таковы преступления, предусмотренные ст. ст. 155 и 163 ч. 2—лишение свободы не ниже 3 лет, ст. 157 ч. 2 и 192—тоже, не ниже 2 лет со строгой изоляцией, ст. 178 и ст. 179—не ниже 1—2 лет. Все они подсудны суду с двумя заседателями (ст. 26) и, следовательно, предварительное следствие по ним возможно лишь по усмотрению прокурора (ст. 110). Гарантии для подсудимого по этим делам могут повыситься в зависимости только от того случайного обстоятельства, если дознание по ним окажется неполным, и прокурор обратит их к следствию. Они уйдут тогда от единоличного порядка предания суду прокурором (ст. ст. 229—244).

Если начало состязательности в процессе вообще обуживается в своем применении по нашему праву, то казалось бы, что именно в стадии предания суду, там, где камера предания суду целиком идет по пути проторенному одной стороной—обвинителем, было бы справедливо и не противоречило бы духу Устава представить обвиняемому, в противовес довлеющему мнению обвинителя, право возражения на обвинительный акт, известное Австрийскому и Венгерскому праву. Этим корректировалась бы ст. 240, связывающая руки распорядительному заседанию суда.

Последний вопрос, на котором надлежит остановиться в настоящем очерке, это вопрос об организации самой обвинительной камеры. Сконструирована она—хотя закон и не именует ее этим термином—при суде I инстанции и, благодаря этому, смешение обвинительных и судебных функций в одном и том же судебном месте приобретает особенно опасное для судьбы обвиняемого значение. В законе нет запрета, чтобы не только судьи и народные заседатели, принимавшие участие в решении вопроса о предании суду, не участвовали бы в решении дела по существу, но даже нет такого запрета для члена-докладчика (ст. 241), как то в свое время принято было в Германском праве. А между тем, идея недопустимости смешения в одном лице обвинительных и судебных функций не чужда нашему праву: ст. 47 п. 3 говорит о необходимости отвода судьи, если он участвовал в деле как обвинитель. Представляется понятным, что, с точки зрения экономии лиц судебного персонала, такая мера, как отвод ряда судей, была бы стеснительна и, быть может, вызвала бы лишние расходы для казны, потребовав усиления состава. Но интересы правосудия превалируют над итересами фиска, выход же может быть найден и без нарушения их. Этот выход—перенесения обвинительной камеры для дел нисшей подсудности в суд II инстанции, в губернский суд, для дел же, решаемых этим последним в качестве суда I инстанции—в особые присутствия или обвинительные камеры при кассационных отделениях. Если там не будет народных заседателей, то это обстоятельство не может уже почитаться таким, чтобы его нельзя было преодолеть.

А. Колосов.

Тоска в тюрьме и тюремные развлечения.

Если бы нужно было указать самую характерную черту тюремной психологии, то отыскать ее было бы очень нетрудно; она слишком на виду у всех, нисколько не скрываясь, она слишком бросается в глаза всякому, даже и невнимательному наблюдателю. Размеры ее и яркость ее проявления на тусклом сером фоне одиночной и общей камеры тюрьмы невольно приковывают к ней взоры.

Эта черта—скука, тоска—краеугольный камень, фундамент всей тюремной жизни. Это—тоска от гнетущего однообразия всего уклада жизни „Мертвого Дома", „Кладбища живых".

Кто бывал в тюрьме, тот согласится с нами, что когда *Тардье* в своем психологическом исследовании о скуке рисует портрет скучающего человека, он как будто рисует перед нами облик арестанта с его „тяжелою походкою, неподвижными, оцепенелыми чертами лица, с видом человека, находящегося на сто футов под землею, чуждого всему окружающему, одинокого в мире живущих". *Тардье* дает несколько характеристик различно скучающих: от пресыщения, от истощения, от отсутствия разнообразия вследствие монотонности жизни и проч. В главе, где он характеризует скуку, вызываемую монотонностью жизни, он говорит о жизни монаха (очевидно не о той, которую они ведут в действительности, а о той, какую они должны вести по регламенту монастырей) и находит, что скука арестанта, создаваемая обстановкою из камня и железа, не интересует психолога[1]). Если автор, говоря это, имел в виду, что скука, вызываемая тюремным заключением, не имеет в себе ничего типичного в сравнении со скукою вообще от однообразия жизни, то он был не вполне прав. Обстановка „из кирпича и железа" в современных тюрьмах—исключительная, не похожая на жизнь в монастырях и казармах[2]).

Свою особую печать скука накладывает на всех арестантов через очень короткое время после их заключения. ***Конопницкая*** уверяет, что через два года все арестанты похожи один на другого. Только самым сильным удается сохранить свою индивидуальность, но не далее третьего года заключения, после чего походка у всех становится тяжелою, медлительною, движения вялыми, неуклюжими, цвет лица глинистым[3]). Это—тот самый портрет скучающего, который дает Тардье. Внешнее сходство завсегдатаев тюрьмы и долголетних ее обитателей подтверждает также ***Ганс Лейсс***, считавший, например, родными четырех молодых арестантов, которые оказались совсем чужими друг другу, но одинаково выросли в исправительных заведениях и тюрьмах[4]).

В полном соответствии со внешним сходством заключенных находится сходство их настроения. Притупляющая тоска становится общим достоянием политического и уголовного арестанта и там, где арестант находится в заточении совместно с другими и там, где у него одиночная камера, и он в большей или меньшей степени изолирован от других. Тяжелой походке, вялым движениям, тусклому взору

---

[1]) *Tardieu*, L'ennui. Etude psychologique. 1903. 113 стр.

[2]) Там же 121 стр. автор дает характеристику скуки от однообразия, заставляющую искать развлечений не только взрослого и ребенка, но даже и животного и принуждающего человека менять образ своей жизни, знакомства, друзей, шляпы и галстуки....

[3]) *Мария Конопницкая* . Тюремные картинки, Перев. 2911.

[4]) *Ганс Лейсс*. В исправительной тюрьме. Перев. с немецк. 97 стр.

отвечает тяжесть речи, вялость мысли, тусклость языка. Заключенный становится „равнодушным ко всему и всем, ленивым на разговор до того, что не хочется повернуть мозгами, чтобы вспомнить то, что нужно было сказать“ [1]).

Записи в тюремных дневниках становятся отрывочными, короткими, и самая передача на страницах этих дневников мыслей и ощущений становится скупою на слова. Видно, что перо не бодро скользило по бумаге, а лениво выцарапывало короткие фразы из коротких слов: „Скучно. Пусто. Тяжело и нравственно и физически. Какое бесцельное существование“ [2]).

„Пусто, монотонно. Ни свежей мысли, ни свежего течения. Точно под водой, где все задернуто одним темноватым фоном“. „Туман в голове, сердце в тисках. Хожу и думаю: когда бы конец... Что мне, повеситься что ли... Страшные тюремные мысли, черные соблазны“ [3])...

Это, как будто, слова одного и того же лица, а на самом деле они взяты из дневников трех заключенных. Особый интерес для нас, в этом отношении, представляет дневник Новорусского, который он вел в Шлиссельбургской крепости. Но интерес этого дневника специфический и только для тех, кто интересуется тюремной психологией: этот дневник важен для нас, как показатель отсутствия у заключенного всякого интереса. Он настолько скучен, что мы позволяем себе сильно сомневаться, многие ли из читателей того общего журнала, в котором он был впоследствии напечатан, нашли в себе силы прочесть хотя бы небольшую часть этих скучнейших записей при всем уважении и при всем интересе к личности самого узника-автора. Не забудем отметить, что ведение дневника относится уже к тем годам, когда заключенные в Шлиссельбургскую крепость получили право свиданий друг с другом, уже имели библиотеку, работали в своих мастерских. Уже на второй день ведения своего дневника Новорусский не знает о чем писать. Отмечая пустоту жизни, когда „обленившаяся голова охотнее и охотнее погружается в бессмыслие“, он сетует на самим же им поставленную себе задачу: „изволь найти крупицы, которые стоило бы занести в дневник, да еще изо-дня в день, изо-дня в день“. Пропустив в первую же неделю ведения дневника один день без записи, он оправдывает себя (21 окт.), что, если и 10 дней пропустить, заметно не будет, „до того ничтожны перемены, до того малосодержательны целые недели“. Сравнивая свободу с тюрьмою, он пишет: „Боже, как пусто, более пусто, чем в камере, которая всетаки установлена кое чем, напоминающим жизнь“. Изыскивая материал для записи в дневник, он делает выписки из прочитанных книг, пишет о скуке, вспоминает, что хотел сделать несколько набросков о прошлой тюремной жизни, но признает, что это прошлое сливается в одно сплошное пятно. Через две недели после начала дневника (под 1 ноябрем) только следующие три—четыре строчки: „Ну, наконец, можно отметить перемену: заболел в самом животном месте, да при том так, как едва ли когда нибудь болел, точно холера ломает всего“. Следующие два дня болезнь живота дает материал для записей, и автор отмечает, что для нарушения скучного однообразия полезно день-другой почувствовать себя больным. (№ 9—10). Проходит месяц со дня начала дневника, и автор его думает, что занести в него, и спрашивает: „не значит ли это, что ни преобладающих впечатлений, ни мыслей, долго

---

1) *Новорусский.* Дневник Журн. Мир. 1908 г. № 11—12 21 стр.

2) *Ювачев.* Шлис. креп. 49 стр.

3) *Тан.* Тюр. мысли. Вест. Ев. 1911, Ноябр. 129 стр.

занимающих внимание, ни сильного чувства—ничего такого не имеется". Через короткое время запись о появившемся насморке (27 нояб.), которого уже год не было. Это событие дает материал к некоторым рассуждениям, философствованию. Далее идут записи о прочитанном, о паре слезинок, вызванных прочитанною повестью, неясная запись о рыданьях в течение целого часа. Снова запись о насморке. И горькие записи о скуке: „монотонно, однообразно. Время поглощено все, или, может быть, само поглощается при довольно апатичном отношении усталого мозга ко всему окружающему". Через три месяца, за которые сделано всего десяток записей, снова короткие фразы о скуке: „тоска до слез, до малодушия, до необходимости искать помощи в обливании лба холодной водой". Через год с месяцем после его начала дневник обрывается и навсегда, несмотря на то, что именно в это время его автор целый месяц не выходит из камеры, занявшись „вынашиванием" куриных яиц на животе, чтобы вывести цыплят.

Немецкий уголовный арестант, даже и непытающийся вести тюремного дневника, сумел охарактеризовать убивающую скуку заточенья одною короткою фразою: „здесь живешь от чая до обеда и от обеда до ужина[1])". С нетерпением ждать обеда и ужина заставляет *не физический, а душевный голод:* доставка в камеру пищи получает характер такого события, которое, хотя бы в некоторой степени, нарушает тюремное однообразие.

В наших руках был номер нелегального рукописного тюремного журнала, выходившего в Бутырской тюрьме в начале девятисотых годов. Авторами статей были исключительно политические каторжане. Одна из статей этого журнала, носящая заглавие „С тоски", настолько ярко описывает царящую в камере скуку, что мы не можем не воспроизвести здесь хотя бы некоторой ее части. Ее автор остался неизвестным, так как подписи под нею никакой не стоит. Но под нею могла бы стоять подпись всей камеры политических заключенных. Не даром рассказ ведется от первого лица множественного числа. С одинаковым правом могла бы стоять здесь подпись и всей тюрьмы со всеми общими и одиночными камерами, с политическими и уголовными заключенными. Не тем, что уголовное население тюрьмы не знает тоски заточения, а только ниским его культурным развитием об'ясняется отсутствие письменных документов, вроде статьи „С тоски". Ее автор описывает, как в камере шел по самому ничтожному поводу самый ожесточенный спор старавшихся перекричать друг друга заключенных, и как сразу, вдруг, этот спор прекратился. Обращаясь к читателю на свободе, автор статьи говорит: „О, вы понятия не имеете как о темах тюремных споров, так и о том жаре и запальчивости, с какими спорят арестанты... Вы знаете, отчего это? Как звери в клетке, ходим мы целый день по камере. Ходим, сталкиваемся друг с другом, готовые вспылить по малейшему поводу. За долгие годы неволи в нас не осталось ни одного здорового нерва. Они натянулись до последней степени. Вид, слово, жест сокамерника раздражает до желания кричать, ударить... И ходишь, и бегаешь от стены к стене, расхаживаешь тоску свою физическим утомлением, стараясь подавить гложущего каждого из нас червяка. Но вот, кем то брошена случайная фраза... Кто то возразил. И спор готов. Как голодные звери набрасываемся друг на друга, все зараз. В камере сразу

---

[1]) Почти дословно также характеризует тюремную скуку шлиссельбуржец Ювачев (Шлис. креп. М. 1907 г. 50 стр.): „покончил с обедом—значит прожил половину дня—надо прожить—провести еще другую половину".

становится шумно, кричат, волнуются, перебивают друг друга... Тоска ведь, тоска тоскущая... С горя, с тоски, с невыразимой тоски по „воле", по вольному ветру, широкому простору, колосящемуся полю, с тоски по свежему человеку, по новой книжке, с тоски по здоровой и захватывающей работе, с тоски тоскущей спорим мы, ссоримся, бранимся... О, какая тоска. Тоска-а-а" [1]).

Этот стон несется из общей камеры политических заключенных Бутырской тюрьмы (1907 г.?) Таких „письменных документов" тюремной скуки нам не дает общая камера уголовных арестантов. Но это совсем не означает, что скука не переступает за порог этой камеры, что где нибудь в тюрьме есть такой уголок, на который не распространяется во всей ее полноте власть царства тюремной скуки. Скука царит везде: и там, где заключенные, не занятые никаким трудом, слоняются из угла в угол, или лежат по койкам, но также и там, где они работают у машин, быстро приводимых в движение силою пара или электричества и создающих иллюзию деятельной жизни этих „каторжников", методически, размеренно совершающих несложные, однообразные движения в течение всего долгого рабочего тюремного дня. С внешней стороны эта работа у машин нисколько не отличается от работы свободных рабочих, также как не отличается от нее распространенное в тюремных камерах занятие клейкой конвертов, бумажных пакетов, приготовление коробок, укладка товара в коробочки, оклеиванье бандеролью и т. п. Но на общем фоне тюремной жизни каждый новый день, который повторяет с пунктуальною и фотографическою точностью предшествующий день и, поэтому, не является в сущности новым днем, тюремный труд не только не вносит оживления, но является лишь одним из звеньев длинной цепи утомительно-скучного тюремного однообразия. В свое время нам придется остановиться на психологии тюремного труда, но скажем теперь же, что при его организации современная усовершенствованная тюрьма совершенно не считается с убивающим или, по крайней мере, притупляющим однообразием этого труда. Есть все основания утверждать, что нередко такое однообразие вносилось вполне сознательно, чтобы сделать тюремную скуку и тоску по воле еще сильнее, еще больнее. Стоит только вспомнить еще не так давно существовавшие в английских тюрьмах так называемые ступальные мельницы, представлявшие из себя цилиндр или вал со ступенями, приводившийся в движение арестантами, которые переступали со ступеньки на ступеньку этого цилиндра, не соединенного с чем либо проводами. Поэтому, этот однообразный труд оставался безрезультатным. Особым циркуляром предписывалось занимать арестантов в русских тюрьмах переноскою песка из одной кучи в другую. Прекрасною иллюстрациею всего тюремного режима, построенного на скуке, служит наблюдавшееся мною во французских тюрьмах дисциплинарное наказание-так называемый дисциплинарный зал. Наказание заключается в том, что арестанты дисциплинарного зала проводят здесь время в сменяющем одно другое сиденье и хожденьи через каждые 15 минут. Для сиденья установлена особая поза, а для хожденья предписывается делать определенное количество шагов каждую минуту, не больше и не меньше предписанного. Так, современная пенитенциарная мысль „гениально" изобрела дисциплинарное наказание, которое утомляет своим скучным однообразием еще более, чем весь однообразный режим наказания лишением свободы.

---

1) Рукописный нелегальный тюремный журнал „Бутырки", издававшийся в Московской т. н. Бутырской тюрьме в 1907 г. (?)

О скуке в общей уголовной тюрьме мы имеем богатейший материал в виде тех своеобразных тюремных развлечений, на описании которых мы останавливаемся ниже. *Оскар Уайльд*, характеризуя скуку уголовных арестантов, подчеркивает, что режим тюрьмы стремится уничтожить в стенах тюрьмы те различия, которые несут с собою различные времена года, день и ночь. „У нас, говорит он, одно время года: время скорби. Даже солнце и луну у нас как будто отняли. Пусть на дворе сверкает день лазурью и золотом-свет, что вползает сквозь сумрачное тусклое стекло, в окно с железною решеткою, за которою мы сидим,—скуден и сер. Вечные сумерки в нашей камере, как вечные сумерки в нашем сердце. И в области мысли, как в области времени, движения больше нет". [1])

Матовые стекла „усовершенствованной" тюрьмы, особые щиты на оконных рамах, самые размеры этих рам не допускают в камеры яркого света, устанавливают там „вечные сумерки". Но „сумерки" в камере и „сумерки" на сердце, по признанию некоторых заключенных, становятся особенно тягостными зимою. Турати говорит о печали и страхе, которые он испытывал в тюрьме в долгие зимние вечера, когда в его камере раздавались монотонные, размеренные шаги заключенных, ходящих из угла в угол по своим камерам на пространстве двух метров. [2]) Точно также и *Григорий Гершуни* вспоминал, что зимняя обстановка действовала на него „особенно тягостно и разрушающе": небо, воздух, стены, сам заключенный покрывались однообразным серовато-белым цветом, все сливалось в мертвую серую массу. [3])

Мы считаем, что результатом именно этого тоскливого однообразия является тот факт, который наблюдал над собою один из узников Шлиссельбургской тюрьмы, а именно как будто выпадение из жизни ряда лет. [4])

С таким „выпадением из жизни" ряда лет не может примириться сколько нибудь здоровый человек. Вот почему в тюрьме, и особенно с того самого момента, когда в ней вводится так называемый „тюремный режим", убивающий своим однообразием, начинается бесконечная борьба заключенных против скуки общего и одиночного заточения, за „тюремные развлечения".

Не случайным у какого нибудь одного или другого автора тюремных воспоминаний, а общим у всех у них, несмотря на все различия их общественного положения и характеров, является сравнение тюремной жизни со смертью. С этой точки зрения глубоко знаменательным является, что *Достоевский* называет тюрьму „Мертвым Домом", итальянский социалист *Турати*, „Кладбищем живых", а *Войтинский*, автор талантливых очерков с тюремными воспоминаниями, дает им общее заглавие „Вне жизни".

Несколько десятилетий отделяет нас от того времени, когда Достоевский перешагнул за порог „Мертвого Дома". Не прошло еще и десяти годов от тех лет, которые Войтинский провел „вне жизни". На пол-пути между этими этапами лежит „Кладбище живых" Турати. Но на протяжении этих почти восьми десятков лет и на расстоянии от сибирских шелаевских рудников до Неаполитанской каторги, тюрьма оставалась и остается *мертвым домом и кладбищем*, где, со-

---

[1]) *Оскар Уайльд.* De profundis.

[2]) *Турати.* Кладбища живых. Сборн. Уголовн. право и социализм. 125 стр.

[3]) *Гершуни.* Из недавнего прошлого. 140 стр.

[4]) *Морозов Н.* Письма из Шлиссельбурга. Вестник 1909 г. № 6 стр. 584.

гласно тюремным правилам, наказам, инструкциям и регламентам, не должно быть никакой радости, кроме радости освобождения.

Реформа тюремного дела в России начинается с 1818 г., когда англичанин Вальтер Венинг представил Александру I-му особую записку, содержащую в себе „общие положения о лучшем состоянии тюрем". Уже в этой записке автор ее выставлял требование, чтобы „игры всякого рода" были запрещены в местах заключения. [1]) Еще решительнее в этом направлении высказалась первая тюремная инструкция, составленная в 1831 г. Она запрещала в тюрьме „игры, соблазнительные песни, музыкальные инструменты", а также „хохот, разговоры, брань и тому подобные поступки" (ст. 50) и „вообще всякого рода резвости" (ст. 48). [2])

Так первые слова о водворении в русской тюрьме порядка были вместе с тем и словами запрета в ней всякого рода развлечений.

Но человеческая природа не могла с этим примириться, и арестанты, лишенные разумных развлечений, пытались собственными силами разгонять тюремную скуку. Разгоняя свою тоску, тюрьма заводила у себя едва ли не большую часть развлечений, известных свободной жизни. Если она не могла перенести их к себе, внутрь своих стен, в их неизмененном, так сказать, чистом виде, то она всегда умела приспособиться: на помощь к ней являлась фантазия и развивающаяся в тюрьме изобретательность и, в конце концов, арестанты выходили победителями.

Тюрьма не притязательна и там, где она не в силах перенести к себе развлечения свободных, живущих на воле, довольствуется подделкою. В таких случаях психология развлекающегося тюремного мира напоминает психологию ребенка. Как ребенку палка заменяет лошадку, как дождевая лужа представляется ему настоящим морем, а плавающая по этой луже щепка кажется кораблем, так и для арестанта всегдашний обитатель тюремных стен и коек—клоп—превращается в „бекаса", а не менее постоянная обитательница тюрьмы—вошь—становится „рысаком", и арестант устраивает на потеху себе „бекасиную охоту" и „бега".

Если даже эти требующие широкого простора полей виды спорта—охота, бега, скачки—нашли себе достаточно места в четырех стенах тюрьмы, то нет ничего удивительного, что туда же проникли самые разнообразные развлечения. В этом отношении тюрьма старалась не отстать от жизни на воле: самые низменные и грубые развлечения, но вместе с ними и наиболее благородные и эстетические постоянно проникали за тюремные засовы, несмотря на все препятствия. Пьянство, азартные игры, карты, шашки, шахматы, кегли, борьба и другие виды спорта, музыка, пение, театральные зрелища, занятие ваянием, рисованием, поэзией, журналистикою и пр. и пр., все это, несмотря на строгие запреты, доступно тюрьме и нередко захватывает ее всю, принимая такой характер всеобщего поголовного увлечения, что напоминает настоящую своеобразную эпидемию.

Как и во всем другом тюрьма не знает в своих развлечениях никакой меры. Так называемая „золотая середина" ей не знакома.

На первый взгляд казалось бы, что настоящей, искренней радости не может быть в тюрьме. Изо дня в день здесь влачат свое существование люди, перед которыми впереди день суда, или за плечами которых уже стоит вошедший в законную силу приговор.

---

1) *Никитин.* Сибирь и ссылка. 1880, 19 стр.

2) *Таганцев.* Русское уголовное право. II ч. 1902 г. 1033 стр.

Во всяком случае, казалось бы, что мозг заключенного постоянно должна сверлить то мысль о приближающемся решительном дне суда, то мысль, что здесь придется оставаться назначенный судом срок заключения. Не следует смешивать тюремную скуку с безнадежностью отчаяния и горя. Скука везде. Но картин общей подавленности настроения заключенных не видно. Еще *Ядринцев* отмечал, что „горевать не в моде острога, а тем более высказывать горе". Есть тоска, но нет общего безнадежного отчаяния и общего горя даже там, где, казалось бы каждое движение, каждое слово, каждый взгляд должны кричать о невыносимых страданиях ожидания смертной казни, даже в этих общих камерах „смертников" наблюдатель не заметит картин общего отчаяния: если кто из товарищей заключенных задумается, другие спешат его рассеять (см. Короленко. Бытов. явление).

Ядринцев об'ясняет отсутствие в общих камерах картин отчаяния и подавленности психологией преступника: неприлично им, людям смелым, мужественным, выказывать слезливость. Это об'яснение верно, но кроме психологии *преступника* здесь должна быть принята во внимание и психология *заключенного*: в одних случаях сознательное, а в других бессознательное стремление арестантов не допустить в общей камере вырываться наружу отчаянию и одним этим уже несколько облегчить тяжесть тюремных переживаний. Врачам известна удивительная наблюдательность и трогательная внимательность эпилептиков по отношению друг к другу: они замечают приближение у товарища приступа припадка и спешат оказать ему всякую помощь. Точно так же арестанты, как будто по какому то молчаливому соглашению, идут на помощь друг другу в борьбе с тяжелыми настроениями тюрьмы. Таким образом, „тюремная мода", не выказывать перед товарищами по камере тяжелых переживаний, имеет большое практическое значение. Она, хотя бы до некоторой степени, поддерживает в арестанте бодрость духа. Вот почему, мне кажется, не прав Ядринцев, когда он спрашивает: „не больнее ли горе, скрытое, безмолвное, прячущееся? Трудно его найти, и оно редко себя выдает. Острог поет, пронзительный хохот, сумасшедшая удаль, и дьявольская пляска несется подчас в громе этих звуков; выше, громче—но вдруг надтреснула нота, оборвалась струна от внезапно резнувшей боли... Вечно носить свое несчастие, никогда не смея показать его, это, может быть, тягчайший из недугов острога". [1])

Если бы в общей камере отчаяние не сдерживалось, а испытываемое арестантами чувство тоски свободно ими проявлялось, то не у многих нашлись бы силы продолжать свое существование.

Не вполне также прав Ядринцев, говоря, что тюрьма не смеет выказывать своего горя. Она может громко петь о нем в своих песнях. Преимущественное содержание тюремных песен — тоска по воле. Старинная тюремная песнь колодников, гимн каторжан, знаменитая „Милосердная", вся построена в минорных тонах, которые повторяются и в позднейших тюремных песнях, распеваемых хором и соло. Эти песни, с жалобами на тюремные решетки, служат одним из видов тюремного развлечения. Но тюремные развлечения так разнообразны и так связаны с тюремною скукою, что заслуживают особого их рассмотрения.

Мих. Гернет.

---

[1]) Ядринцев. Рус. община в тюрьме и ссылке. 1872 г. 76 стр.

Библиография.

Hagemann Karl. Iahrbuch des Jugendrechts. Erstes Heft. Berlin. 1922 г. 67 стр.

Карл Хагеман начал указанною выше книжкою издание „ежегодников“ по вопросам детского права. Теперь, когда социально-правовая охрана детства повсюду выдвинута тяжкими последствиями мировой войны на видное место, нужда в таких изданиях весьма ощутительна. Издатель в первой части своей книги приводит тезисы кассац. решений с раз'яснениями статей различных законов по охране ребенка, а во второй части кратко излагает судебный казус, вызвавший решение суда, и приводит мотивы кассац. решения. Первый „Ежегодник детского права“ охватывает период с конца 1919 г. и до начала 1921 г. Подробный предметный указатель облегчает пользование этим изданием.

М. Г.

Отчет о деятельности Моск. Исп. Ком. и Губ. Эконом. Совещан. Январь—сентябрь 1922 г. Вып. II Отчет Губ. Эконом. Сов. на 1 январь—октябрь 1922 г. М. 1922 г. 203 стр. и в прилож. 7 картограмм.

Отчет содержит, кроме разделов экономического характера, также главу о преступности и о наказаниях и особую главу о концентрационных лагерях. В первой из названных глав впервые появляются в печати сведенные в таблицы материалы по статистике осужденных, введенной Центр. Стат. Управл. по соглашению с Н. К. Ю. в 1922 г. Таким образом, московский отчет мог дать более полные и точные сведения об осужденных за различные преступления в Москве народными судами и революционными трибуналами, а также и о наложенных ими наказаниях.

М. Г.

Важнейшие статьи в немецких журналах по уголовному праву за 1922 год.

1) В *Monatsschrift für Krim. — Psychologie*, 13 т. 1922.

Проф. *Баумгартен*: новый проект итальянского уголовного кодекса. Проф. *Мецгер*: германск. проект уголов. кодекса 1919 г. Проф. *Осткер*: проект общей части польского уголовн. кодекса 1918 г. *Бендикс*: духовные основы проекта герман. уложен. 1919 г. Прив.-доц. *Шнейдер*: к психологии и психопатологии раскаяния. *Гельвиг*: к психологии выговора. *Его же*: защита детства и мера наказания.

2) В 88 томе 1—5 книгах 1921—1922 г. *„Der Gerichtssaal“*

Осткер: денежные штрафы в герман. проекте 1919 г. *Фингер*: замечания на общую часть герман. проекта 1919 г. *Хоплер*: новый австрийский проект уголов. код. *Дитц*: расширение подсудности военным судам. *Клейнфеллер*: о возмещении вреда в уголовном суде. *Гельвиг*: о формах преступности во время войны.

3) В 73 томе и кн. 1—2 74 т. *„Archiv für Kriminologie“*

Гольдшмит: проф. Франц Лист. *Лезинг*: воспоминание о военном полевом суде. *Вернебург*: политическ. преступ. в договорах о выдаче. *Оствальд*: система криминологии. *Макдональд*: уголовный розыск и антропология. *Альфельд*: особенности процесса при суде над хронич. преступниками. *Геринг*: о значении новых исследований в области внутренней секреции для криминальной психологии. *Гольдшмит*: о плодоизгнании. *Вагнер — Яурог*: доклад в обществе криминалистики и кримин. психол. о лености. *Пармоло*: биометрич. изучение английск. преступников.

4) В 43 томе *„Zeitsch. für die ges. Strafrechtswiss“*.

Гольдшмит: обжалование в уголовном процессе. *Кретшман*: посредствующая деятельность в действ. герм. угол. законод. и проекте. *Борис*: ростовщический процент. *Рут Лейен*: юная преступность в Берлине. *Трегер*: герм. проект угол. кодекса. *Лилиенталь*: и *В. Миттермайер*: Антон Миттермайер как ученый и человек. *Бумм*: к вопросу об изменении закона о плодоизгнании. *Зайцев*: Уголов. законод. в Советской России. *Шнейкерт*: борьба с международной преступностью. *Митиока*: наказания и меры безопасности в чехословацком проекте уголовн. кодекса 1921 г. *Фалькен*: рабочий дом в проекте герман. улож. 1919 г. *Грюнхут*: проект герман. код. и рабочее право. В третьей кн. даны обзоры литературы по уголов. матер. и процес. праву, уголовн. политике и угол. статистике.

Halle Felix. Deutsche Sondergerichtsbarkeit. 1918—1921. Berlin. 1922. 99 стр.

Насколько богата социалистическая литература по экономическим вопросам, на-

столько она бедна по вопросам юридического характера. Это особенно бросается в глаза в отношении иностранной литературы, где, даже в органах периодической социалистической печати, статьи по вопросам юриспруденции были редким явлением. Внимание этой печати к вопросам уголовного права несколько оживилось в связи с подготовкою к реформе уголовного законодательства со времени Маннгеймского с'езда германских социал-демократов и доклада Гаазе о классовой юстиции. Приходящая к нам криминалистическая литература показывает, что образование в рейхстаге коммунистической партии внесло оживление при оценке различных законодательных предположений в области уголовного, гражданского и др. прав. Начали также появляться в Германии монографии по вопросам права, принадлежащие авторам социалистического и в частности коммунистического направления. К числу последних принадлежит интересная по замыслу работа юриста-коммуниста *Феликса Галле*, указанная в заголовке настоящей заметки. Ее автор поставил своею задачею не только собрать в своей работе вышедшие в период 1918—1921 г. г. законоположения, устанавливающие особый порядок суда, отличный от обычного, но, в целях политической пропаганды, дать освещение их с точки зрения служения юстиции классовым интересам господствующего класса. Не ограничиваясь оценкою вновь введенных особых порядков подсудности и суда (автор насчитывает их не менее 20), Галле приводит и примеры классовой юстиции, приговоров по политическим преступлениям членов партии, к которой он принадлежит. Кроме краткого вступления, исторического очерка и заключения, монография, главным образом, содержит в себе длинный ряд текстов законоположений об особых порядках суда в различных составных частях Германии, из коих некоторые законоположения автор сопровождает специально им посвященными критическими замечаниями.

Мих. Гернет.

Grotian Radbruch. Die Abtreibung der Leibesfrucht. Berlin. 1921. 32 стр. Buchchandlung Vorwärts.

31 июля 1920 г. 55 членов социал-демократической фракции германского рейхстага, во главе с профессором Радбрухом и депутаткою Шух, внесли предложение о ненаказуемости плодоизгнания (аборта), совершенного самою беременною или признанным государственною властью врачем, не позднее достижения плодом трехмесячного возраста со дня зачатия. Это предложение было внесено не от имени социал-демократической фракции, в недрах которой предложение встретило различную оценку, а от указанного выше числа членов этой фракции. В рецензируемой нами брошюре помещены две статьи, одна из них принадлежит проффессору гигиены Гротиану, а другая профессору права Радбруху. Гротиан противник внесенного предложения, склоняясь лишь к значительному смягчению наказания, а Радбрух—один из авторов этого предложения. Доводы обоих авторов за и против предложения чрезвычайно напоминают тот горячий диспут, который происходил на с'езде русской группы международного союза криминалистов в 1914 г., когда большинством почти двух третей членов с'езда было принято предложение автора этих строк и проф. угол. пр. Плетнева об исключении плодоизгнания из числа преступлений. Рост плодоизгнания, начавшийся повсеместно еще до мировой войны, стал развиваться с особою силою во время войны и после нее, несмотря на все строгости уголовной репрессии, которой грозили везде кодексы. Некоторые новые моменты выдвигает Гротиан он находит, что плодоизгнание, уменьшая народонаселение, уменьшает вместе с тем ту самую народную массу, в которой заключается сила социал-демократии. Считая аборт вредною для здоровья операцией и опасною для жизни, автор указывает, что по данным саксонской статистики из общего числа перворожденных в браке 59% были зачаты до вступления в брак. Этот процент различен в связи с профессией родителей и достигает 67.8% у занятых сельским хозяйством, и падает до 33% у фабрикантов. Отсюда автор делает вывод, что внебрачная беременность прикрывается вступлением в брак, а при допущении свободы аборта брак будет заменяться абортом. На это Радбрух справедливо указывает, что брак, заключаемый лишь под влиянием происшедшего зачатия, не обещает ни счастия супружской паре, ни самому ребенку.

Предложение Радбруха о ненаказуемости аборта лишь до достижения плодом 3 мес. представляется нам половинчатым и теоретически уязвимым в большей степени, чем полное устранение плодоизгнания из числа преступлений. Правда, известная нам статистика показывает, что громадный % абортов производится на 2-м и 3-ем месяцах беременности, и, таким образом, предложение Радбруха и его товарищей по партии фактически делает массу абортов ненаказуемыми. Но его доводы, приводившиеся в 1914 г. и мною, о классовых неравенствах при плодоизгнании женщинами богатыми и неимущими, также как и другие его соображения, должны быть распространены на случаи плодоизгнания, независимо от возраста плода.

Мих. Гернет.

Новые книги по уголовному праву.

Воронцын И. П. Из мрака каторги. 1905—1917. Харьков. 1922, 150 стр.

Каторга и ссылка. Сборник № 4. Изд. О-ва б. политич. каторжан. М. 1922, 200 стр.

Главное Управл. Местами Заключения Н. К. В. Д. Пенитенциарное Дело в 1922 г. М. 47 стр.

Mitteilungen der Deutschen Landesgruppe der Internat. Krimin. Vereinig. 7—10 Juni 1922. Berl. 1922, 150 стр.

Relazione sul progetto preliminare di Codice penale Italiano. Libro 1. Roma. 1921.

Halle Felix. Deutsche Sondergerichtsbarkeit 1918—1921. Berl. 1922. 99 стр.

Lelièvre. L'enfance difficile, vicieuse ou délinquante. Rennes. 1921.

Goddard H. H. Juvenile delinquency № У. 1921.

Costa. Delinquenza politica. Roma. 1921.

Statistique judiciaire de la Belgique. 19 Année. 1921.

Kriminalstatistik für das Jahr 1915. Berlin. 1921.

Statistica della criminalita per gli anni 1914—1915, notizie complementori. Roma. 1921.

О порядке и условиях сдачи торговых помещений в 1923 г.

Издание Моск. Управления недвижимых имуществ. ц. 10 руб.

Небольшая книжка в 27 страниц in 8. Четкая печать и хорошая бумага не оправдывает всетаки столь высокой цены, тем более, что никаких раз'яснений и указаний к оффициальному тексту нет, а разойдется издание быстро.

Брошюра содержит лишь текстуально „постановление Президиума МСРК и КД от 27 декабря 1922 г. о порядке и условиях сдачи в аренду торговых и складочных помещений на 1923 г. и разбивке улиц по разрядам. „Постановление имеет целью „изменение и дополнение постановлений Президиума от 24/XII 1921 г. и 2 января 1922 г." Это в брошюре очевидно опечатка,— 2 января 1922 г. было постановление „о взимании платы за услуги, оказываемые коммунальными предприятиями" (Ком. Тр. № 6), а *2 февраля* (Изв. Упр. МСД 1922 г. № 11) состоялось постановление „о тарифе на складочные помещения, конюшни, гаражи и пр." которое и является отмененным, как и дополнение его, опубликованное 30 июня 1922 г. в № 68 „Известий Управления МСД., в брошюре не упомянутое. Имеются и другие подобные упущения.

Постановление имеет силу очевидно с 1 января 1923 г., но оно не было опубликовано в „Известиях Отдела Управления" оффициальном органе МСД, ни в „Рабочей Москве, так что день обнародования его остается неизвестным в порядке, узаконенном для опубликования Постановлений.

Нужно пожалеть об отсутствии оффициальных или, хотя бы, редакционных пояснений, ибо в тексте постановления Президиума МСД вызывает недоумение редакция некоторых норм, повидимому противоречащих или во всяком случае разноречащих декрету СНК. „о взимании платы за помещения и участки земли, сдаваемые под торгово-промышленные предприятия и склады" (Собр. Уз. 1921 г. № 70 ст. 560) и не согласованных между собою.

Без оффициальных пояснений вызывает недоумение также § 4 постановления. Договоры, совершенные до 1923 г. на 3—5 лет, „аннулируются" усмотрением МУНИ., тогда как и по § 31 постановления 27 декабря 1922 г. силу последующих арендных договоров и по § 22 постановления 26 декабря 1921 г. сила предыдущих может быть разрушаема лишь по суду. Так же и по Гражданскому Кодексу.

В. С. М.

Законодательная хроника.

Сводка декретов, опубликованных с 1-го августа 1922 г. до 1-го января 1923 года в „Известиях" В. Ц. И. К. и Собр. Узакон. и распор. правит.

Административн. взыскания и админ. высылка. Порядок издания обязат. постан. и взыск. в админ. порядке. Изв. 173, 4 авг. *Администр. высылка.* Изв. 185, 18 авг. Бандитизм и высылка. Изв. 236, 19 октяб. *Поправка к пост. „о борьбе с бандит. и высылках,"* опуб. в Изв. 236. от 19 октяб. Изв. 255, 11 нояб. *Администрат. деление РСФСР.* Об образовании Черкесской (Адыгейской) автон. области. Изв. 170, 1 авг. Изм. админ. центра Бурято-Монг. области. Изв. 185, 18 авг. Поправка к пост. „О районир. Нижегор. губ." Изв. 186, 19 авг. Поправка к пост. о Балах. уез. Нижег. губ. (Изв. 149). Изв. 186, 19 авг. Об упразднен. Олонецк. губ. Изв. 211, 20 сен. Утвержд. постанов. Президиума ВЦИК Автон. Турк. ССР о переименовании некотор. уезд. Изв. 235, 18 окт. Поправка в постанов. През. ВЦИК „О поволост. делен. уезд. Тверской губ." „опуб. в Изв. ВЦИК". 141/80 от 28 июн. 1922 г. Изв. 237, 20 окт. Переименов. гор. Змеиногорска в Рубцов. Изв. 262, 19 нояб. Админ. подразделен. Дагестанской респуб. Извест. 262, 19 нояб. Выделение автоном. Чечны из Горреспубл. Изв. 275, 5 дек. Границы между Чув. и Мар. област. Изв. 290, 22 дек. Районирование и границы Смоленской и Калужской губ. Изв. 195, 1 сен. Поправка к п. I декр. об автон. Якут. Социал. Сов. Респ. опуб. в С. У. № 30, ст. 370. С. У. № 61. Присоединение к Калужск. губ. Юхнов. уезд. Смоленск. губ. С. У. № 55, ст. 697. Резол. X С'езд. об об'единен. совет. респуб. № 295, 28 дек.

Амнистия. Амнист. к 5 годов. Октябр. револ. С. У. № 64. ст. 819. Изв. 251, 5 нояб. Амнистия рядовым участникам кронштадт-

ского метяжа. Изв. 251, 5 нояб. Инструкции по применению октяб. амнистии. Изв. 253, 9 нояб. Поправка к постан. ВЦИК от 2 нояб. об амнист. к 5 годовщине Октябр. револ. Изв. 266, 24 нояб. *Арбитраж. комиссии, третейск. суды. Рабоч. примир. камеры.* Положение о порядке разрешения имуществ. споров между государ. учрежд. и предприят. Изв. 214, 23 сен. (см. Рабочие).

Армия и военный флот. Военный суд. Снабж. армии. Реорганиз. Воен. Отдела Верх. Триб. ВУЦИК'а Изв. 182, 15 августа. Расформир. Главснабпродарм. и распределении его функции. Изв. 182, 15 авг. Меры обеспечения Кр. Армии медперсоналом. Изв. 184, 17 авг. Снабжение Кр. армии обмундирован., строител. матер. и топливом. Изв. 189, 24 авг. Призыв на военную службу родив. в 1901 г. Изв. 191, 26 авг. Призыв на военную службу родив. в 1901 г. Изв. 207, 15 сен. Обязательн. воен. служба для граждан РСФСР муж. пола. Изв. 220, 30 сен. Оплата павших во время боевых действий лошадей. Изв. 245, 29 окт. Об обязании местн. исполком. обеспечить воин. части помещением, освещ. водоснаб. и канализ. Изв. 254, 10 нояб. Об освобожден. от призыва гражд. карельской труд. коммуны, родив. в 1901 г. Изв. 270, 29 нояб. Поряд. призыва на воен. сл. гражд. РСФСР, жив. за гран. и поряд. выезда за гран. военнослуж. и военнообяз. Изв. 288, 20 дек. Порядок перевозки военнообязан. при мобил., очер. призыв. и уч. сбора. Изв. 290, 22 дек. Увольнение в бессрочн. отп. красноарм., родив. в 1900 г. С. У. № 37 ст. 441. Тракторы для Кр. армии. С. У. № 59, ст. 751. Комплектование Кр. армии ветер. персон. в пор. добров. службы С. У. № 62, ст. 797. Ликвидация комисс. по воен. довольствию. С. У. № 66, ст. 864. Преимущества лиц, некрасноарм. состава Кр. Армии по обучению детей их в учебн. зав. С. У. № 67, ст. 897.

Биржевое обращение товаров и фондов. О товарных биржах. Изв. 218, 28 сен. Поправка к пост. о товар. биржах. Изв. 229, 11 окт. Товарные биржи. С. У. № 54, ст. 684. Регистрация на бирже внебирж. сделок государ. предпр. и учрежд. С. У. № 57, ст, 719. Фондовые биржевые операции. С. У. № 65, ст. 858. Бюджет обще-госуд. и местный. Сметы. Авансовые выдачи в счет сметных кредитов. Изв. 178, 10 авг. Передача расходов из общегосуд. бюджета в местные. Изв. 189, 24 авг. Организац. местных доходов Кирреспублики. Изв. 189, 24 авг. Кибиточный и дорожный сборы в Кирреспубл. Изв. 192, 27 авг. Изменение перечня местн. налогов. и сборов. Изв. 195, 1 сен. Рассмотрение сметы Наркомпрода на окт. дек. не позже 15 сен. Изв. 197, 3 сен. Перечень расходов, из местных средств. Изв. 198, 5 сен. Включения в смету Наркомпросов автон. Республик и областей просветительных учреждений на трансп. Изв. 199, 6 сентяб. Признание Нарком. по воен. дел. действит. расходов минувш. лет. Изв. № 215, 24 сен. Поправка к опубликованному в № 195 Изв. от 1 сен. постан. ВЦИК и СНК „Об измен. перечня местн. налог. и сбор." Изв. 231, 13 окт. Поправка к опубл. в № 198 Изв. от 5 сен. 22 г. постанов. ВЦИК и СНК: „Перечень расходов, подлежащих отнесению на местн. денеж. средств." Изв. 231, 13 октяб. Отчисление от лесного дохода на усиление местных средств. Изв. 263, 21 нояб. Перечисление в 1922—23 г. поступлений промыс. налога на усил. местн. средств. Изв. 263, 21 нояб. Утвержд. перечня доходов с перед. в распоряж. местных советов. Изв. 264, 22 нояб. Поправка к перечню доход. в распоряж. местн. советов (Изв. 264) Извест. № 277, 7 дек.. Повыш. на 1922—23 г. отчисл. от лесных доход. в пользу местн. средств некоторых губ. Изв. 279, 9 дек. „Срок введения в действ. перечня местн. налогов и сборов," опуб. в Извест. № 195, от 1 сен. Изв. 210, 19 сен. Отпуск Наркомпросу доп. средств для надоб. науки из зол. фонда по импорт. плану 1922 г. С. У. № 49. ст. 618. Отпуск В. С. Н. Х. сумм на научн.-техн. и др. командировки. С. У. № 49, ст. 619. Фонд финансир. област. и губ. ЭКОСО. С. У. № 51, ст. 652. Общегосуд. бюджет на 1922—1923 г. С. У. 57, ст. 725. Врем. расходные расписания на октябрь 1922 г. С. У. № 61, ст. 783.

Ветеринарный надзор и ветеринар. работники. Об убое скота в РСФСР и торговле мясн. прод. Изв. 181, 13 авг. Отмена трудов. повин. для ветеринар. работн. Изв. 214, 23 сен. и С. У. № 59, ст. 749.

Вино, виноделие, спирт. Государст. виноградарство и винодел. в РСФСР и с. республик. Извест. 171, 2 авг. Назначение штраф. сумм за нарушен. прав. о спирте. Изв. 295, 28 дек. Усиление репрессии за приготов. и хран. спирт. напит. Изв. 212, 21 сен. Инструкц. об аренде госуд. винокурн. заводов. С. У. № 37, 442. Отпуск государ. органами спирта и об ответств. за его расход. С. У. № 41, ст. 491. Приписка земель к винокур. заводам Курск. губ. С. У. № 40, ст, 476.

Выезд за границу. Паспорта и разреш. Изв. 295, 28 дек. *Выставки.* Всерос. сельско-хоз. выставки. Изв. 243, 27 октяб. Германская выставка в Москве. С. У. № 42, ст. 494. Положение о всеросс. сельско-хоз. выставке с иностран. отделами. С. У. № 66, ст. 866.

Гарантии правит. О гарантии пятипроц. займа торг. промыш. акц. общества международ. раб. помощи Сов. России. Изв. 227, 8 окт. *Гербовый сбор.* О приеме в уплату актовой и вексел. герб. бумаги. Изв. 176, 8 авг. О выпуске гербов. марок обр. 1922 г. Изв. 214, 23 сен. Самостоятел. производство Нар. Суд. дел. о нарушениях Уст. о герб. сб. Извест. 221, 1 окт. Повышение ставок прост. герб. сбора Извест. 262, 19 нояб. *Горное дело и надзор.* О горном надзоре. Изв. 197, 3 сен. Горный надзор (организация) С. У. № 43, ст. 524. *Государствен. органы и учреждения (их структура и функции). Их делопроизводство.* Дополнение к Положению об экономич. совещан.

опуб. в С. У. 1921 г. № 44, ст. 223. Изв. 178, 10 авг. Реорганизация Наркомнаца. Изв. 180, 12 авг. Полож. об уполномоч. наркоматов при областн. (краев.) ЭКОСО. Извест. 189, 24 авг. Измен. постанов. от 14 июня, 1922 г. о расшир. границ автоном. Башкирск. Соц. Сов. Республ. Изв. 190, 25 авг. Об эконом. совещан. Изв. 192, 27 авг. Порядок и сроки опротестования постанов. МСНК, СНК и СТО. Изв. 197, 3 сен. О срочном рассмотрении госуд. органами всех ведомств. вопросов налогов. характера. Изв. 179 11 авг. О сроках опротестов. постанов. СНК и СТО. Изв. 210, 19 сен. Сохранение Уфинотделов. Изв. 221, 1 окт. Предоставление представителям НКФ права реш. голоса в уезд. экон. совещ. Изв. 238, 21 окт. Об утверждении Литвинова М. М. первым заместителем народного комиссара по иностранным делам, а Карахан Л. М.—вторым. Изв. 260, 17 нояб. Изменение постанов. от 27 июля 1922 г. о реорганизац. Наркомнаца. Извест. 262, 19 нояб. О назначении В. Н. Мещерякова членом коллегии НКП. Изв. 263, 21 нояб. О назначении Наркомом Фин. Г. Я. Сокольникова. Изв. 265, 23 нояб. Доп. к постан. СТО от 1/XI о связи ЭКОСО с упр. Морск. портов. Изв. 279, 9 декаб. Назначение тов. Каменева Зам. Пред. СНК и СТО. Изв. 208, 16 сен. О губернских (областных) архивных бюро. Извест. 267, 25 нояб. Герб. печати в воен. и мор. ведом. Изв. 270, 29 нояб. Поправка к постанов. ВЦИК „Об измен. в реорганизации Наркомнаца“ (Извест. 262, 19 нояб.) Извест. 275, 5 дек. Положение о Наркомпроде. С. У. № 31, ст. 378. Схема организац. Губпродком. С. У. № 31, ст. 379, Положен. о Наркомфине. С. У. № 31, ст. 380. Полож. о Фин. Отдел. Испол. Комит. С. У. № 31, ст. 381. Полож. о Нар. Ком. Пут. Сообщ. РСФСР С. У. № 32, ст. 383. Схема орган. Нарком. Прод. С. У. № 32, ст. 382. Полож. о Наркомрабкрине. С. У. № 32, ст. 384. Положен. о Нар. Ком. Внут. Дел., об отд. упр. при местн. исполк., и при С. У. № 33, ст. 386. Полож. об уполном. нар. к. при област. краев. экосо. С. У. № 42, ст. 500. Взаимоотн. Высш. Геодез. Упр-я с др. госуд. орган. и учрежд. С. У. № 44, ст. 538. Порядок внесения вопросов на рассмотр. СНК и СТО. С. У № 48, ст. 579. Порядок докладов в СНК и СТО и участия представит. ведом. в засед. СНК ии СТО. С. У. № 51, ст. 649. Введение в состав Урал. Эк. Совета Пред. Зап.—Сиб. воен. окр. С. У. № 52, ст. 654. Штаты, выработ. Комис. ВЦИК для Наркоматов и подведомств. им учрежд. С. У. № 53, ст. 675. Полож. о взаимоот. уполном. Н. К. Ф. при СНК У. С. С. Р. с Н. К. Ф. РСФСР С. У. № 58, ст. 733. Установ. связи экон. совещаний, с упр-ми морских портов. С. У. № 67, ст. 890. *Гражданский кодекс.* О введении в действие гражданского кодекса РСФСР Изв. № 256, 12 нояб. Изменение постанов. от 6 нояб. О введеннии в действие гражданского кодекса РСФСР. Изв. № 269, 28 нояб.

Денежное обращение, валюта госуд. заем. Оборотные денеж. обязательства *Банкноты.* О валютных золотых сделках государст. и кооперативных учреждений и предприятий. Изв. № 174, 5 авг. Доп. к декрету об обращении золота и серебра и валюты (Изв. № 80), Изв. № 184, 17 авг. Об установ. однородности денеж. обращения. Изв. № 206, 14 сент. О льготных сроках обмена денеж. и расчет. знаков и сурогатов дензнаков, из'емлемых из обращения. Изв. № 229, 11 окт. О дополнении к пункту 5 декр. от 4 апр. 22 г., обращении золота, серебра пр. Изв. № 230, 12 окт. О выпуске банковых билетов. Изв. № 230 12 окт. Порядок разрешения выпуска денеж. обязат. на пред'яв. Извест. № 236, 19 окт. Оплата натурой облигаций хлеб. займа. Изв. 238, 21 окт. Ден. знак образца 1923 г. Изв. № 242. 26 окт. Порядок погашения облигаций хлеб. займа. Изв. № 246, 31 окт. Чеканка золотых червонцев. Изв. № 250, 4 нояб. Выпуск Государств. выигр. займа. Изв. № 251, 5 ноября. Порядок оплаты натурой хлебного займа. Изв. № 269, 28 нояб. Запрещение выпуска денеж. обязательств на пред'явителя. Изв. № 269, 28 нояб. Котировальн. комиссия. Изв. № 192, 27 авг. Погашение хлеб. займа на Украине. С. У. № 41 ст. 486. Прекращение выпуска ден. и расч. знаков образцов. до 1922 г. и сроки приема их. С. У. № 43. ст. 514. Предостав. Госуд. Банку права выпуска в обращение банковых билетов. С. У. № 46, ст. 578. Продление срока обмена за пределами РСФСР и союзных республик из'ятых из обращения ден. знаков и обязат. всех вып. до 1922 г. и обязательства в 5000 руб. вып. 1922 г. С. У. № 67, ст. 886. Урегулир. расчетов по договорам и обязательствам, заключ. в золотой валюте. С. У. № 67. ст. 898.

Дети. Охрана детей. Об изменении полож. о дет. соц. инспекции. Изв. № 209, 17 сент. *Дороги.* О дорожном строительстве С. У. № 31, ст. 375. Дотационные фонды, разверстка дотацион. фондов. С. У. № 66, ст. 874. Включение в план использования прод. рессурсов на 1922—1923 г. фонда натур. дотаций. С. У. № 63, ст. 818.

Жилищное дело. Измен. срока предоставления списков муниципализов. дачевлад. Изв. № 184, 17 авг. О порядке выселения из занимаемых помещений. Изв. № 205, 13 сент. О сроке введ. в действ. декрета о выселении граждан из помещений от 6/IX 1922 г. Изв. № 208, 16 сент. Учрежд. чрезвыч. жилищ. ком. Изв. № 208, 16сент. О жилищ. льгот. для судов. команд по судоремонту. Изв. № 295, 28 дек. Улучшения, произв. предприятиями и учрежд. в занимаем. ими зданиях. Изв. № 290, 22 дек.

Застройка. Изм. декр. о праве застройки. Изв. № 186, 19 авг. Распространение права застройки в случаях возстанов. разрушен. и достройки незакончен. домов. Изв. № 233, 15 окт. Поправка к декр. „О праве застройки зем. участков, опублик. в Изв. № 186, от 19 авг. С. У. № 61. *Земельные дела и сельское хозяйство.* По-

правка к постановлению ВЦИК и СНК „О луговом фонде“ (опубл. в Изв. № 165 от 26 июля). Изв. № 179, 11 авг. Ликвидация федерал. ком. по земельн. делу при Президиуме ВЦИК. Изв. № 189, 24 авг. Перечень видоизменений основного закона о трудовом землепользовании для Туркестанской республ. Изв. № 189, 24 авг. Основной закон о труд. землепольз. в Киррепубл. Изв. №. 194, 31 авг. Центр. Агрон. Упр. Наркомпути Изв. № 213, 22 сент. Плановая конолизац. комис. при центральном агроном. управл. НКПС Изв. № 239, 22 окт. О введении в действие земел. кодекса. Изв. № 251, 5 нояб. Отмена помещичьей собствен. на землю. Изв. № 259, 16 нояб. Приост. действия списка узак. отменяем. зем. кодексом (опубликов. Изв. № 271). Изв. № 272, 1 дек. Комитет содействия сельск. хоз. и сельск. хоз. промыш. при ВЦИК. Изв. № 291, 23 дек. Меры восстанов. сельск.хоз. и сельск. хозяйст. промыш. и организ. обществ. сельск. хоз. кредита. Изв. № 291, 23 дек. Циркуляр НКП о транспорт. агрономии. Изв. № 204, 12 сент. Упр. совет. хоз. и распред. их урожая 1922 года. С. У. № 56, ст. 703. Земельный кодекс РСФСР. С. У. № 68, ст. 901.

Игры. О разреш. част. завед. с не азартн. играми. Изв. № 187, 22 авг. 1922 г. *Истребование имущества.* Поправка к постанов. СНК от 16 марта 1922 г. „об органич. прав истреб. домашн. имущества от факт. влад. бывш. собственникам“ С. У. № 60. *Искусство* Постановление СНК о присвоении А. К. Глазунову зван. Народн. артиста. Изв. № 207, 15 сент. Приостанов. выд. виз на вывоз картин за гран. (Прик. НК Проса) Изв. № 294, 27 дек. Предоставл. А. И. Южину звания народного артиста. Изв. № 209, 17 сент.

Касса предприятий. Развитие декрета от 30-го марта 1922 г. о кассовых операциях государственных предприятий и учреждений. Изв. № 266, 24 ноября. *Коммунальное хозяйство и коммунальные услуги.* Дополнение к постановлению о мерах против невнесения платы за услуги предприятий коммун. характера и бесхозяйствен. пользования ими. Изв. № 189, 24 авг. *Кооперация.* О порядке облож. кооперат. промысл. налога. Изв. № 174, 5 авг. Обязательность для наркоматов и гос. орг. инстр. ВСНХ „о порядке возвр. потреб. кооперац. принадл. ей предпр. и промыслов.“ Изв. № 201, 8 сент. Условия вхождения сельскохоз. коллективов в кооперат. сельско-хоз. союзы. Изв. № 215, 24 сент. О возврате потребит. кооперат. организ. национализиров. и муницип. строений. Изв. № 237, 20 окт. Инструкция о порядке возврата потреб. кооперации принадлежащих ей предпр. и промыслов. С. У. № 39, ст. 446. Поправка к изм. декр. о кредит. кооперации. (Изв. № 45, 25 февр.) С. У. № 43. *Книжное дело и Издательство.* Воспрещение государст. учрежд. издавать литературу за границей. Изв. № 237, 20 окт. и Изв. № 270, 29 ноября. О направляемых в Книжную Палату посылках. Изв. № 254. 10 ноября. Условия издания государст. учр-ми и предпр-ми необх. литер за гран, Изв. № 282, 13 дек. *Концессии.* Договор на торг. концессию, заключ. в Берлине с Отто Вольфом 9 окт. 1922 г. Изв. № 237, 20 окт. Отклонение предвар. договора, подпис. в Берлине Обществом Уркарт. Изв. № 226, 7 окт. О ведомств. концесс. комитетах. С. У. № 42, ст. 509. *Кредит, кредитные учреждения, Госуд. Банк.* Об изменении ст. 29 „Положения о госуд. Банке.“ Изв. № 179, 11 авг. О невмешательстве местных экон. совещ. операц. деятельность Госбанка. Изв. 191, 26 авг. Выдаче Гос. Банком ссуд предприятиям и их об'единениям для уплаты налогов. Изв. 223, 4 окт. О выдаче Госбанком ссуд на оплату ввозных тамож. пошлин государств. учрежд. и предприят. Изв. № 230, 12 окт. Ломбарды. (Ссудные кассы). Изв. № 233, 15 окт. О поправке к 6-му пункту ст. 29-ой, раздела VII, „Положения о Госуд. Банке РСФСР“. Изв. № 255, 11 ноября. Порядок утвер. уставов и надзора за деят. кредит учрежд. Изв. № 260, 17 ноября. Изм. ст. 24 разд. V „Полож. о Госуд. Банке“ Изв. № 295, 28 дек. Общества сельскохоз. кредита. Изв. № 291, 23 дек. Меры содейств. организ. и деят. общ. сельско-хоз. кред. Изв. № 291, 23 дек. Оплата Гос. Банком погруз. расход. Петрогр. Порта за счет получателей грузов. С. У. № 44, ст. 531. Учрежд. Отдела взаимн. рассчетов при Правлении Гос. Банка С. У. № 49, ст. 632. Правила предоставл. Гос. Банком кредитов на оплату вывоз. пошлин гос. учр-м. предпр-м и хозяйств. орган. С. У. № 49, ст. 630. *Красный Крест.* Об установлении в пользу Красн. Кр. 10 проц. добавочного сбора со всех сборов, НКИД за границей. Изв. № 244, 28 окт. О сборе с железнодор. билетов в пользу Красного Креста. Изв. № 263, 21 ноября.

Лотерея. О государств. лотерее. Изв. № 255, 11 ноября. Отсроч. вып. бил. Гос. лот. 1922/23 г. Изв. № 288, 20 дек. *Лошади.* Порядок покупки и продажи лошадей в РСФСР Изв. № 171, 2 авг. О бракованных лошадях. Изв. № 266, 24 ноября. *Лесное хозяйство. Лесосеки.* Приписка лесных дач к трестам Урала. С. У. № 67, ст. 900. Оплата древесины. С. У. № 48, ст. 602. Порядок распредел. лесосеч. фонда. С. У. № 59, ст. 735. Инструкция о порядке предост. госуд. рабочим и служ. лесосек на льгот. заготовку дров С. У. № 59, ст. 740.

Международные дела и сношения, Иностранцы и иностран. представит. Ратификация санитарных конвенций с Латвией от 24 июня 1922 г. и с Эстонией от 25 июня 1922 г. Изв. № 172, 3 авг. О возврате пошлин, уплоченных иностранными представительствами. Изв. № 179, 11 авг. Ратификация эконом. соглашения между РСФСР и Бухарой. Изв. № 192, 27 авг. и Изв. № 207, 15 сент. Предельный вес дипломат. почты и пропуск. багажа. Изв. № 198,

5 сент. Об ратификации эконом. соглашения РСФСР с Хорезмом от 29 июня 1922 г. Изв. № 217, 27 сент. О дипломат. почте и багаже. Изв. № 248, 2 ноября. Ратификация договора между РСФСР и Чехо-Словацкой Республикой, заключ. 5 июня 1922 г. С. У. № 48, ст. 608. Соглашение между РСФСР и Финлянд. Республ. об эвакуации. С. У. № 50, ст. 634. Прекращ. действия ст. 32 мирного догов. между РСФСР и Финлянд. Республ. подпис. в г. Юрьеве 14 окт. 1920 г. С. У. № 62, ст. 794. *Метрич. система* Подготов. мероприятия по введению метр. системы. Изв. № 285, 16 дек. Меры ускорения введения метрич. системы. Изв. № 292, 24 дек. *Милиция.* Личный состав милиции. Изв. № 268, 26 ноября. Снабжение милиции УССР. С. У. № 47, ст. 587.

Налоги, пошлины, акциз, таможня, повинности, трудуж. повинность. Льготы по налог. и пр. Единый натур. налог. Изв. № 171, 2 авг. Изъятия для иностр. представ. см. *Междунар. дела и сношения.* Поправка к постановлению СНК „О понижении ввозной тамож. пошлины на бумагу", опубликов. в № 167, Изв. ВЦИК'а от 28 июля. Изв. № 171, 2 авг. Установление разрядов урожайности (доп. к декрету от 18 марта 1922 г.) Изв. № 175, 6 авг. О порядке учета работ, выполняемых по трудгужналогу. Изв. № 175, 6 авг. Введение в действие декрета от 7 июля 1922 г. об акцизе с прессов. дрожжей. Изв. № 177, 9 авг. Изменение ставок акциза со спирта, отпускаемого на технич., химич., и друг. специальные надобности. Изв. 178, 10 авг. О перенесении срока выполнения временного натур. налога (полож. распублик. в С. У. 1922 г. № 22, ст. 240) Изв. № 178, 10 авг. О сроках хранения товаров в таможнях и о продаже их. Изв. № 181, 13 авг. О хранении грузов в тамож. учрежд. Изв. № 181, 13 авг. Введение в действие декр. об изм. став. акц. со спирта (Изв. № 178). Изв. № 182, 15 авг. Устан. един. разряда по урожайности для Вел. Башкирии. Изв. № 183, 16 авг. Поправка к постан. СНК о порядке учета работ по трудгужналогу (Изв. № 175) Изв. № 183, 16 авг. Порядок беспошл. пропуска рыбы с арендован. за гран. РСФСР промыслов. Изв. № 184, 17 авг. Освобожд. от тамож. пошлины трактор. и др. сельскохоз. оруд. Изв. № 184, 17 авг. Разр. урож. по ед. натурнал. для Кирг. и Сибири. Изв. № 186, 19 авг. О мерах по проведению и поступлению налоговых сборов. Изв. № 187, 22 авг. Тариф на мясные продукты. Изв. № 189, 24 авг. О понижении таможенной ставки на привозимые маслины. Изв. № 190, 25 авг. О сложении, возврате и зачете уплаченного акциза с товаров, вывозимых за границу. Изв. № 201, 8 сент. Повышение разрядов урожайности по продналогу для Оренбург. и Кустан. губ. Изв. № 201, 8 сент. Акциз с восковых и озокеритовых свечей. Изв. № 207, 15 сент. Денежн. подвор. налог. вне городских поселен. для удовлетв. мест. нужд. Изв. № 208, 16 сент. Перечень № 1 предварительн. сумм денеж. подвор. налога на 1922—23 г. Изв. № 209, 17 ок. Погубернские предельные суммы (контингенты) денеж. подвор. налога на 1922—23 г. Изв. № 209, 17 сент. Постановление об изменении п. 5-го ст. 37 таможен. тарифа. Изв. № 212, 21 сент. Непосредств. уплата акцизов. Изв. № 214, 23 сент. Акцизное обложение табачного производ. Изв. № 214, 23 сент. Привлечение населения к труд. и гуж. повинности. Изв. № 216, 26 сент. Льготы для милиционеров по уплате един. натур. налога. Изв. № 217, 27 сент. Премирование задержателей контрабанды. Изв. № 218, 28 сент. Перечень скота, подлежащего обложению мест. налогом. Изв. № 221, 1 окт. Погубернская предельная сумма (контингент) денежного подвор. налога на 1922—23 гг. Изв. № 221, 1 окт.

(Окончание следует).

Обзор циркуляров и инструкций Народного Комиссариата Просвещения.

Из циркуляров и инструкций Главного Управления Социального Воспитания (Главсоцвоса) можно отметить, как наиболее важные и имеющие широкое значение для социального воспитания детей, следующие:

Циркуляр № 33. Всем Губсоцвосам (Губ. Отд. Социального Воспитания). „О мерах к улучшению материального положения детских домов".—Детские дома должны улучшать свое материальное положение через самоснабжение, для чего необходимо получить земельный участок и обработать его, развить ремесла среди детей, устраивать мастерские. К раздаче детей в семьи (частный патронат) можно прибегать только в крайних случаях. Категорически воспрещается для этих же целей устройство с участием детей детских спектаклей в виду того, что в этих спектаклях, как это имело место, большую роль играет детский балет. Участвующие в нем, выступая многократно, поздно возвращаются домой, привыкают смотреть на себя, как на артистов, отвлекаются от привычной работы и невольно подчиняются влиянию толпы зрителей, порицающих или одобряющих молодых танцоров. Танцы часто исполняются в слишком легких костюмах в балетной обстановке (Журн. „Народное Просвещение", Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения № 104 1922 г.).

Циркуляр № 32. Губсоцвосам г.г. Петрограда и Москвы. „Об организации колоний для подростков".—Для детей, увольняемых в отпуск с фабрик и заводов, должно быть предоставлено необходимое число мест в летних колониях. (Журн. Нар. Просвещения. № 104).

Циркуляр № 33. Во все Губсоцвосы. „О распределении обязанностей между Уездн. Отделами Нар. Обр. и членами Волостных Исполкомов". Согласно данного циркуляра на обязанности Уоно лежит учреждение осуществления и прекращения опек над несовершеннолетними, назначение опекуна надзора за ними и т. д. На члена Волисполкома, ведающего образование, возлагается работа подготовительного характера, сношение с подопечными, местным населением и пр. (Журн. Народн. Просв. № 104).

Циркуляр № 37. Во все Губсоцвосы. „Примерный Устав Кружка рассказчиков". В этом циркуляре указывается значение и цель кружка, круг деятельности председателя и других членов кружка, литература по теории рассказывания: 1) Бральэнт—„*Что* и как рассказывать детям". 2. Партридж—„Что и как рассказывать детям". 3) Покровская—„Рассказывание". 4) Румянцев — „Художественное рассказывание" (сборник). 5) Библиотечный сборник Костромского Практикума. Статья Херсонской „Работа в детской библиотеке". (Журн. Нар. Просв. № 107).

Циркуляр № 61. Всем Губсоцвосам *„О пересмотре состава детей в детских домах"*.— Согласно чего в детских домах остаются: 1) круглые сироты, 2) полусироты, дети красноармейцев действительной службы, 3) дети, подвергающиеся жестокому обращению или находящиеся в ненормальной обстановке. (Журн. Народн. Просв. № Ш.).

Циркуляр № 81. „О подчинении эвакуированного персонала местному Отделу Народного Образования". Эвакуированный вместе с детьми из голодающих местностей педагогический персонал, как и учреждение, поступает в полное распоряжение местного Отдела Народного Образования. Однако Отделы Народного Образования должны считаться с особенностями жизни национальных детских учреждений. (Журн. Народ. Просв. № 104).

Циркуляр № 35. Во все Губсоцвосы. *„Об отправке несовершеннолетних на родину"*, на средства учреждения Правовой Защиты Несовершеннолетних, когда на месте есть родные, или Отнаробраз согласен принять их (Журн. Нар. Просв. № 104).

Циркуляр № 29. „О летних каникулах". Об'является двухмесячный перерыв в занятиях учреждений Главсоцвоса с 1-го июля по 1-ое сентября. Учреждения же с хозяйственным уклоном могут вести работы не прерывая. Время каникул не является полным досугом, а используется для поднятия квалификации работников и укрепления материальной базы учреждения (Журн. Нар. Просв. 104).

Циркуляр № 34. Во все Губсоцвосы. *„О выполнении об'единенных распоряжений Наркомпроса и Всевобуча"*. Об организации и проведении физической культуры на местах в учреждениях Главсоцвоса. (Журн. Нар. Просв. № 104).

Циркуляр № 36. Во все губсоцвосы. *„Об обязательном представительстве Губсоцвосов в Советах Физической Культуры"*. (Журн. Народн. Просв. № 107).

Распоряжение по Наркомпросу № 574. Об'являются, в отмену ранее действовавших положений о местных Отделах Народного Образования, положения о Губернском и Уездном Отделах Народного Образования. (Журн. Нар. Просв. № 111).

Циркулярно. Всем Губернским Отделам Народного Образования. Предлагается Завед. Губоно выступать с категорическим протестом против сокращения Уоно, а также слияния их с Отделами Здравоохранения или социального обеспечения. (Народн. Просв. № 108—9).

Циркулярно. Всем Губернским Отделам Народного Образования. Напоминается о необходимости занять в местном бюджете первенствующее место и добиваться от Губисполкомов максимального удовлетворения всех потребностей Народного Образования. (Народн. Просв. 108—9).

Циркулярно всем Губернским Отделам Народного Образования. Предлагается примерный проект договора о содержании сельской школы местным обществом, при этом указывается, что в переговорах с крестьянскими местными работниками проявлялись такт, осторожность, твердость, непреклонность в сохранении основных завоеваний советской школы, так как, например, крестьяне охотно соглашаются на полное содержание школы с непременным условием введения закона божия. В случае отказа крестьян содержать школы напомнить, что в таком случае школа будет закрыта, а частные ни в коем случае не будут допущены. (Журн. Народ. Просв. № 9).

Положение „Об инспекции Народного Комиссариата по Просвещению". (Журн. Народн. Просв. № 110).

„Инструкция для инспекторов Наркомпроса". О правах и обязанностях инспекторов во время командирования в данный район для инспектирования и инструктирования органов и учреждений Наробразов по заданиям Центра и независимо от местных органов просвещения. (Журн. Народн. Просв. № 110).

Положение „О Губернской Инспекции Народного Образования". К компетенции губернской инспекции народного образования относится наблюдение за деятельностью Уездных Отделов Народного Образования, волостных уполномоченных по народному образованию и всех просветительных учреждений губернии. (Журнал Народн. Просв. № 111).

Порядок составления плана работы на 1922—23 учебный год и о материальных основаниях (приняты Президиумом Коллегии НКП 21/VII 22 года.) (Журн. Народн. Просв. № 108—9).

Циркулярно. Всем губернским Отделам Народного Образования, Культотделам Губпрофсоветов. Раз'ясняется, что Цекультстрой

организовывает культработу среди строительных рабочих и при том независимо от того, в ведении каких хозяйственных органов они будут находиться.

Циркулярно. Всем Губоно и культотделам Губпростроев. Ряз'ясняется, что Культпросветские Учреждения Цекультстроя должны снабжаться наравне с прочими учреждениями, оставленными на госснабжении (Журн. Народн. Просв. № 107).

Распоряжение по Наркомпросу за № 449. Об'является Инструкция, изданная Наркомпросом на основании статьи 7 Положения о налоге с публичных зрелищ и увеселений, утвержденная ВЦИК и СНК 22/VI 1922 г. (Журн. Народн. Просв. № 110).

Распоряжение по НКП № 642. Всем Зав. Губоно. Об отмене всех до сих пор действовавших положений: 1) О Культотделе Цектрана, 2) Октрана, 3) Доббофсоже, 4) Райкомводе и 5) Учпрофсоже и о подчинении культурной работы на транспорте органам союза и НКПС. (Журн. Народн. Просв. № 105).

Инструкция Государственного Издательства — Об обязательной регистрации произведений печати в РСФСР и о снабжении ими государственных книгохранилищ (утверждено НКП от 6/V—22 г. в развитие декрета СНК от 30/VI—22 г. и постановлений НКП от 3/VIII 1920 года и 12/I—22 г.) (Журн. Народн. Просв. № 105).

Обязательное постановление Народного Комиссариата по Просвещению в дополнение к постановлению Наркомпроса 3/VIII—20 г. и 12/1—22 г. об'является о представлении в Российскую Центральную Книжную Палату произведений печати, тираж которых не превышает 300 экземпляров, в количестве 5% и т. д. 6/VI 22 г. (Журн. Народн. Просв. № 105).

Распоряжение по Наркомпросу № 212. Губернским и Уездным Отд. Нар. Образования—О немедленной посылке в Р. Ц. Кн. Палату (Москва, Тверская 48) всех произведений печати, предназначавшихся для палаты, не пересланых (Журн. Народн. Просв. № 105).

Распоряжение по Наркомпросу № 516. Постановление (принято Президиумом НКП 24/VIII—22 г). Об организации скупки старых книг, в целях сохранения и защиты книжных богатств Республики, распыленных между частными владельцами, скупаемых иностранными агентами, и частичного экспорта за границу. (Журн. Народн. Просв. № 111).

В Коллегии защитников.

В настоящей заметке мы приводим некоторые данные об организации и общественно-профессиональной деятельности Московской адвокатуры после ее реорганизации.

Состав и организация. В состав Московской Губернской Коллегии защитников входят в настоящее время 350 человек. Этим кадром работников обслуживается почти исключительно гор. Москва, уезды же в отношении юридической защиты населения обставлены очень скудно (13 чел.). Учитывая этот пробел, Президиум Коллегии обслуживал до сих пор уезды выездными сессиями своих консультаций, а сейчас, когда производится новое пополнение Коллегии (в количестве 100 чел.), стремится укомплектовать им, главным образом, уезды. Президиумом поднят вопрос о стажерах, но вопрос этот находится еще в стадии первоначальной разработки.

Нынешняя организация Президиума, избранного на общем собрании Коллегии от 8-го октября, представляется в следующем виде: 1) пленум Президиума, 2) ответственный секретариат, 3) комиссия по консультационным делам, 4) комиссия по дисциплинарным делам, 5) управление делами.

Ответственный секретариат (нын. состав его—Л. А. Меранвиль, Д. С. Посталовский, Д. Б. Рубинштейн) несет функции представительства, распорядительные, исполнительные и по подготовке дел для Пленума.

Комиссия по дисциплинар. делам (ее состав—Я. А. Берман, П. Н. Коренев, С. Н. Ордынский и В. М. Фирсов) имеет своей задачей рассмотрение поступающих дел о действиях членов коллегии и разработку и проведение всяких мер для поддержания професс. дисциплины и этики. По дисциплинар. делам требуется единогласное постановление комиссии, а в случае разногласия, дело передается в Президиум Коллегии.

Комиссия по делам консультаций (состав ее—С. М. Брауде, А. М. Долматовский, Д. В. Рубинштейн, В. М. Фирсов) сосредоточивает у себя организацию, руководство и контроль над работой консультаций.

В настоящее время функционируют в Москве следующие 10 консультаций:

1). Консультация при Сов. Нар. Судей (Берсеньевская наб., 24, здание Совнарсуд).

2). Центральная Юридическ. Консультация (времен. помещается там же).

3). Специальная консультация по крестьянским делам (Троицкая ул. д. 19).

4). Консультация по оказанию юридич. помощи малолетним и несовершеннолетним (Леонтьевский пер., д. 19).

Районные консультации:

5). Красно-Пресненская (Долгоруковская, улица, д. 34).

6). Сокольническая (Садовая-Спасская, дом 7).

7). Баумановская (Ирининская д. 32).

8). Рогожско-Симоновская (Верхне-Радищевская, д. 28).

9). Замоскворецкая, (Б. Ордынка, д. 41).

10). Хамовническая (Улица Крапоткина, быв. Пречистенка, д. 17).

Консультации при Сов. Нар. Суде и Центральную предположено слить в одну Центральную Юрид. Кон. при Губ. Суде.

Консультации работают согласно инструкции, выработанной Президиумом, которую мы, в виду большого практического значения, ниже печатаем полностью.

Необходимо, кроме инструкции, еще заметить, что в деле назначения защитников по таксе и бесплатно применяется такой порядок. По делам, разбирающимся в Народных Судах, назначение исходит от районной консультации, по делам в Совнарсуде—от консультации при Совнарсуде, по делам в Особ. Сессии Совнарс. и Трибуналах — от Президиума коллегии. В целях полной подготовки назначаемого защитника к делу, Президиум Коллегии снесся с судебными органами о заблаговременном заявлении со стороны последних требований—по делам более сложным за 7 дней до разбора дела, по менее сложным за 3 дня.

Текущая деятельность Коллегии.

Из текущей деятельности коллегии за (октябрь, ноябрь пр. г.) интересно отметить следующее.

Общих собраний членов коллегии было 2: они были посвящены главным образом вопросам организации, обложения, отчетам Президиума.

Работа Президиума шла очень интенсивно: почти ежедневно происходило заседание секретариата или какой-либо комиссии.

Особенно солидную работу проделал Президиум по учету судебных дел в уездах с целью выяснения необходимого пополнения коллегии для обслуживания уезда (см. выше).

Много внимания было уделено делу юридической помощи населению. Помимо разработки инструкции, помимо еженедельных совещаний при Президиуме с зав-ми консультациями, — Президиум производил обследование работы консультаций на местах, выездными сессиями консультаций обслуживал нужду уездов в юридической помощи. Это было конечно, только небольшим коррективом, ибо радикально вопрос об уездах будет разрешен лишь в связи с проводимым ныне пополнением Коллегии и размещением части работников по уездам.

В дальнейших заметках мы дадим более подробные сведения о работе консультаций, в которой особенно ярко сказывается общественная ценность корпоративной организации адвокатуры. На сей же раз ограничимся нижеследующими цифровыми данными о двух центральных консультациях и приведем также характерные цифры, относящиеся к Красно-Пресненскому району (за декабрь месяц).

		Консул. при Совнарсуде.	Центр. Юрид. Консул.	Красно-Пресн. район. Консул.
1). Общее число юридических советов.		248	591	691
из них	труд. насел.	150	362	409
	нетр. насел.	98	229	282
из них	по гр. дел.	144	218	449
	по угол. дел.	84	80	186
	по адм. дел.	20	293	56
из них	платные . . .	125	290	428
	бесплатные .	123	301	263
2). Защита по уголов. дел. общее число.		26	6	669
платная		14	3	14
бесплатная		12	3	655

В заключение, мы можем отметить, что дисциплинарных дел было очень мало. В порядке ревизионной работы и в целях поддержания корпоративной этики Президиум выработал единообразную форму ведения членами Коллегии записи дел и гонорара, получаемого от клиентов, и принял меры против реклам.

Ю. Д.

ИНСТРУКЦИЯ

об организации Юридических Консультаций при Президиуме Московской Губернской Коллегии Защитников.

П. 1. На основании пункта „д“ ст. 46 „Положения об адвокатуре ВЦИК от 26-го мая 1922 г. и пункта „г“ ст. 12 „Положение о Коллегии Защитников“, утвержденного НКЮ 5-го июля 1922 г., в гор. Москве организуются под руководством и наблюдением Президиума Московской Губернской Коллегии Защитников, для оказания юридической помощи населению, в первую очередь трудящимся, нижеследующие Консультации;

1) Районные Консультации при каждом Районном Народном Суде, а именно: Красно-Пресненском, Хамовническом, Замоскворецком, Рогожско-Симоновском, Баумановском, и Сокольническом.

2) Консультация при Московском Губернском Суде, функционирующая на правах районной:

3) Московская Юридическая Консультация по специальным отраслям права, с отделениями: а) гражданско-административным и б) крестьянским.

Примечание: Прием в Консультациях производится ежедневно, кроме праздников; в районных от 11 до 16 часов, а в Консультации по специальным вопросам права от 12 до 17 часов.

П. 2. Общее руководство и наблюдение за работой всех Консультаций возлагается на Комиссию по делам о консультациях при Президиуме Московской Губернской Коллегии Защитников.

Комиссия состоит из 4-х членов Президиума. При Комиссии образуется Совещание из Заведующих Консультациями, которое созывается не реже одного раза в 2 недели, для обсуждения всех вопросов, касающихся Консультаций.

Протоколы Комиссии и Совещания утверждаются Президиумом Коллегии.

П. 3. Все члены Коллегии Защитников, согласно списка, учрежденного Президиумом Коллегии, распределяются для работ в Консультациях, перечисленных в п. 1 настоящей инструкции.

П. 4. В каждой консультации имеется заведующий, избираемый общим собранием членов данной Консультации и утверждаемый Президиумом Коллегии.

Заведующий Консультацией ежедневно присутствует в часы приема в консультации: принимает, как член дежурного присутствия консультации, участие во всей работе последнего; руководит административно-технической работой Консультации; принимает взимаемую с обращающихся в Консультацию лиц плату и отчисления от членов Консультации, ведет денежные расходы и денежную отчетность Косультации, хранит полученные суммы до сдачи их в кассу Президиума Коллегии, созывает общие собрания консультации, составляет списки дежурных консультантов, очередные списки назначений на бесплатные и платные защиты, принимает участие в совещаниях заведующих Консультациями при Президиуме Коллегии Защитников, наблюдает за правильной регистрацией даваемых советов, сообщает в Президиум сведения о работе Консультации по формам, выработанным Президиумом, следит за исполнением консультантами возложенных на них Консуталцией задач, в общем об'единяет работу данной Консультации, является перед Президиумом Коллегии лицом ответственным за правильный порядок деятельности Консультации.

П. 5. На каждый день, кроме праздников, в каждой из Консультаций образуется Дежурное присутствие членов Коллегии из 5-ти лиц, а именно: заведующего Консультацей и 4-х дежурных, назначаемых по списку, составленному заведующим Консультацией на 1 месяц вперед с 1-го числа каждого месяца и об'явленному не позднее 20-го числа предыдущего месяца.

Каждый член Коллегии обязан являться на дежурство.

Неявка допускается: в случае болезни, или отпуска, предоставленного Президиумом, а также по вызову в Суд, но в последнем случае, с обязательством отдежурить пропущенные дни. В случае вызова в Суд или отпуска дежурный член Коллегии, не могущий явиться на дежурство, обязан заменить себя другим членом Коллегии не позднее начала приемных часов дежурного дня; в случае болезни он обязан известить о том Президиум, но без обязательства найти себе заместителя. Неявка на дежурство по незаконным причинам влечет за собой дисциплинарное взыскание.

П. 6. Для работы дежурное присутствие Консультации может разделиться на две группы. Дежурное присутствие оказывает все виды юридической помощи, предусмотренные в п. 8 настоящей ииструкции. Все вопросы разрешаются простым большинством голосов.

Примечание: Дежурное присутствие, в исключительных случаях, в виду большой сложности вопроса, может передать решение его в Юридическую Консультацию по специальным отраслям права (п. 3 параграфа 1-го.)

Примечание 2. В случаях, не терпящих отлагательства, назначение защиты бесплатно и по таксе производится заведующим Консультацией в порядке очереди, по заранее составленному списку (п. 4).

П. 7. Не реже одного раза в месяц заведующим Консультацией созывается общее собрание консультантов, для разрешения вопросов, касающихся деятельности данной консультации, для обсуждения докладов по вопросам права и организации юридической помощи населению.

На общих собраниях, неявка которого не влечет за собой недействительности Собрания.

П. 8. Юридическая помощь населению оказывается:

1) дачей советов,

2) составлением бумаг и

3) назначением отдельных защитников для ведения дел в судебных и административных учреждениях.

П. 9. Все советы должны даваться коллегиально (п. 6), обязательно в письменной форме в случае просьбы о том со стороны обращающегося. Даваемые советы должны регистрироваться на установленного образца карточке, с точным изложением содержания вопроса и совета, за подписью тех членов консультации, которые дали совет. Письменные ответы выдаются без подписей дежурного присутствия Консультации, но с указанием на них № регистрационной карточки. Эти ответы должны быть точной копией вопроса и ответа регистрационной карточки.

П. 10. Консультация оказывает бесплатную помощь (п. 8): а) красноармейцам, инвалидам войны и труда, безработным, зарегистрированным на Бирже Труда, находящимся на социальном обеспечении, а также лицам, признанным Народным Судом или Дежурным Присутствием Консультации неимущим; б) лицам, поименованным

в ст. 59 Уг. Проц. Кодекса, если защита назначается по требованию Суда, а не по соглашению.

Консультация взимает по таксе плату за оказываемую юридическую помощь: рабочим государственных и частных предприятий и служащим советских учреждений и предприятий.

Во всех остальных случаях размер платы устанавливается дежурным присутствием по соглашению с лицом, обращающимся за помощью.

П. 11. Все суммы, получаемые за дачу советов и составление бумаг в Консультации, идут в кассу Консультации.

50% платы за составление бумаг, по поручению дежурного присутствия Консультации, дежурными членами Консультации на дому, поступают в кассу Консультации, а остальные 50% в пользу члена Коллегии, составившего бумагу.

Плата по таксе за ведение дел, переданных члену Коллегии дежурным присутствием Консультации, полностью поступает в пользу члена Коллегии ведущего дело.

25% платы, полученной по соглашению, за ведение дела, переданного члену Коллегии дежурным присутствием Консультации, поступает в кассу Косультации, остальные 75%—в пользу члена Коллегии, ведущего дело.

П. 12. Из полученных в течение месяца в свою пользу сумм Консультация покрывает все свои расходы, включая жалованье заведующаго Консультацией и технического персонала, а остаток вносится заведующим Консультацией в кассу Президиума, для расчисления в особый фонд для оказания юридической помощи населению.

Не позже 5-го числа каждого месяца заведующий консультацией представляет в Президиум полный денежный отчет за истекший месяц и вносит в кассу вышеуказанный остаток денег.

Из иностранной жизни.

Ирландская Конституция 1922 г.

Первая статья Ирландской конституции 1922 г. гласит: „Свободное государство Ирландии является одним из равноправных членов той совокупности наций, которые составляют об'единение британских народов."

В качестве основного принципа конституция провозглашает, что „ирландский народ является источником всей государственной власти—законодательной, исполнительной и судебной". Всем гражданам предоставляется неприкосновенность личности и жилища, свобода совести и слова, свобода печати и собраний и право на первоначальное образование.

Во главе законодательной и исполнительной власти стоит король; санкция его для издания законов необходима.

Законодательная власть принадлежит Парламенту [Oireachtas], состоящему из Палаты Депутатов [Dail Eireann] и Сената [Seanad Eireann]. Обе законодательные палаты избираются всеобщим голосованием.

Избирательные права для Палаты Депутатов предоставлены всем достигшим 21 года. Для выборов в Сенат необходим 30-летний возраст. Депутаты выбираются на 4 года по пропорциональной системе.

Ирландский Сенат является по своей конструкции законодательным учреждением нового типа. Он состоит из 60 членов, избираемых на 12 лет и переизбираемых в количестве 15 каждые 4 года. Выборы происходят по кандидатским спискам, установленным Парламентом. К каждым выборам Парламент составляет список кандидатов, в 3 раза превышающий количество свободных вакансий; две трети этих кандидатов намечаются Палатой Депутатов а одна треть Сенатом. Таким образом надеются обеспечить Сенату сотрудничество выдающихся лиц.

Сенат призван играть роль советчика и регулятора; он может изменить и вернуть обратно для нового рассмотрения в Палате Депутатов закон, с которым он не согласен, и созвать для совместных прений об'единенное заседание обеих Палат; однако эти прения не сопровождаются никаким голосованием, т. к. лишь Палате Депутатов принадлежит окончательное решение и законодательная власть по всем законам, касающимся финансов. Сенат имеет все же право путем референдума апеллировать к народу. По письменному требованию двух пятых членов Палаты Депутатов и большинства сенаторов, в течении 7 дней. после того, как закон прошел в Парламенте (за исключением финансовых законов и срочных законов по здравоохранению) издание его может быть приостановлено на 90 дней. Если в течение этого, срока 1/20 избирателей или 3/5 Сената выскажутся за референдум, то законопроект передается на всенародное голосование Конституция предоставляет также избирателям право законодательной инициативы согласно порядку, который должен быть установлен не позднее двух лет. Петиция с предложением нового закона или изменения Конституции, подписанная не менее, как 75000 избирателей, должна быть рассмотрена Парламентом.

Такова структура законодательного аппарата в Ирландии. Кроме того, Парламент имеет еще право создавать местные и профессиональные собрания.

Правительственная власть принадлежит королю, представителем которого является генерал-губернатор, и Исполнительному Совету. Политическое положение губернатора [Seanascal shaorstrait Eireann] аналогично с положением его Канадского коллеги.

В составе Исполнительного Совета должно быть не менее пяти и не больше семи министров, которые несут коллективную ответственность перед Парламентом и, оставшись в меньшинстве, обязаны подать в отставку. Наряду с этими министрами, которых можно назвать политическими, имеются так называемые технические министры. Они не состоят членами Исполнительного Совета, не связаны солидарной ответственностью и должны подавать в отставку лишь, если Парламент выразит осуждение их ведомству. Число министров, как политических, так и технических, не должно превышать двенадцати. Председатель Исполнительного Совета, его товарищ и министр финансов обязательно входят в состав Совета. Благодаря такой своеобразной конструкции правительства, оно с одной стороны способно реагировать на все явления политической жизни, а с другой в нем обеспечивается постоянство в работе департаментов, не имеющих политического значения.

Общий контроль над финансами, как и в Англии, поручен несменяемому контролеру, кот. не может быть ни членом Парламента, ни государственным чиновником.

Судебная власть принадлежит несменяемым судьям, не имеющим права выбираться в Парламент. Все военные по делам, не касающимся их службы, подсудны обыкновенным судам.

Н. Алексеева.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. **Н. М. Тоцкий**.—Наше литературное наследство 3

II. **Я. А. Канторович**.—Коллективный договор, как юридический институт (Социально-экономические основы коллективного договора). 13

III. **А. Н. Трайнин**.—Хозяйственные преступления по Угол. Код. Р. С. Ф. С. Р. 29

IV. **А. Пионтковский**.—Тюремная реформа в Бельгии 48

V. **Н. Полянский**.—Советское Законодательство о судоустройстве в его основных моментах. 53

VI. **А. Колосов**.—Предание суду по действующему русскому праву. 71

VII. **Мих. Гернет**.—Тоска в тюрьме и тюремные развлечения . . 82

VIII. Библиография Hageman Karl. Jahrbuch des Jugendrechts; Отчет о деятельности Моск. Исполн. Комит. и Губ. Эк. Сов.; Важнейшие статьи в немецких журналах по уголовному праву за 1923 г.; Grotian Radbruch. Die Abtreibung der Leibesfrucht; Новые книги по уголовному праву; „О порядке и условиях сдачи торговых помещений в 1923 г.“. 89

IX. Законодательная хроника. Сводка декретов опубл. с 1-го августа 1922 г. до 1-го января 1923 г.; Циркуляры и инструкции Нар. Ком. Просвещения 91

X. В Коллегии защитников. 97

XI. Из иностранной жизни. Ирландская конституция 1922 г. . 100

XII. Об'явления . . . . . .

000154319

ЮФ СПБГУ

ИЗДАНИЯ

„ПРАВО и ЖИЗНЬ“

ПРОДАЮТСЯ:

I. В редакции „ПРАВО и ЖИЗНЬ“ (Пречистенка, 17).

II. Страстной бульвар, д. 10, кв. 10.

III. Заказы по телефону 1-63-64 и 32-28.

IV. В московских книжных магазинах:

1. Издательство Наркомюста, уг. Рождественки и Кузнецкого Моста.
2. В московской конторе издательства „Украина“, Тверская ул., д. № 42 (там же принимается подписка).
3. В магазине О-ва Сел. Хозяйства, Кузнецкий Мост.
4. В магазине издательства ВСНХ., Кузнецкий пер.
5. В универсальном магазине Наркомздрава, уг. Б. Дмитровки и Камергерского пер.
6. В магазине „Московский Сеятель“, Б. Никитская д. 17.
7. В магазине „Русский Книжник“, Моховая д. 26.
8. В магазине „Задруга“, Моховая д. 20.
9. В магазине „Русско-Германского Общества“, Кузнецкий Мост, д. 12.
10. В магазине „Культура“, Мясницкая, д. 13.
11. В магазине „Научная Книга“, Моховая, д. 22.
12. В магазине „Маяк“, Петровка.
13. В магазине „Культура“, Арбат, д. 4.
14. В магазине „Книжный Посредник“, Никольская ул.
15. В магазине НКФ Банный пер., д. 24.
16. В магазине „Новая Деревня“, уг. Тверской и Моховой.

V. В Петрограде—Проспект Карла Маркса, д. 6, кв. 7.

VI. В Харькове—магазин НКЮ. и во всех магазинах Укргосиздата.

VII. В Севастополе—книжный магазин „Культура Крыма“, Нахимовский, 11.

VIII. В Одессе—Пушкинская, 1 и во всех магазинах Укргосиздата.

IX. В Екатеринославе—уг. Проспекта и Московской ул. и во всех магазинах Укргосиздата.

X. В Киеве—Никольская, 1 и во всех магазинах Укргосиздата.

XI. В Ростове н/Д. — Дмитревская, д. 122, кв. Гуревича, книжный магазин „Новое Слово“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВО и ЖИЗНЬ“

под общей редакцией проф. А. М. Винавера, проф. М. Н. Гернета, проф. А. Н. Трайнина

Имеются в продаже:

1) Журнал „ПРАВО и ЖИЗНЬ“ за 1922 г. кн. 2, 3 и 4, за 192
кн. I. (Книга первая 1922 г. распродана).

2) Сборник „ЗАКОНЫ О ТОРГОВЛЕ“ (Декреты и другие положе
о внутренней и внешней торговле)—составили С. А. Гуревич и Н.
Дмитревский, под редакцией проф. А. М. Винавера, Н. К. Муравье
В. Ю. Вольфа. т. т. I—III.

3) Проект Итальянского Уголовного Кодекса 1921 г., составл. ком
сией под председ. Энрико Ферри,—перевод с итальянского проф. М. Н. Герне

4) Проф. И. Б. Новицкий. Имущественный наем (ст. 152—179 Гра
Код. в связи с другими законами РСФСР об имущ. найме. Коммент
издание).

В ближайшее время выйдут:

5) Проф. П. И. Люблинский. Меры пресечения (ст. 146—164 У
Процесс. Код. РСФСР. Комментир. издание).

6) Проф. А. М. Винавер. Купля—продажа (ст. 180—207 Гражд. К
Комментир. изд).

7) Сборник „ЗАКОНЫ О КООПЕРАЦИИ“. (Декреты и друг. по
жения о кооперации с подробным комментарием). Составил А. М. Д
матовский, под редакцией проф. А. М. Винавера и М. А. Мебель.

Кроме книг нашего Издательства, имеются в продаже: 1) Руководс
по Судебной Медицине. Лейбович, 2) Революция и церковь. Изд. НК
3) Таблица наказ. Изд. НКЮ, 4) Руководство для прокуратуры. Изд. НК
5) Амнистия. Изд. НКЮ, 6) Устав о гербовом сборе. Изд. НКФ, 7) Ус
железнодорожный. Изд. НКПС, 8) Семейное право. Изд. НКЮ, 9) А
катура и Прокуратура. Изд. НКЮ, 10) Сов. земельное право, 11) Поло
ние о судоустройстве. Изд. НКЮ., 12) Сборник декретов 1917—22 г. и д

Издательство принимает на себя поручения по высылке в провин
всякого рода книг и других издательств по ценам книжных магази
с начислением расходов по пересылке.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ И ВЫСЫЛКИ КНИГ. В виду невозможности фиксировать цену журнала и других книг, Издательство просит желающих получать №№ журнала и прочие книги немедленно по их выходе внести, в зависимости от стоимости заказа, но не менее 30 р. с указанием назначения аванса.

gen